ЕВРАЗИЙСКАЯ № 3 (62) 2023

АДВОКАТУРА

Журнал основан в 2012 году.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (список Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации) по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки, по которым присуждаются ученые степени:
5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки),
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки),
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки),
5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).
В соответствии с произведенным распределением журналов, входящих в перечень по категориям, журнал отнесен к категории «К2».

Редакционный совет:

АДИЛОВ Надир Адил оглы – доктор философии по юридическим наукам, доцент, Председатель правления Совета Медиации Азербайджанской Республики, член Комитета Организации объединенных наций по экономическим, социальным и культурным правам (Азербайджанская Республика, г. Баку);

АМИНЕВ Фарит Гизарович – доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Башкортостан, профессор кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета, член президиума Союза «Палата судебных экспертов имени Ю.Г. Корухова (СУДЭКС)», председатель Общественного совета по экспертной деятельности в Республике Башкортостан (Российская Федерация, г. Уфа);

БАГРЕЕВА Елена Геннадиевна – доктор юридических наук, профессор, профессор департамента международного и публичного права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва);

БИРЮКОВ Павел Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и евразийского права юридического факультета Воронежского государственного университета (Российская Федерация, г. Воронеж);

ВАН Ерп Сьеф – магистр права, профессор кафедры гражданского права и европейского частного права и заведующий департаментом частного права Маастрихтского университета, президент Нидерландской ассоциации сравнительного права, член исполнительного комитета Европейского юридического института (Нидерланды, г. Маастрихт);

ВИНОГРАДОВА Елена Валерьевна – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук, профессор кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института Российского университета дружбы народов (Российская Федерация, г. Москва);

ВЛАСОВ Анатолий Александрович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного частного и гражданского права Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва);

ВОРОНОВ Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры гражданского и трудового права Воронежского института Федеральной службы исполнения наказаний России (Российская Федерация, г. Воронеж);

12+

Периодическое печатное издание (журнал): «Евразийская адвокатура».
Учредитель: Автономная некоммерческая организация «Евразийский научно-исследовательский институт проблем права».
Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ПИ № ФС77-50845 от 14.08.2012.
Регистрирующий орган: Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Адрес издателя и редакции: 450006, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Ленина, д. 102, оф. 24.
Адрес типографии: ФГУП «Издательство Известия», 127254, Российская Федерация, г. Москва, ул. Добролюбова, д. 6, стр. 1, **тел.**: +7 (495) 650-38-80, **website**: izv-udprf.ru.
Дата выхода в свет: 24.06.2023. Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 15. Тираж 500 экз. Свободная цена
Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России»: 41210
website: www.eurasian-advocacy.ru, **e-mail**: eurasian-advocacy@mail.ru, **тел.**: +7-917-40-61-340

ВУЯДИНОВИЧ Драгика – доктор права, профессор кафедры теории, философии и социологии права юридического факультета университета г. Белград (Республика Сербия, г. Белград);

ГАРАДЖАЕВ Джейхун – доктор юридических наук, судья Конституционного Суда Азербайджанской Республики, профессор кафедры конституционного права юридического факультета Бакинского государственного университета, член Комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания Совета Европы (Азербайджанская Республика, г. Баку);

ГАРМАЕВ Юрий Петрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Бурятия, профессор кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, заведующий лабораторией сравнительного правоведения в странах Азиатско-Тихоокеанского региона Бурятского государственного университета (Российская Федерация, г. Улан-Удэ);

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна – доктор юридических наук, доцент, адвокат, профессор департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва);

ДЕХАНОВ Сергей Александрович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса Московского государственного гуманитарно-экономического университета, профессор кафедры гражданского права Российской таможенной академии (Российская Федерация, г. Москва);

ЕГОРОВА Мария Александровна – доктор юридических наук, профессор, начальник управления международного сотрудничества, профессор кафедры конкурентного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), заместитель председателя Исполнительного комитета Московского отделения Ассоциации юристов России, со-президент Международного союза юристов и экономистов (Российская Федерация, г. Москва);

ЕГОРЫШЕВ Сергей Васильевич – доктор социологических наук, профессор, руководитель центра социологии права и правоохранительных органов Евразийского научно-исследовательского института проблем права (Российская Федерация, г. Уфа);

ЖАНАБИЛОВ Нурлан Еркинович – доктор права, профессор, почетный работник образования Казахстана, Главный эксперт Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, первый вице-президент Международного Союза (Содружества) адвокатов, президент Международной ассоциации адвокатов «Азия Инюрколлегия» (Республика Казахстан, г. Астана);

ЗИНН Арндт – доктор права, профессор, руководитель Института экономического уголовного права и руководитель кафедры немецкого и европейского уголовного права и уголовного процесса, международного уголовного права и сравнительного правоведения Университета г. Оснабрюк, директор Центра европейских и международных исследований уголовного права (Федеративная Республика Германия, г. Оснабрюк);

КОСТЮК Михаил Федорович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (Российская Федерация, г. Москва);

КУДРЯВЦЕВ Владислав Леонидович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции, руководитель магистерской программы (Российская Федерация, г. Санкт-Петербург);

ЛЕВУШКИН Анатолий Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Ульяновского государственного университета (Российская Федерация, г. Москва);

МЕЙЗА Исса – доктор частного права, профессор факультета права и политических наук Университета Джельфы (Алжирская народная демократическая республика, г. Джельфа);

РАГУЛИН Андрей Викторович – доктор юридических наук, доцент, адвокат, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура» (Российская Федерация, г. Москва);

РАХИМБЕРДИН Куат Хажумуханович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса Восточно-Казахстанского государственного университета имени Сарсена Аманжолова, председатель Палаты юридических консультантов Восточно-Казахстанской области «Парасат» (Республика Казахстан, г. Усть-Каменогорск);

РОДРИГЕС Хосе Норонья – доктор права, адвокат, директор центра юридических и экономических наук, профессор права факультета экономики и управления Азорского университета (Республика Португалия, г. Понта Дельгада);

САНГАДЖИЕВ Бадма Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института Российского университета дружбы народов (Российская Федерация, г. Москва);

СВИРИН Юрий Александрович – доктор юридических наук, доцент, почетный адвокат России, действительный член Российской академии естественных наук, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Академии труда и социальных отношений, профессор кафедры гражданского процесса и организации службы судебных приставов Всероссийского государственного университета юстиции (Российская Федерация, г. Москва);

ТАТАР Ольга Владимировна – доктор юридических наук, преподаватель кафедры частного права Комратского государственного университета Республики Молдова (Республика Молдова, г. Комрат);

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович – доктор юридических наук, руководитель центра международно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права (Российская Федерация, г. Москва);

ХАЛИКОВ Аслям Наилевич – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета (Российская Федерация, г. Уфа);

ЧИХЛАДЗЕ Леван Теймуразович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой муниципального права Юридического института Российского университета дружбы народов, и.о. заведующего кафедрой конституционного и муниципального права юридического факультета Московского государственного областного университета (Российская Федерация, г. Москва);

ШАГИЕВА Розалина Васильевна – доктор юридических наук, профессор, Первый проректор Российской академии адвокатуры и нотариата, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Высшей школы правоведения Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва);

ШАКИРОВ Тимур Равильевич – магистр права, правовой советник программы по Европе Международной комиссии юристов (Швейцария, г. Женева);

ЮРЬЕВ Сергей Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры адвокатуры Российской академии адвокатуры и нотариата (Российская Федерация, г. Москва);

ЯНГ Саймон Нгай ман – магистр права, профессор юридического факультета Университета Гонконга, адвокат (Гонконг);

ЯРТЫХ Игорь Семенович – доктор юридических наук, адвокат, вице-президент Федерального союза адвокатов России, профессор кафедры адвокатуры Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры гражданского права Института мировых цивилизаций (Российская Федерация, г. Москва).

Редакционная коллегия:

***Главный редактор*:**

РАГУЛИН Андрей Викторович – доктор юридических наук, доцент.

Члены редакционной коллегии:

ДЁМИНА Елизавета Петровна – руководитель направления технической проверки материалов;

КАУРАКОВА Мария Викторовна – кандидат юридических наук, руководитель направления рецензирования научных публикаций;

КУЛАГИН Александр Владимирович – руководитель направления предпечатной подготовки;

МЕЛЬНИЧЕНКО Роман Григорьевич – кандидат юридических наук, доцент, руководитель направления SMM;

ПОЛЯНСКАЯ Вероника Владимировна – руководитель направления литературного редактирования;

РАГУЛИНА Индира Тагировна – кандидат юридических наук, заместитель главного редактора;

ФАРХУТДИНОВ Динар Инсурович – руководитель направления IT.

EURASIAN № 3 (62) 2023
ADVOCACY Journal is published since 2012.

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences should be published (list of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) in scientific specialties and the corresponding branches of science in which academic degrees are awarded:
5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences),
5.1.2. Public law (state law) sciences (legal sciences),
5.1.3. Private law (civil law) sciences (legal sciences),
5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences).
In accordance with the distribution of the journals included in the list by category, the journal is classified as "K2".

Editorial Advisory Board:

ADILOV Nadir Adil oglu – PhD, Associate Professor, Chairman of the Board of the Mediation Council of the Republic of Azerbaijan, member of the United Nations Committee on Economic, Social and Cultural Rights (Azerbaijan Republic, Baku);

AMINEV Farit Gizarovich – LLD, Associate Professor, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Professor of the Department of Criminalistics of the Institute of Law of the Bashkir State University, Member of the Presidium of the Union «Chamber of Judicial Experts named after Yu.G. Korukhov (SUDEKS)», Chairman of the Public Council for Expert Activity in the Republic of Bashkortostan (Russian Federation, Ufa);

BAGREEVA Elena Gennadievna – LLD, Professor, Professor of the Department of International and Public Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow);

BIRJUKOV Pavel Nikolaevich – LLD, Professor, Head of the Department of International and Eurasian Law of Law faculty of the Voronezh State University (Russian Federation, Voronezh);

CHIHLADZE Levan Teymurazovich – LLD, Professor, Head of the Department of Municipal Law of the Law Institute of the People's Friendship University of Russia, Acting Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Faculty of Law of the Moscow State Regional University (Russian Federation, Moscow);

DEHANOV Sergey Alexandrovich – LLD, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Moscow State University of the Humanities and Economics, Professor of the Department of Civil Law of the Russian Customs Academy (Russian Federation, Moscow);

EGOROVA Maria Aleksandrovna – LLD, Professor, Head of the Department of International Cooperation, Professor of the Department of Competition Law of the Moscow State Law University, Deputy Chairman of the Executive Committee of the Moscow Branch of the Russian Bar Association, Co-President of the International Union of Lawyers and Economists (Russian Federation, Moscow);

EGORYSHEV Sergey Vasilevich – LLD, Professor, Head of the Center of Sociology of Law and Law Enforcement Agencies of the Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law (Russian Federation, Ufa);

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich – LLD, Head of the Center of International Legal Studies of the Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law (Russian Federation, Moscow);

GARMAEV Yuri Petrovich – LLD, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Buryatia, Professor of the Department of Criminal Procedure Law and Criminology of the East Siberian Branch of the Russian State University of Justice, Head of the Laboratory of Comparative Law in the Asia-Pacific Region of Buryat State University (Russian Federation, Ulan-Ude);

GRUDTSYNA Lyudmila Yurievna – LLD, Associate professor, Advocate, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow);

JURIEV Sergey Sergeyevich – LLD, Professor, Advocate, Professor of the Department of Advocacy of the Russian Academy of Advocacy and Notaries (Russian Federation, Moscow);

KOSTYUK Mikhail Fedorovich – LLD, Professor, Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian University of Economics (Russian Federation, Moscow);

KHALIKOV Aslyam Nailevich – LLD, Professor, Advocate, Professor of the Department of Criminalistics of the Institute of Law of the Bashkir State University, (Russian Federation, Ufa);

KUDRYAVTSEV Vladislav Leonidovich – LLD, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the St. Petersburg institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, Master program manager (Russian Federation, St. Petersburg);

LEVUSHKIN Anatoly Nikolaevich – LLD, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Russian State University of Justice, Professor of the Department of Civil and Commercial Law of the Ulyanovsk State University (Russian Federation, Moscow);

MAIZA Aissa – PhD, Professor of the Faculty of Law and Political Science of the Djelfa University (Algerian People's Democratic Republic, Djelfa);

QARACAYEV Ceyhun – LLD, the Judge of the Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan, Professor of the Department of Constitutional Law of the Faculty of Law of Baku State University, the member of the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (Azerbaijan Republic, Baku);

RAGULIN Andrey Viktorovich – advocate, LLD, associate professor, head of the Centre for the study of the organization and operation of the advocacy of Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law, editor-in-Chief of the «Eurasian Advocacy» Journal (Russian Federation, Moscow);

RAKHIMBERDIN Kuat Hazhumukhanovich – LLD, Associate professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the East Kazakhstan State University, Chairman of the «Parasat» Chamber of Legal Advisers of the East Kazakhstan Region (Republic of Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk);

RODRIGUES Jose Noronha – PhD, Advocate, Director of Center of Juridical and Economic Studies, Professor of Law of the Azores University (Portugal Republic, Ponta Delgada);

SANGADZHIYEV Badma Vladimirovich – LLD, Professor, Assistant of Chairman of the Department of Judicial Authority, Law-Enforcement and Human Rights Activity of the Law Institute of the People's Friendship University of Russia (Russian Federation, Moscow);

SHAGIYEVA Rozalina Vasilyevna – LLD, Professor, First vice-rector of the Russian Academy of Advocacy and Notaries, Professor of the Department of State Disciplines of the Higher School of Law of the Institute of State Service and Government of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow);

SHAKIROV Timur Ravilyevich – LLM, Legal adviser of the Program for Europe of International Commission of Jurists (Switzerland, Geneva);

SINN Arndt – PhD, Professor, Head of Institute of Economic Criminal Law, Head of the Department of German and European Criminal Law and Criminal Trial, International Criminal Law and Comparative Jurisprudence of the University of Osnabruck, Director of the Center of the European and International Researches of Criminal Law (ZEIS) (Federative Republic of Germany, Osnabruck);

SVIRIN Yuri Alexandrovich – LLD, Associate Professor, Honorary Advocate of Russia, Full Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Head of the Department of Civil Law and Process of the Academy of Labor and Social Relations, Professor of the Department of Civil Procedure and Organization of the Bailiff Service of the All-Russian State University of Justice (Russian Federation, Moscow);

TATAR Olga Vladimirovna – LLD, Lecturer of the Department of Private Law of the Comrat State University of the Republic of Moldova (Republic of Moldova, Comrat);

VAN ERP Sjef – LLM, Professor of the Department of Civil Law and European Private Law, Head of the Private Law Department of the Maastricht University, President of the Netherlands Comparative Law Association, Member of the Executive Committee of the European Law Institute (Netherlands, Maastricht);

VINOGRADOVA Elena Valerievna – LLD, Professor, Chief Researcher of the Constitutional Law and Constitutional Justice Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of Judicial Authority, Law-Enforcement and Human Rights Activity of the Law Institute of the People's Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation);

VLASOV Anatoly Aleksandrovich – LLD, Professor, Professor of the Department of International Private and Civil Law of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow);

VORONOV Alexander Alekseevich – LLD, Professor, Advocate, Professor of the Department of Civil and Labor Law of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Russian Federation, Voronezh);

VUJADINOVIC Dragica – PhD, Professor of the Faculty of Law of the University of Belgrade (Serbia Republic, Belgrade);

YARTYKH Igor Semenovich – LLD, Advocate, Vice-president of the Federal Union of Advocates of Russia, Professor of the Advocacy Department of the Moscow State Law University, Professor of the Department of Civil Law of the Institute of World Civilizations (Russian Federation, Moscow);

YOUNG Simon Ngai Man – LLM, Advocate, Professor of Faculty of Law of the University of Hong Kong (Hong Kong);

ZHANABILOV Nurlan Erkinovich – PhD, Professor, Honorable worker of education of Kazakhstan, Chief expert of the Kazakhstan Institute of Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, First vice-president of the International Union (Commonwealth) of Advocates, President of the International Association of Advocates «Asia Injurkollegiya» (Republic of Kazakhstan, Astana).

Editorial Board:

Editor-in-Chief:
RAGULIN Andrey Viktorovich – LLD, associate professor.

Members of the Editorial Board:
DEMINA Elizaveta Petrovna – Head of Technical Verification of Materials;
KAURAKOVA Maria Viktorovna – PhD, Head of Reviewing of Scientific Publications;
KULAGIN Alexandr Vladimirovich – Head of Preprinting Preparation;
MELNICHENKO Roman Grigoryevich – PhD, Associate professor, Head of SMM;
POLYANSKAYA Veronika Vladimirovna – Head of Literary Editing;
RAGULINA Indira Tagirovna – PhD, Deputy of the Editor-in-chief;
FARKHUTDINOV Dinar Insurovich – Head of IT.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве. Ссылки на настоящее издание обязательны. За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Точка зрения авторов материалов, опубликованных в журнале, может не совпадать с точкой зрения Редакционного Совета и Редакционной коллегии журнала.
Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная. Вы можете свободно: делиться (обмениваться) – копировать и распространять материал на любом носителе и в любом формате, адаптировать (создавать производные материалы) – делать ремиксы, видоизменять, а также создавать новое, опираясь на этот материал в любых целях, включая коммерческие. При этом вы должны обеспечить соответствующее указание авторства, предоставить ссылку на лицензию и обозначить изменения, если таковые были сделаны. Вы можете это делать любым разумным способом, но не таким, который подразумевал бы, что лицензиар одобряет вас или ваш способ использования произведения.

Содержание

ПЕРСОНА

Обеспечение баланса частноправового и публично-правового регулирования общественных отношений – фундаментальная основа стабильности в семье, обществе и государстве.
Интервью с доктором юридических наук, профессором, профессором кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Левушкиным Анатолием Николаевичем 9

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АДВОКАТУРЫ

РАГУЛИН Андрей Викторович
«Правильный путь» или «скользкая дорожка» российской адвокатуры? Ответ на статью экс-президента Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации Юрия Сергеевича Пилипенко 18

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДВОКАТСКОЙ ПРАКТИКИ

ЯРОШИК Олег Дмитриевич
О следственном, судебном эксперименте и достоверности проверки показаний по уголовным делам о дорожно-транспортных происшествиях 30

РОЩИН Дмитрий Николаевич
Проблемы осуществления защиты по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности 43

ПОЛЯКОВ Игорь Михайлович
Тактическая операция по проверке версии о невиновности по уголовным делам о взяточничестве 50

ЛЕВУШКИН Анатолий Николаевич
Частноправовая ответственность органов управления в корпоративных правоотношениях, реализуемая на основе принципов добросовестности и разумности 54

ПЕТУХОВ Сергей Владимирович, РАЧЕЕВА Юлия Владимировна
Субсидиарная ответственность контролирующих лиц в контексте принципа правовой определенности 62

ЛЕПЕШКИНА Валентина Сергеевна
Правовое регулирование процедуры медиации в экономической деятельности: порядок и условия реализации 66

СИНГЛЕЕВА Баира Анатольевна, ЖДАНОВ Станислав Константинович, ПЕТРОВА Виктория Юрьевна, ОЛЧАНОВА Цаган Валерьевна, УСКОВА Альбина Станиславовна
Защита деловой репутации юридического лица в Интернете 70

ПРАВОСУДИЕ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

МИРОШНИЧЕНКО Даниил Викторович
Об общественной опасности как скандале (scandalum), или эмотивистская концепция преступления 76

НИФТАЛИЕВА Ирина Алисаламовна
Проблемы реализации принципа справедливости в нормах, устанавливающих уголовную ответственность за детскую порнографию 81

ПОПОВ Александр Юрьевич
Опыт противодействия незаконному обороту оружия в некоторых зарубежных странах 84

ГАЛЕЦКИЙ Виталий Сергеевич
Актуальные проблемы, возникающие при реализации следователем процессуальных решений, принимаемых прокурором по итогам изучения поступившего к нему с обвинительным заключением уголовного дела 90

ШАЙХУТДИНОВ Фанис Фаритович
Некоторые аспекты уголовной ответственности должностных лиц за внесения в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений 96

ПЕЧНИКОВА Розалия Багдуевна
Индексация электронных сообщений в ходе расследования преступлений 101

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

ОСТРОУШКО Александр Владимирович, БУКАЛЕРОВА Людмила Александровна, ШАГИЕВА Розалина Васильевна
Совершенствование понятийного аппарата, связанного с правовым регулированием киберпространства 105

ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА ЕВРАЗИИ

ЗАХАРЦЕВ Сергей Иванович, САЛЬНИКОВ Виктор Петрович
Тезисно о гипотезе катаклизмов и круговорота жизни на Земле в контексте современности 110

ВИНОГРАДОВА Елена Валерьевна
Реализация концепции обеспечения безопасности в конструктах международных договоров 114

САДЫКИ Галиб Мухамед-Арифович, САНГАДЖИЕВ Бадма Владимирович
Светский характер государства в правовой доктрине Российской Федерации 121

АДОНИНА Светлана Юрьевна
Государственное и муниципальное управление как основа публичной службы 125

Contents

PERSONA

Ensuring the balance of private law and public law regulation of public relations is the fundamental basis of stability in the family, society and the state. Interview with Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Business and Corporate Law of the O.E. Kutafin Moscow State Law University Levushkin Anatoly Nikolaevich 9

PROBLEMS OF ORGANIZATION AND ADVOCACY PROFESSION FUNCTIONING

RAGULIN Andrey Viktorovich
The «right way» or the «slippery slope» of the Russian advocacy? A response to the article by the ex-President of the Federal Chamber of Advocates of the Russian Federation Yuri Sergeevich Pilipenko 18

ACTUAL PROBLEMS OF ADVOCACY PRACTICE

YAROSHIK Oleg Dmitrievich
On investigation, forensic experiment and reliability of testimony verification in criminal cases of road traffic accidents 30

ROSHCHIN Dmitry Nikolaevich
Problems of protection in criminal cases of crimes in the field of entrepreneurial activity 43

POLYAKOV Igor Mikhailovich
Tactical operation to verify the version of innocence in criminal cases of bribery 50

LEVUSHKIN Anatoliy Nikolaevich
Private legal responsibility of management bodies in corporate legal relations, implemented on the basis of the principles of good faith and reasonableness 54

PETUKHOV Sergey Vladimirovich, RACHEEVA Yulia Vladimirovna
Subsidiary liability of controlling persons in the context of the principle of legal certainty 62

LEPESHKINA Valentina Sergeevna
Legal regulation of mediation procedure in economic activity: procedure and conditions of implementation 66

SINGLEEVA Baira Anatolyevna, ZHDANOV Stanislav Konstantinovich, PETROVA Victoria Yurievna, OLCHANOVA Tsagan Valeryevna, USKOVA Albina Stanislavovna
Protection of the business reputation of a legal entity on the Internet 70

JUSTICE AND LAW-ENFORCEMENT ACTIVITY IN THE EURASIAN SPACE

MIROSHNICHENKO Daniil Viktorovich
About public danger as a scandal (scandalum) or an emotivist concept of crime 76

NIFTALIEVA Irina Alisalamovna
Problems with the implementation of the principle of justice in the norms criminalizing child pornography 81

POPOV Alexander Yurievich
Experience in combating illicit arms trafficking in some foreign countries 84

GALETSKY Vitaly Sergeyevich
Current problems arising in the implementation of the investigator procedural decisions made by the prosecutor based on the results of the examination of the criminal case that has come to him with the indictment 90

SHAIKHUTDINOV Fanis Faritovich
Certain aspects of the criminal liability of officials for knowingly entering misleading information into the unified state registers 96

PECHNIKOVA Rozaliia Bagduevna
Indexing of electronic messages during the investigation of crimes 101

ACTUAL PROBLEMS OF LAW SCIENCE AND PRACTICE

OSTROUSHKO Alexander Vladimirovich, BUKALEROVA Lyudmila Alexandrovna, SHAGIEVA Rosalina Vasilevna
Improvement of the concept associated with the legal regulation of cyberspace 105

POLICY AND ECONOMY OF EURASIA

ZAKHARTSEV Sergey Ivanovich, SALNIKOV Viktor Petrovich
Thesis on the hypothesis of cataclysms and the cycle of life on Earth in the context of modernity ...110

VINOGRADOVA Elena Valerievna
Implementation of the concept of security in the constructs of international treaties 114

SADIKI Galib Mukhamed-Zarifovich, SANGADZHIEV Badma Vladimirovich
The secular nature of the state in the legal doctrine of the Russian Federation 121

ADONINA Svetlana Yur'evna
State and municipal administration as the basis of public service 125

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БАЛАНСА ЧАСТНОПРАВОВОГО И ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ – ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ОСНОВА СТАБИЛЬНОСТИ В СЕМЬЕ, ОБЩЕСТВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Интервью с доктором юридических наук, профессором, профессором кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Левушкиным Анатолием Николаевичем

ENSURING THE BALANCE OF PRIVATE LAW AND PUBLIC LAW REGULATION OF PUBLIC RELATIONS IS THE FUNDAMENTAL BASIS OF STABILITY IN THE FAMILY, SOCIETY AND THE STATE

Interview with Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Business and Corporate Law of the O.E. Kutafin Moscow State Law University Levushkin Anatoly Nikolaevich

Визитная карточка:

Анатолий Николаевич Левушкин – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), заведующий кафедрой гражданского права Государственного университета просвещения. Специалист в области частного права: гражданского, предпринимательского, семейного, корпоративного, жилищного и др.

Родился 11 сентября 1978 года. Окончил Ульяновский государственный университет (2000 г.). В 2000–2003 гг. являлся аспирантом очной аспирантуры Ульяновского госуниверситета по специальности 12.00.03 «Гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право». В апреле 2004 года защитил кандидатскую диссертацию «Правовое регулирование имущественных отношений в семье по законодательству Российской Федерации». Ученая степень кандидата юридических наук присуждена диссертационным советом Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина.

Приказом Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки 27 февраля 2007 года А.Н. Левушкину присвоено ученое звание доцента по кафедре гражданского права и процесса.

Лауреат Всероссийского конкурса на лучшую научную книгу 2010, 2011, 2012, 2013 года. В 2011–2013 гг. решением Ученого совета Ульяновского государственного университета признан лучшим молодым ученым УлГУ, награждался премией Ученого совета УлГУ за самый высокий рейтинг среди молодых ученых; в 2011–2012 гг. становился победителем областного конкурса «Молодой ученый года». В 2014 году награжден Благодарственным письмом губернатора Ульяновской области С.И. Морозова за вклад в развитие науки.

В 2013 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук «Теоретическая модель построения системы семейного законодательства Российской Федерации и других государств – участников Содружества Независимых Государств» по специальности 12.00.03 (гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право) в Москве.

Приказом Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки № 1282/нк от 14 октября 2016 года ему присвоено ученое звание профессора кафедры гражданского права и процесса.

Сфера научных интересов: предпринимательское право, гражданское право, договорное право, семейное право, наследственное право, предпринимательские обязательства и договоры.

Член Диссертационного совета Д 229.001.01, созданного на базе ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции» (РПА Минюста России).

Общий стаж работы 25 лет. Стаж работы по юридической специальности – 24 года, по педагогической и научной специальности – 23 года.

В 2003–2013 гг. являлся адвокатом Адвокатской палаты Ульяновской области. Занимался частной юридической практикой.

Автор более 500 научных и учебно-методических работ: монографий, учебников, комментариев, учебных пособий, методических рекомендаций, статей в отечественных и зарубежных изданиях, в том числе индексируемых в базах Скопус, Web of Science и других. В их числе более 40 монографий, более 25 учебников (гражданское право, предпринимательское право, семейное право, коммерческое право, договоры в предпринимательской деятельности, актуальные проблемы гражданского права, актуальные проблемы предпринимательского права и другие), около 300 статей в журналах, рекомендуемых ВАК РФ.

Индекс цитирования по Хирш – 31, число цитирований по РИНЦ – более 4000.

Под научным руководством Анатолия Николаевича подготовлено 14 кандидатов юридических наук. В настоящее время продолжает осуществлять руководство аспирантами и соискателями.

Член Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России». Выполняет полномочия третейского судьи Третейского суда при Автономной некоммерческой организации «Независимая Арбитражная Палата» (АНО «НАП»). Выступает в качестве члена научно-экспертного совета подкомитета по гражданскому праву и семейному праву, созданного при Комитете Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству.

Принимает активное участие в организации и проведении международных и всероссийских симпозиумов, научных конференций, круглых столов, форумов, научных дискуссий.

Является членом редакционных коллегий журналов из списка ВАК: «Евразийская адвокатура», «Семейное и жилищное право», «Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право», «Вестник Российской правовой академии», «Образование и право», «Право и управление», «Вестник юридического факультета Южного федерального университета», «Пролог: журнал о праве», «Вестник Московского университета МВД России», «Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки», «Советник юриста» и других.

Пользуется заслуженным уважением и авторитетом среди научного сообщества, практических работников и студентов, магистрантов, аспирантов как опытный, квалифицированный, дисциплинированный преподаватель и состоявшийся ученый. Научные исследования А.Н. Левушкина отличаются фундаментальностью, высокой степенью научности и актуальности, принципиальностью, эрудицией, широкой правовой культурой и кругозором.

Увлечения: путешествия, спорт, музыка, искусство, семейное общение.

Женат. Воспитывает четырех детей.

– Уважаемый Анатолий Николаевич, добрый день! Позвольте начать наше интервью с традиционного вопроса. Прошу Вас рассказать , когда и по какой причине Вы пришли в юриспруденцию, ощутили «дух права»?

– Получать юридическое образование я начал в 1995 году в филиале Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Ульяновске. Позже произошла реорганизация вуза, и окончил я в 2000 году уже Ульяновский государственный университет по специальности «Юриспруденция».

Однако мысли об обучении по юридической специальности у меня, конечно, возникли значительно раньше. Примерно в возрасте 14 лет я решил попробовать себя в юридическом направлении, поставил цель стать юристом и начал готовиться к поступлению в университет. Тогда были непростые времена для России, в экономике и правовом пространстве царил хаос. Я посчитал, что могу принести пользу обществу и близким по юридическому профилю, защищая права и законные интересы граждан. Окончив школу с медалью и сдав один экзамен на «отлично», я стал студентом юридического факультета.

– Какова была Ваша дальнейшая судьба в юриспруденции, какими видами профессиональной деятельности Вы занимались?

– Реализация моего профессионального правового потенциала проходила по разным направлениям. Я параллельно осуществлял научную, педагогическую и практическую работу. После окончания вуза преподавал в Ульяновском государственном университете на кафедре гражданского права и процесса, прошел путь от ассистента кафедры до профессора. Что касается практической деятельности, то работал юристом в юридической консалтинговой компании, а с 2004 года занимался частной адвокатской практикой, был учредителем и руководителем юридического консалтингового бюро. После 2010 года, когда началась активная фаза написания диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук и подготовка к защите докторской диссертации, практическая работа сошла на нет, и я углубился в науку… Но на первом месте у меня всегда были семья и реализация семейных ценностей в жизни.

– Разрешите продолжить наш диалог и уточнить вопрос о Вашем «рождении» в науке как ученого, крупного специалиста в сфере частного права. Насколько мне известно, Вы вошли в юридическую науку, в частности, цивилистику, в достаточно молодом возрасте, стали кандидатом и доктором юридических наук. Как Вам это удалось?

– Да, после окончания университета я стал аспирантом очной формы обучения в Ульяновском государственном университете. В 25 лет защитил в Казани кандидатскую диссертацию по специальности 12.00.03, посвященную имущественным отношениям в семье, а в 34 года – докторскую диссертацию по той же научной специальности в Москве.

Мной была проделаны значительная научно-исследовательская работа, весьма сложные научные изыскания; к моменту защиты докторской диссертации опубликовано более 200 научных

и учебно-методических работ. Но это не только моя заслуга. Конечно, подготовка и защита такого крупного научного труда, как диссертация, предполагает совместную работу коллектива единомышленников, ученых, друзей: научного руководителя, научного консультанта, коллег по кафедре, рецензентов, ученых-цивилистов, в целом специалистов в сфере частноправовой юридической науки, которые своими рекомендациями, помощью и поддержкой всячески содействовали созданию качественной научной работы.

Боюсь не упомянуть кого-то, перечисляя друзей, коллег-ученых, всех, кто участвовал в становлении меня как ученого и педагога. Поэтому не буду никого называть поименно! Безусловно, надежный семейный тыл, понимание и поддержка членов семьи в лице моей дорогой супруги Анастасии и родителей стали залогом успеха при подготовке и защите диссертаций. И, с помощью Божией, все сложилось.

– Тогда позвольте уточнить вопрос уже относительно членов Вашей семьи. Вы не только занимаете активную жизненную, научную позицию, готовите научные и учебные работы, но и много времени уделяете семье. Какое место в Вашей жизни занимают семейные отношения и семейные ценности?

– Да простят меня коллеги и работодатели, но, вне всяких сомнений, семья в моей жизни занимает центральное, главное место. Это фундамент и первооснова всей жизнедеятельности. Семья и семейные ценности – для меня это святое, без семьи и опоры на близких людей человек становится весьма слабым и незащищенным существом! Я за традиционную модель российской семьи с опорой на православные традиции. С супругой занимаюсь воспитанием наших детей: Евы, Льва, Мелании и Златославы, и это занимает достаточно много времени и сил. Думаю, родители меня поймут: непросто осуществлять родительские права и добросовестно исполнять обязанности (*улыбается*). Это тяжелый труд, который требует много ресурсов: финансовых и человеческих (психологических). Каждому ребенку нужно уделить должное внимание и окружить заботой, помочь в становлении и социализации в обществе, «обрести себя», раскрыть таланты и реализовать детские потребности, принципы и ориентиры в обществе. Ребенок – это самостоятельная личность со своими интересами и побуждениями, которые следует воплотить в жизнь. Стараюсь как можно больше времени проводить с членами своей семьи. За большим домашним столом мы обсуждаем совместные семейные вопросы и пути дальнейшего развития каждого. Но даже «на бегу» пытаюсь подсказать и направить своих детей, помочь в решении многочисленных жизненных вопросов и проблем. Конечно, бабушки, дедушки помогают в воспитании и становлении внуков. В целом, обычная семейная православная жизнедеятельность.

– Анатолий Николаевич, у Вас достаточно высокие научные показатели. Индекс цитирования ХИРШ – более 30, а в целом показатели цитирования по РИНЦ – более 4000! Как все же Вам удается успешно совмещать работу, науку, практическую юридическую деятельность и семейную жизнь? Вы вообще отдыхаете?

– Думаю, что следует правильно расставлять приоритеты, грамотно выстроить свой рабочий график, не тратить время на пустые разговоры и праздное времяпрепровождение. Утром – семья и решение вопросов с детьми, школа, детский сад; днем – работа, вечером – семья и опять работа. Нужно обеспечить баланс в семейных и рабочих, профессиональных взаимоотношениях. Баланс не только в правовом регулировании, но в семейной и рабочей обстановке (*смеется*)…! Считаю неправильным, когда работа стоит на первом месте. А зачем тогда семья и дети? Мы с супругой рожали детей не для няни и чужих воспитателей, а для самостоятельного воспитания и организации семейного общения в рамках нашей дружной семьи. Но и о работе, конечно, не стоит забывать, ведь она приносит удовлетворение наших профессиональных интересов и позволяет финансово обеспечить быт и семейные потребности.

Убежден, что в жизни должно быть место и для праздника, умеренного и активного отдыха. Я с семьей выезжаю на зимний и летний отдых за границу в «теплые края», постоянно активно отдыхаю с детьми: совместные прогулки, тренировки по летним и зимним видам спорта, пикники и т. д. Люблю посещать концерты, театры, музеи, экскурсии. Полагаю, что гармония должна быть во всем, особенно во взаимоотношениях мужчины и женщины.

– Вернемся к Вашей научной и образовательной работе. Вы достаточно часто в своих многочисленных научных трудах, журнальных публикациях поднимаете проблематику обеспечения баланса интересов граждан, предпринимателей, юридических лиц, государства, иных публично-правовых образований как участников различных правоотношений. Чем объясняется такой подход, ведь, как известно, невозможно защитить и обеспечить права «всех и каждого»?

– Да, действительно, проблематика обеспечения баланса интересов участников экономической деятельности, субъектов частноправовых, семейных отношений является краеугольным камнем в моих научных изысканиях. Следует признать, что в современной действительности правовое регулирование не успевает за развитием экономических, социальных отношений в обществе, т. е. не создается должной и необходимой оперативной регламентации многих сфер жизнедеятельности.

Баланс интересов достигается путем разделения полномочий и исключения случаев, когда одно и то же лицо выполняет функции, которые, с точки зрения соблюдения интересов сторон, могут противоречить друг другу. Считаю, что обеспечению баланса частных и публичных интересов при регламентации общественных отношений должно уделяться повышенное внимание в теории и правоприменительной деятельности, поскольку необходимо обеспечить интересы конфликтующих сторон, возможно, с разными интересами и потребностями, что, в конечном итоге, будет способствовать эффективному правовому регулированию, стабильности гражданского оборота и экономической деятельности.

– Анатолий Николаевич, Вы являетесь членом Научно-экспертного совета подкомитета по гражданскому праву и семейному праву Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству. Чем Вы занимаетесь в рамках правотворческой деятельности на уровне законодательных органов власти Российской Федерации?

– Данный Комитет Совета Федерации возглавляет сенатор Елена Борисовна Мизулина, которая проводит весьма значительную плодотворную работу, направленную на совершенствование частноправового регулирования общественных отношений, в особенности семейно-правового регулирования, защиты прав и интересов членов семьи. В рамках работы Комитета в научном сообществе на заседаниях обсуждаются наиболее актуальные и не урегулированные в действующем законодательстве вопросы, в частности, касающиеся правовых отношений между родителями и детьми, уплаты и принудительного взыскания алиментов, форм устройства детей, применения вспомогательных репродуктивных технологий и другие. Хотелось бы обратить внимание, что в декабре 2022 года Государственная Дума Российской Федерации приняла изменения в законодательство, в соответствии с которыми установлен запрет в отношении возможности участия иностранных граждан в программе суррогатного материнства. Это представляется вполне оправданным и необходимым с точки зрения защиты прав ребенка, недопустимости «продажи» новорожденных детей за границу. Эта проблематика также неоднократно становилась предметом обсуждения в Комитете, предлагались меры, направленные за защиту прав именно ребенка.

– А каковы, на Ваш взгляд, основные перспективы развития семейных отношений в нашей стране? Думаю, это имеет немаловажное значение в контексте закрепления на законодательном уровне традиционных ценностей, в том числе семейных, их дальнейшей реализации.

– Исследование динамики семейно-правового регулирования в Российской Федерации позволяет говорить о новых тенденциях в развитии брачно-семейного законодательства, в частности, не только об изменении традиционных отраслевых институтов, но и о появлении новых институтов и подотраслей, изменении структуры семейного законодательства, свидетельствующих о трансформации всей его системы. Значительным изменениям подвергаются содержание и объем сферы семейно-правового регулирования. В особенности это касается реализации методов вспомогательных репродуктивных технологий, которые получили новый виток в развитии в связи с прогрессом в сфере биомедицинских технологий.

В настоящее время в Российской Федерации проявляется тенденция публицизации семейного законодательства, этот процесс обусловливается тем, что государство постоянно расширяет сферу своего вмешательства в частноправовую сферу семейных отношений в целях выполнения функций защиты прав гражданина и обеспечения его частных интересов в семейно-правовой сфере с целью охраны и защиты традиционных семейных ценностей.

Считаю, что этот процесс должен продолжаться, а государство не может быть равнодушным по отношению к реализации и защите прав членов семьи.

В настоящее время государство уделяет должное внимание традиционным семейным ценностям, проверенным веками, которые способствуют сохранению и развитию института семьи. Согласно положениям, установленным в разделе III Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года, приоритетами государственной семейной политики на современном этапе являются «...утверждение традиционных семейных цен-

ностей и семейного образа жизни, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании, создание условий для обеспечения семейного благополучия, ответственного родительства, повышения авторитета родителей в семье и обществе и поддержания социальной устойчивости каждой семьи».

Реализация направления по сохранению семейных ценностей в обществе имеет основополагающую роль для совершенствования механизма правового регулирования семейных отношений, в контексте таких рассуждений следует пропагандировать истинные ценности российской семьи, такие как любовь, материнство и отцовство, многодетность, взаимоуважение, опора на традиции и религиозные предписания.

Полагаю, что формирование государственной семейной политики должно быть направлено на сохранение традиционных семейных ценностей, и немаловажное значение должна иметь реализация принципа приоритетного воспитания ребенка в семье.

Очень надеюсь, что мои научно-практические изыскания будут полезны для дальнейшего обоснования модели традиционной российской семьи, ориентированной на морально-этические идеалы и защиту подлинных семейных ценностей, интересов наиболее незащищенных членов семьи, детей.

– Уважаемый Анатолий Николаевич, Вы затронули вопрос о вспомогательных репродуктивных технологиях, биомедицине. Готовясь к интервью, я обратил внимание на то, что в Вашей научной деятельности немаловажное значение имеет проблематика применения биомедицинских разработок, частноправового регулирования геномных технологий.

– На современном этапе становления правового государства и развитого гражданского общества в Российской Федерации особую актуальность приобретает возможность использования и защиты генов, геномов и геномных технологий, относящихся преимущественно к сфере частной жизни. В мире сформировалось новое научное направление – генное редактирование. Практика внедрения таких разработок направлена на реализацию генетического «совершенствования» человека, его жизни и здоровья. Общество уже достаточно давно существует в эпоху генной инженерии.

В настоящее время проводится достаточно большое количество научных исследований и находит претворение в жизнь немало практических экспериментов, имеющих как медицинский, так и социально-правовой характер, направленных на вовлечение генов и генетических конструкций в рамки правового поля, в гражданский оборот.

Особенно большое количество вопросов и практических проблем возникает при определении возможности включения генов и геномов в качестве объектов правоотношений и их определении как объектов гражданских прав.

В науке и практике дискуссионным является вопрос об оборотоспособности генов, геномов, генетических конструкций и о возможности совершения с ними различных гражданско-правовых сделок, о вступлении субъектов (участников) геномных технологий в обязательственные и вещные правоотношения с генами. Считаю оправданным рассмотрение генов и геномов в качестве объектов права интеллектуальной собственности, а также вопросов обеспечения их патентной защитой, установления правовых охранительных процедур.

Убежден, что роль и значение гражданско-правового режима генов и геномов заключается в уравновешивании, сбалансировании частных и публичных интересов личности, общества и государства.

– В Вашей жизни важную роль играет не только научная, но и педагогическая работа. Расскажите, пожалуйста, какие виды учебной нагрузки Вы выполняете, какие подходы реализуете в рамках образовательного процесса с молодыми студентами, начинающими юристами?

– Да, действительно, это так. За свою уже двадцатипятилетнюю научную и педагогическую деятельность я выполнял все виды нагрузки в качестве преподавателя. В настоящее время активно участвую в становлении молодежи в качестве профессиональных юристов, провожу лекционные и практические занятия со студентами, магистрантами и аспирантами.

Я воспитал уже более 15 учеников, которые под моим руководством защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Приглашают меня и в качестве оппонента при защите диссертаций.

Некоторое время я преподавал в Университете правосудия у действующих судей арбитражных судов и судов общей юрисдикции на факультете повышения квалификации, а также на курсах повышения квалификации у нотариусов. Провожу занятия у специалистов Росреестра, адвокатов, нотариусов, сотрудников органов ЗАГС. Конечно, с уже состоявшимися юристами

значительно сложнее работать, но тем интереснее работа профессора, преподавателя: мы постоянно должны повышать научно-образовательный уровень, улучшать качество обучения, применять в образовательном процессе современные цифровые технологии, новейшие разработки и методики обучения. Профессиональная, подготовленная аудитория слушателей не позволяет расслабляться, необходимо постоянно повышать свой научно-педагогический уровень, быть на пике современных научных идей и практических направлений.

– Вы один из первых в научных кругах стали развивать идеи семейного предпринимательства, разрабатывать практические подходы к обоснованию дальнейшего развития предпринимательской деятельности супругов, семейного бизнеса в нашей стране, его легализации и эффективного функционирования. Расскажите об этом интересном и, как мне представляется, важном в современных экономических условиях направлении.

– Полагаю, идеи эффективного правового регулирования семейного предпринимательства имеют немаловажное значение как с точки зрения научного подхода, так и в правоприменительном аспекте. Семейный бизнес относится к числу интернациональных явлений, получивших распространение во всем мире.

Расширение возможностей осуществления бизнеса за счет появления новых направлений вложения частного капитала, а также стимулирования и поддержки государством развития малого и среднего предпринимательства постепенно приводит к увеличению активности субъектов гражданского оборота по созданию и участию в деятельности юридических лиц. Как известно, изучение феномена семейного бизнеса в цивилистической парадигме находится на стыке многих наук.

Семейный бизнес в комплексном интегрированном виде может быть определен как предпринимательство в абсолютно любой разрешенной законом форме организации бизнес-процессов в сфере экономической деятельности, в осуществлении которого участвуют два или более члена одной семьи или же большая часть активов, или когда контроль над организацией бизнеса принадлежит семье и ее членам.

Семейный бизнес с целью обеспечения национальных интересов должен выступать в качестве связующего звена между государством, малыми и крупными сферами организации предпринимательской деятельности. Он призван реализовать решение многочисленных организационных, правовых вопросов, возникающих при взаимодействии государства и бизнес-структур в рамках реализации национальных интересов России.

Представляется целесообразным определить влияние произошедших изменений в правовом регулировании деятельности в сфере семейного бизнеса и предпринимательской деятельности с учетом обеспечения национальных интересов Российской Федерации.

– А каковы дальнейшие перспективы поступательного развития семейного предпринимательства? Есть ли у данного направления шансы на нормативное закрепление?

– Отвечая на данный вопрос, необходимо отметить, что в настоящее время в МГЮА имени О.Е. Кутафина разрабатывается проект «Семейное и женское предпринимательство», который реализуется в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет–2030» кафедрой предпринимательского и корпоративного права МГЮА и Центром компетенций «Бизнес право» при участии Комиссии Ассоциации юристов России по развитию профессиональных компетенций.

В процессе разработки дорожной карты и Паспорта названного проекта было важно определить эффекты от его реализации, цели и задачи.

Видится необходимой популяризация направления «Семейное и женское предпринимательство» в рамках научной школы «Современное предпринимательское право» имени В.С. Мартемьянова (включена в реестр научных школ Университета имени О.Е. Кутафина). Разработана и обоснована система теоретико-прикладных положений о частноправовых аспектах семейного предпринимательства и деятельности членов семьи, супругов в различных бизнес-процессах.

Оправданы практические рекомендации, направленные на совершенствование нормативного правового регулирования отношений в сфере семейного предпринимательства.

При этом очевиден вклад, внесенный за последние годы в доктрину семейного предпринимательства преподавателями кафедры предпринимательского и корпоративного права МГЮА, силами которых ежегодно проводятся крупные международные конференции и издаются монографии, посвященные различным проблемам семейного бизнеса. Вышло в свет уже пять книг. Одна из последних – монография «Семейный бизнес и LegalTech: научные решения для профессиональной предпринимательской деятельности» (отв. ред. И.В. Ершова, А.Н. Левушкин; М.: Проспект, 2023) – была издана по итогам конференции «Семейный бизнес & LegalTech: научные

решения для профессиональной юридической практики и предпринимательской деятельности», прошедшей 15 апреля 2022 года. По итогам конференции, проведенной в этом году, будет издана коллективная монография «Перспективы легализации семейного предпринимательства».

Торгово-промышленная палата РФ инициировала и ведет проект «Развитие семейного бизнеса», который направлен на формирование предпринимательских династий, развитие и повышение престижа предпринимательства в целом.

Семейное предпринимательство в целом и предпринимательская деятельность супругов в частности направлены, с одной стороны, на решение вопросов экономического роста страны и перехода к инновационному развитию, с другой – на решение материальных, финансовых проблем в семье, обеспечение экономической стабильности в семье, основанной на браке. Полагаем, что такая деятельность осуществляется в рамках реализации экономической функции семьи, имеющей важное значение в жизнедеятельности общества и государства.

Становление правового регулирования и государственной поддержки семейного предпринимательства на территории Российской Федерации в первую очередь предполагает законодательное закрепление ключевых понятий и определение мер поддержки.

В Российской Федерации существуют определенные правовые механизмы, позволяющие предпринимателям в сфере семейного бизнеса получить государственную финансовую поддержку.

Полагаю, что существует объективная потребность в нормативно-правовом урегулировании и сопровождении имущественных семейных предпринимательских отношений, направленных на организацию и осуществление семейного предпринимательства, на основе специального закона.

– Анатолий Николаевич, на сегодняшний день серьезной проблемой семейного предпринимательства остаются недостаток кредитования, определенный высоким уровнем процентов за кредит, наличие жестких административных барьеров и отсутствие правил регулирования трудовых отношений внутри семейного бизнеса, а также несовершенство законодательной базы в сфере семейного предпринимательства, относящегося к малому и среднему семейному бизнесу.

– Да, конечно, такие обстоятельства существенно затрудняют развитие семейного предпринимательства в России. Необходимо признать, что в нашей стране государственная поддержка субъектов семейного предпринимательства развита значительно хуже, чем в зарубежном правопорядке. Отсутствует ряд необходимых механизмов, которые позволили бы малому и среднему бизнесу выйти на новый стабильный уровень, улучшить экономическую составляющую членов семьи и экономики государства в целом. Справедливости ради отмечу, что нынешняя государственная семейная политика Российской Федерации направлена на решение задач по укреплению экономического благополучия семьи, усилению социальной значимости каждого члена семьи, развитию интересов и традиций ведения семейного предпринимательства, в основу которых заложены механизмы поддержки и стимулирования предпринимательской активности семей в рамках Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г.

Безусловно, в сегодняшней непростой политической и экономической ситуации создание государством условий для семейного предпринимательства путем разработки программ, предусматривающих льготное финансирование, ослабление надзора со стороны контролирующих органов в отношении семейного бизнеса, позволит малым и средним семейным предприятиям укрепить свое благополучие, обеспечит стабильное осуществление бизнеса членами семьи.

– Концепция формирования в России гражданского общества и правового государства, эффективного развития медицинских услуг, где приоритетное значение имеют защита прав и свобод человека, его социальное и материальное благополучие, предопределяет повышенный научный интерес к проблеме учета интересов и защиты прав не только несовершеннолетних граждан, но и еще неродившихся детей. Как Вы оцениваете данное направление в современной науке и медицинской практике?

– Учет интересов и прав неродившихся детей в медицинской практике и гражданских правоотношениях следует рассматривать в контексте реформируемого правового регулирования на основе традиционных семейных ценностей и гармонизации законодательства. Безусловно, учет прав неродившихся детей необходим, исходя из приоритетной защиты традиционных семейных ценностей, интересов детей, реализации демографической политики в нашем государстве. Обеспечение таких ценностей и идеалов имеет важное значение не только для семейных отношений, их

гармоничного и гуманистического развития, но и медицинской практики, населения и общества в целом.

Приоритетный и немаловажный вопрос заключается не в том, подлежит ли право на жизнь защите. Безусловно, подлежит. Проблематика заключается в определении момента защиты неродившегося ребенка, появления его права на жизнь. Считаю оправданным, исходя из анализа норм гражданского и семейного законодательства, говорить о презумпции «специальной» правоспособности еще неродившегося ребенка в наследственных и деликтных правоотношениях.

– А каковы, на Ваш взгляд, перспективы правового регулирования в сфере определения правосубъектности неродившегося ребенка?

– К сожалению, следует признать, что российское гражданское, семейное и медицинское законодательство не регулирует вопросы, связанные со специальной защитой эмбриона человека, прав неродившегося ребенка.

Убежден, что жизнь зачатых детей и детей новорожденных нуждается в более комплексной правовой защите. Необходимо определение правового положения зачатых детей и гарантий права на жизнь новорожденных детей. Установление особого правового статуса неспособных защитить себя субъектов права – детей, а также специальных механизмов защиты прав нерожденного ребенка позволит обеспечить более эффективные правовые гарантии права на жизнь и здоровье ребенка в медицинской практике.

– Анатолий Николаевич, в своих научных трудах Вы весьма активно разрабатываете направление специального договорного регулирования экономической деятельности посредством предпринимательских обязательств. Действительно ли предпринимательские договоры выполняют важную роль в сфере экономики и хозяйственного оборота?

– В современном обществе большинство сфер жизнедеятельности основаны на договорных отношениях, в том числе имеющих предпринимательский характер. Определение юридической природы и тенденций исполнения предпринимательских обязательств является в настоящее время наиболее дискуссионным и принципиальным вопросом, имеющим значение для правоприменительной договорной деятельности, в особенности применительно к предпринимательским обязательствам.

Изучение договоров в сфере предпринимательской деятельности представляется не только необходимым с точки зрения доктрины, но имеет и немаловажное практическое значение, так как от их правильного понимания и квалификации зависит юридическое содержание действий по исполнению обязательств. Конструкция договора – это один из главных, основных регуляторов гражданско-правовых, предпринимательских, корпоративных, семейных, трудовых отношений.

Необходимо обратить внимание, что динамика развития общественных отношений как во всем мире, так и в России, постоянно опережает законодательное регулирование поименованных договорных моделей. Выявляются новые нетипичные договорные конструкции, которые в конечном счете становятся предметом судебных разбирательств. Право должно обеспечивать юридическим механизмом те договорные отношения, которые того требуют. В этом одна из составляющих эффективности правового регулирования. Поэтому необходимо стремиться к тому, чтобы законодатель своевременно создавал новые типы (виды, подвиды) договоров, отражающие юридически значимое разнообразие экономического оборота. Определяя место нового обязательства в законе, следует учитывать нормообразующие признаки, на которых построена существующая система договоров.

– Вы также весьма активно анализируете проблематику нотариальной деятельности, осуществляя образовательную деятельность по повышении квалификации нотариусов и судей. Вами подготовлена уникальная серия книг, в которых раскрывается проблематика нотариальной практики. В чем, на Ваш взгляд, отличие в работе с обычными студентами и людьми с опытом.

– Судьи, нотариусы, специалисты Росреестра, ЗАГС – это уже состоявшиеся профессионалы, грамотные юристы, поэтому, конечно, проведение у них занятий вызывает некоторые трудности. Они ставят те вопросы, на которые нет ответа ни в законодательстве, ни в науке, ни в практике. Приходится предлагать им вариант решения проблемы, возможность решения вопроса на основе закона и практики.

Что касается научных изданий для нотариального сообщества, действительно, мной издано несколько книг: монографии «Семейное право в нотариальной практике» (М.: Инфотропик Медиа, 2018), «Брачный договор в нотариальной практике» (М.: Инфотропик Медиа, 2018), «Завещание в нотариальной практике» (М.: Инфотропик Медиа, 2018), «Наследственное право в нотариальной практике» (совместно с И.В. Долгановой; М.:

Инфотропик Медиа, 2018). Сейчас готовится новое издание данных научных работ с учетом внесенных изменений в законодательство.

– В доктрине предпринимательского права Вы развиваете направление, обосновывающее самостоятельность предпринимательских договоров. Не возникает ли научных дискуссий с коллегами-цивилистами? Я знаю, что не все специалисты, ученые принимают самостоятельность предпринимательского права, а в рамках отрасли – предпринимательских обязательств.

– Спасибо за интересный, неоднозначно определяемый в науке вопрос!

В гражданском законодательстве РФ особенности обязательств, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, устанавливаются исключительно в отношении договорных обязательств. Вся система договорных предпринимательских обязательств, урегулированная нормами ГК РФ и специальных законов, может быть подразделена на две большие группы: обязательства, связанные с осуществлением предпринимательской деятельности (предпринимательские обязательства), и обязательства, не связанные с осуществлением предпринимательской деятельности (бытовые обязательства). Первая группа, в свою очередь, предполагает выделение обязательств, в которых предпринимательская деятельность на профессиональной основе осуществляется обеими сторонами, и обязательств, в которых предпринимательская деятельность профессионально осуществляется только одной стороной, причем исполняющей в таком обязательстве основную обязанность. Каждая получившаяся в результате такой классификации группа обязательств предусматривает применение присущих только ей особенностей регламентации – специальных норм, обязательных к использованию вне зависимости от того, какой вид и тип договорного предпринимательского обязательства стороны избрали для оформления своих взаимоотношений.

– Анатолий Николаевич, спасибо Вам большое за такое развернутое и интересное интервью. В заключение спрошу, что бы Вы хотели пожелать нашим читателям?

– В непростое для нашей страны время мне хотелось бы пожелать мирного неба над головой, стабильности и уверенности в завтрашнем дне, реализации творческих и профессиональных планов, ну а главное – построения семейных отношений на основе традиционных семейных ценностей, благополучия, любви и семейного счастья.

Большое спасибо, уважаемый Андрей Викторович, за предоставленную возможность поделиться своими мыслями и высказать основные идеи в сфере эффективного применения норм частного права.

Беседовал: главный редактор,
доктор юридических наук, доцент А.В. Рагулин

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Мы рады представить вашему вниманию

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

Деятельность нашего института направлена на разработку актуальных проблем юридической науки в евразийском правовом пространстве. Институт проводит фундаментальные и прикладные исследования в области государственно-правовых наук, международного права, адвокатуры и нотариата, социологии права, политологии, интерэкоправа, изучает закономерности правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности, разрабатывает на этой основе практические рекомендации, принимает участие в разработке законопроектов, содействует повышению профессионального уровня юристов, организует и участвует в проведении научных мероприятий, оказывает консультационные услуги в области права, а также редакционно-издательские услуги.

Приглашаем вас к сотрудничеству!

Контактная информация:
Website: www.eurasniipp.ru E-mail: info@eurasniipp.ru WhatsApp: +7-917-40-61-340

Евразийская адвокатура. 2023. № 3 (62). С. 18.
Eurasian advocacy. 2023;(3(62)):18.

Проблемы организации и функционирования адвокатуры

Научная статья
УДК 347.965
doi 10.52068/2304-9839_2023_62_3_18

«ПРАВИЛЬНЫЙ ПУТЬ» ИЛИ «СКОЛЬЗКАЯ ДОРОЖКА» РОССИЙСКОЙ АДВОКАТУРЫ? ОТВЕТ НА СТАТЬЮ ЭКС-ПРЕЗИДЕНТА ФЕДЕРАЛЬНОЙ ПАЛАТЫ АДВОКАТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЮРИЯ СЕРГЕЕВИЧА ПИЛИПЕНКО

РАГУЛИН Андрей Викторович
Адвокат, доктор юридических наук, доцент, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура»
450006, г. Уфа, ул. Ленина, д.102, оф. 24, Российская Федерация

Аннотация: В статье дается ответ на статью экс-президента Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации Юрия Сергеевича Пилипенко под названием «Мы на правильном пути», и показывается уровень деградации современной системы организации и деятельности органов российской адвокатуры.

Ключевые слова: адвокат, адвокатура, адвокатская палата, Федеральная палата адвокатов Российской Федерации

Для цитирования: Рагулин А.В. «Правильный путь» или «скользкая дорожка» российской адвокатуры? Ответ на статью экс-президента Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации Юрия Сергеевича Пилипенко // Евразийская адвокатура. 2023. № 3 (62). С. 18. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2023_62_3_18

Problems of organization and advocacy profession functioning

Original article

THE «RIGHT WAY» OR THE «SLIPPERY SLOPE» OF THE RUSSIAN ADVOCACY? A RESPONSE TO THE ARTICLE BY THE EX-PRESIDENT OF THE FEDERAL CHAMBER OF ADVOCATES OF THE RUSSIAN FEDERATION YURI SERGEEVICH PILIPENKO

RAGULIN Andrey Viktorovich
Doctor of law, Associate professor, Advocate, Head of the Centre for the Study of the Organization and Operation of the Advocacy of Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law, Editor-in-chief of the «Eurasian advocacy» journal
450006, Ufa, Lenina St., 102, office 24, Russian Federation

Abstract: The article gives an answer to the article by the ex-president of the Federal Chamber of Advocates of the Russian Federation Yuri Sergeevich Pilipenko entitled «We are on the right way» and shows the level of degradation of the modern system of organization and activity of the bodies of the Russian advocacy.

Keywords: advocate, legal profession, advocacy chamber, Federal Chamber of Advocates of the Russian Federation

For citation: The «right way» or the «slippery slope» of the Russian advocacy? A response to the article by the ex-President of the Federal Chamber of Advocates of the Russian Federation Yuri Sergeevich Pilipenko = Eurasian advocacy. 2023;3(62):18. (In Russ.). https:// doi.org/10.52068/2304-9839_2023_62_3_18

В настоящее время в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации рассматривается проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» № 301952-8 [1]. Законопроект, как следует из заявлений представителей высшего руководства Общероссийской негосударственной некоммерческой организации «Федеральная палата адвокатов Российской Федерации» (ФПА), разрабатывался представителями ФПА совместно с Министерством юстиции Российской Федерации, а принятие его ФПА поддерживается [2, 3, 4]. Заявления такие делались и делаются, не-

© Рагулин А.В., 2023

смотря на то, что этот законопроект, касающийся каждого из более чем 80 000 российских адвокатов и каждого из их доверителей, перед принятием решения о его одобрении не был подвергнут широкому общественному обсуждению. Подавляющим большинством органов корпоративного управления адвокатурой – адвокатскими палатами субъектов Российской Федерации – законопроект также не обсуждался, и письменное мнение о нем не формулировалось.

Несмотря на это, отдельными адвокатами [5–8], группами адвокатов [9], а также представителями ряда адвокатских палат регионов России (г. Москвы [10], г. Санкт-Петербурга [11], Новосибирской области [12], Нижегородской области [13]) были высказаны в СМИ и представлены в органы законодательной власти содержательные письменные критические отзывы на законопроект.

В частности, относительно Комплексной информационной системы адвокатуры России (КИС АР) отмечалось [14], что вопросы об организации и обеспечении ее функционирования, размерах стоимости и источниках финансирования ее создания и эксплуатации, о разработчиках системы и о том, в каком порядке была организована закупка создания данной системы и будет организовано ее обслуживание, остаются в недостаточной степени известными адвокатам, что указывает на наличие возможного конфликта интересов и прочих коррупциогенных факторов.

Указывалось, что в законопроекте не содержится положений, которые определяли бы, какие конкретно сведения будут размещаться в КИС АР, они определены лишь в общем виде. Не имеется и положений, способных нивелировать коррупционные риски и риски утраты или несанкционированного доступа к содержащейся в системе информации, которая может содержать адвокатскую тайну. Не разработаны нормативно, не рассматриваются и даже не упомянуты сколь-нибудь действенные меры ответственности за такие нарушения.

Подчеркивалось, что внедрение КИС АР и закрепление ее статуса в законе в предложенном виде нарушает общепризнанные международные стандарты, поскольку способно привести к чрезмерному контролю за адвокатурой и адвокатами со стороны ФПА, адвокатских палат и Министерства юстиции Российской Федерации. Поскольку КИС АР будет аккумулировать в себе значительный объем данных, получаемых из различных источников, будет обеспечена возможность доступа к ним широкого круга лиц, что несет в себе риски утечки информации или неправомерного ее использования в нарушение, в том числе, адвокатской тайны, тайны персональных данных и сведений о частной жизни адвокатов.

Указывалось, что разработчиками законопроекта не представлено убедительного обоснования необходимости функционирования КИС АР именно на нормативной основе [14].

12 апреля 2023 г. депутатом Государственной Думы Ю.П. Синельщиковым в рамках первого чтения законопроекта было озвучено содержание некоторых возражений. Обоснованными и требующими внимания им были названы заявления о том, что законопроект несет в себе риски утраты независимости адвокатуры и адвокатов и может повлечь нарушения адвокатской тайны [15].

Адвокаты – представители Межрегиональной общественной организации адвокатов и юристов «Инициатива 2018» подготовили и разместили в сети «Интернет» открытое для подписания представителями правозащитного сообщества Обращение «Защитим российскую адвокатуру –2023» [16], которое подписали более тысячи человек.

В Обращении отмечено, что за множеством поправок в Закон хорошо закамуфлированы риски утраты адвокатами независимости и положения, способствующие государственному давлению на адвокатуру в целом.

Указано, в частности, что законопроект ставит статус адвоката в зависимость от «выполнения обязанностей» не перед доверителем, как это было всегда, а перед неназванными заинтересованными лицами, и это увязывается с тем, что положения законопроекта принуждают адвокатов предоставлять в КИС АР любые сведения, в том числе составляющие адвокатскую тайну, и персональные данные по усмотрению Совета ФПА. При этом действенных гарантий защиты этой информации нет и в принципе не может быть предложено. Подчёркивается, что введение КИС АР делает адвокатов зависимыми и уязвимыми, подконтрольными ФПА (организации, членами которой адвокаты не являются, но содержат за свой счет ее и ее руководителей), а через нее и адвокатские палаты – государственным органам.

Уделяется внимание тому, что доступ к профессии адвоката, исходя из положений законопроекта, будет зависеть не от сдачи экзамена и принятия присяги, а от решения клерка Министерства юстиции о включении данных об адвокате в Единый государственный реестр, а нерасторопность клерка адвокатской палаты при переходе адвоката в другую палату будет являться

основанием для лишения последнего его статуса. Обращается внимание и на другие подрывающие независимость адвокатуры и адвокатов недостатки законопроекта, а также на отсутствие активных действий по другому касающемуся адвокатов законопроекту – № 312862-8, положения которого необоснованно ограничивают право граждан на получение квалифицированной юридической помощи [17].

Между тем до настоящего времени отсутствует (или держится втайне от широкой общественности) письменное заключение экспертизы Законопроекта со стороны ФПА, которая должна была быть ею проведена согласно требованиям подп. 7 п. 3 ст. 37 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», что оставляет некоторую недосказанность в вопросе формулирования письменной позиции ФПА относительно упомянутого законопроекта.

Преодолеть эту недосказанность, пользуясь некоторой паузой в рассмотрении законопроекта, от имени ФПА вызвался бывший президент организации Юрий Сергеевич Пилипенко, статья которого под «программным» названием «Мы на правильном пути» была опубликована 17 мая 2023 г. на сайте ФПА [18], на сайте учрежденного ФПА СМИ «Адвокатская газета» [19] и в подконтрольных ФПА Telegram-каналах [20, 21].

Анализ содержания опубликованной статьи показывает, что преодолеть недосказанность у автора почти получилось, но это лишь усилило доводы тех адвокатов, кто заявляет о необходимости отклонения законопроекта. В то же время обозначенная публикация, ввиду ее содержания, обязывает сформулировать к ней некоторые комментарии и пояснения.

В начале статьи автор указывает, что ему «отрадно», что «движение адвокатской корпорации вперед, в ногу со временем, сталкивается, в том числе, и с внутренним сопротивлением», и заявляет, что «мы (тут, видимо, имеются в виду он, а также другие не избираемые адвокатами демократическим путем представители органов ФПА) (*прим. наше. – А.Р.*) …идем правильным путем», поскольку «в истории человечества каждый раз, когда оно приближалось к новой ступени в развитии, находились те, кто воспринимал это развитие «в штыки», настаивая на отказе от новых материалов, средств производства и технологий».

Далее автор начинает увлеченно рассказывать то, что в народе принято характеризовать выражением «как космические корабли бороздят Большой театр», упоминая Николая Коперника, цитируя Льюиса Кэрролла и Виктора Пелевина, а также приводя в пример мобильные телефоны, беспилотные летательные аппараты, телескоп, микроскоп, механические часы, станки, танки и пушки, дистанционную оплату за жилищно-коммунальные услуги, переводы денежных средств и приобретение билетов, исчезающие банки, приемные налоговых органов, почты, магазины… Не забыл он поделиться с читателем и своими наблюдениями о том, какими «важными» фигурами в его жизни еще недавно были «рядовые сотрудники почты, сберкассы, налоговой» и как «высокомерно» с ним (и, видимо, с его последователями тоже) «они общались».

В итоге где-то к середине анализируемой работы автор приводит читателя к тому, что он полагает себя и вице-президента ФПА Е.Г. Авакян деятелями, сопоставимыми (применительно к адвокатуре) по «прогрессивной роли» с разработчиком станка и изобретателем перфокарт Джозефом Мари Жаккардом, поскольку они и их последователи создали для российской адвокатуры некий «новый социально-экономический Уклад», «призванный разрешить множество проблем предыдущего развития».

Как «новый Уклад» автором преподносится не что иное, как та самая КИС АР, об угрозах законодательного закрепления которой в предложенном виде упоминалось выше применительно к активно продвигаемому ФПА законопроекту.

Нелишним будет отметить, что, находясь в поиске «исторической логики» и поддавшись некоему далеко идущему «творческому порыву», автор не учел, что его утверждения, которыми он попытался обосновать выдвигаемые в опубликованной статье постулаты, а именно фразы о том, что «существенное облегчение изготовления тканей ввиду изобретения Жаккардом станка» «вызвало протесты лионских ткачей, вплоть до восстаний», не соответствуют действительности.

Выражение же «лионские луддиты, ломавшие жаккардовы станки», – это вообще нонсенс, достойный того, чтобы стать очередным «крылатым выражением» типа тех, что были уже высказаны автором. Среди них – заявление о том, что несогласные с позицией ФПА адвокаты якобы «хотят прийти на его место и паразитировать еще больше и гнуснее», выражения про «золотой век адвокатуры» и о том, что «стоит потихонечку ориентировать адвокатское сообщество, что свобода в этой жизни – не самое главное»».

На самом деле широко известно, что выступление лионских ткачей и примкнувших к ним рабочих (действия которых принято считать первым в мире вооруженным выступлением

пролетариата) произошло во Франции 21 ноября 1831 года вовсе не по причине изобретения Жаккардом станка, а из-за наложения на ткачей патентного сбора, установления 15–18-часового режима рабочего времени и отказа работодателей от обещанного увеличения мизерной, находящейся на уровне «голодного минимума» заработной платы [22].

Выступления же так называемых «луддитов», совсем другой группы ткачей в совсем другой стране (Англии), вопреки высказываниям автора анализируемой работы, появились, хотя и хронологически позже изобретения Жаккардом станка (в 1804 г.) [23], но гораздо раньше состоявшегося выступления лионских ткачей – в 1811–1816 гг. И, кстати, тут следует отметить, что исследователи указывают, что, «борясь с фабричным производством, ткачи не имели ничего против механизации труда. Их требования сводились лишь к тому, чтобы современная техника сочеталась с формами организации работы. Новые машины всячески приветствовались, но лишь такие, которыми можно пользоваться в домашних условиях. А те станки, которые могли работать только на фабриках, ткачи объявляли вне закона» [24].

Но самое главное, на что нужно обратить внимание в оценке приведенного автором примера, состоит в том, что если для ткачей того времени станки являлись необходимым и неотъемлемым средством производства, то КИС АР для адвоката таковым не является, а носит лишь вспомогательный характер. Поэтому утверждение автора, что приведенный им пример – «лишь капля в море подобных примеров», дорогого стоит… Но вернемся от выдуманных автором «лионских луддитов» к нашим реальным российским адвокатам.

При этом отметим, что упомянутое выше расхождение в фактах, датах, в причинах и следствиях, допущенное в статье, можно извинить даже доктору юридических наук, поскольку оно, несмотря на явно выраженную попытку ввести адвокатов в заблуждение, возможно, и не влечет серьезных негативных последствий для адвокатов и адвокатуры.

Другое дело то, какие последствия для адвокатов и адвокатуры повлекла деятельность автора как члена органов адвокатского самоуправления, постепенно превратившихся за это время в независимые от адвокатов страны органы корпоративного управления.

Пока что остается открытым вопрос об оценке личной роли автора анализируемого текста, например, в консолидации усилий организованной группы, состоящей из членов высшего руководства ФПА и адвокатских палат, направленных на неоднократное переписывание Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодекса профессиональной этики адвоката.

За более чем двадцатилетний период действия этих фундаментальных актов их положения были путем различного рода ухищрений изменены таким образом, чтобы они, среди прочего, способствовали постепенному увеличению «податной ренты», получаемой руководством ФПА и адвокатских палат от адвокатов, и подготавливали условия для постепенного введения так называемой «адвокатской монополии», способной на деле как затруднить оказание квалифицированной юридической помощи гражданам, так и окончательно «размыть» и без того уже крайне «разношерстный» кадровый состав российской адвокатуры [28, 48].

Перманентно вносимые в данные акты изменения создали условия для беспрепятственной сдачи в аренду собственности лиц, аффилированных с руководством ФПА и адвокатских палат, самой же ФПА и адвокатским палатам, распространили действие норм КПЭА далеко за рамки профессиональной деятельности адвоката, ввели запрет на критику, в том числе путем установления в КПЭА ответственности за посягательство на некий «авторитет адвокатуры», и установили невозможность в полной мере демократическим способом избирать органы адвокатского самоуправления на региональном и федеральном уровнях. Они способствовали установлению затруднений для обжалования прекращения статуса адвоката в суде, запретили обращения в государственные органы по поводу злоупотреблений руководства адвокатских палат и ФПА, разрешили сотрудникам ФПА вмешиваться в работу адвокатских палат субъектов Российской Федерации, способствовали дисциплинарному преследованию адвокатов, несогласных с позицией и действиями руководителей этих организаций и многим иным негативным практикам, которые только лишь начинают проявлять себя вовне [25–39, 49, 50].

Такого рода изменения системы управления адвокатурой и правового статуса адвокатов в своей совокупности, даже и без превращения нового законопроекта о КИС АР и прочих «прелестях» в закон, уже сами по себе тянут на «заслуги» в формировании «нового Уклада» адвокатуры, и тут автор анализируемой статьи, конечно, прав…

Только вот во что превратились ФПА и адвокатские палаты субъектов Российской Федерации, то есть так называемые «органы адвокатско-

го самоуправления», благодаря предложенному адвокатам «Укладу» за это время?

Уже ранее отмечалось, что факты свидетельствуют о том, что к настоящему времени в российской адвокатуре сформировался комплекс внутрикорпоративных проблем, связанных с деградацией принципов законности, самоуправления и равноправия адвокатов, приведший к кризису права и нравственности.

Отчётливо проявившимися негативными явлениями, имеющими место в организации и деятельности органов корпоративного управления адвокатурой, стали:

– выстраивание жёсткой командно-административной вертикали, фактически управляемой лицами, не избранными адвокатами, создающими препятствия для внедрения и распространения демократических процедур при формировании и осуществлении деятельности органов корпоративного управления адвокатурой;

– лоббирование и поддержка различных антиадвокатских законодательных инициатив, разработка и принятие актов корпоративного регулирования, противоречащих интересам адвокатов, под прикрытием якобы существовавших в российской присяжной адвокатуре неписанных норм этики и традиций;

– использование непрозрачных подходов к распоряжению денежными средствами, образуемыми за счёт обязательных отчислений адвокатов, отсутствие рационализма и эффективности корпоративных расходов;

– самоустранение от внедрения эффективной системы обеспечения представительства и защиты интересов адвокатов в органах государственной власти и местного самоуправления и от помощи адвокатам, попавшим в трудную жизненную ситуацию;

– отстранение адвокатов и их объединений от участия в формировании корпоративной повестки, невнимание к их предложениям, отсутствие системного взаимодействия и обратной связи с ними;

– превращение медиаресурсов адвокатуры в подцензурные средства агитации и пропаганды, использование их для саморекламы руководителей, их приближённых и для дискредитации неугодных адвокатов.

Это привело к созданию условий для появления и прогрессирующего развития в ряде органов корпоративного управления адвокатурой таких явлений, как:

– сращивание органа управления крупнейшего в регионе адвокатского образования с органами корпоративного управления, внедрение принципов вождизма, фаворитизма и непотизма как основы формирования их кадрового состава;

– отсутствие эффективной деятельности по защите прав адвокатов;

– применение непрозрачных и нерациональных подходов к распоряжению денежными средствами, образуемыми за счёт обязательных отчислений адвокатов, создание непреодолимых препятствий для получения объективной информации о финансовой деятельности;

– осуществление репрессивного дисциплинарного преследования адвокатов в связи с занятой ими позицией по конкретным делам либо из мести за критику;

– получение денежных средств от претендентов на статус адвоката, установление для них и отдельных групп адвокатов дискриминационных ограничений, имущественного и возрастного цензов.

Обозначенные выше негативные явления подорвали публичную значимость адвокатуры как института гражданского общества, существенно снизили престиж адвокатской профессии, способствовали созданию условий, при которых эффективная защита адвокатом прав и правоохраняемых интересов доверителей стала затруднительной либо невозможной [40]. Всё это – «скользкая дорожка» российской адвокатуры, на которой, адвокаты рискуют поскользнуться и смертельно травмироваться, без надежды на спасение.

Не лишним будет обратить внимание на то, что как приведенные выше «социальные модели» «нового Уклада» современной российской адвокатуры в целом, так и введение в законодательство положений о КИС АР в частности вступают в противоречие с целым комплексом норм общепризнанных международных актов:

1. Основные принципы, касающиеся роли юристов (адвокатов) (Нью-Йорк, Гавана, август 1990 года, Восьмой конгресс ООН по предупреждению преступлений):

– статья 16 («Правительства должны обеспечить адвокатам: возможность исполнять все их профессиональные обязанности без запугивания, препятствий, беспокойства и неуместного вмешательства»);

– статья 22 («Правительства должны признавать и соблюдать конфиденциальность коммуникаций и консультаций между адвокатом и клиентом»);

– статья 24 («…Исполнительные органы профессиональных ассоциаций осуществляют свои функции без внешнего вмешательства»);

2. Всеобщая декларация о независимости правосудия («Декларация Сингви»):

«74. Независимость профессии адвоката является важнейшей гарантией продвижения и защиты прав человека;

75. Должна существовать справедливая и беспристрастная система отправления правосудия, гарантирующая независимость адвокатов без каких-либо ограничений, воздействия …или вмешательства, прямого или косвенного, с чьей бы то ни было стороны или по какому-либо основанию;

99с. В функции ассоциации адвокатов … должны входить, помимо прочего: защита роли адвокатов в обществе и сохранение независимости профессии».

Между тем из анализируемой статьи следует, что ее автор категорически не согласен с идеями критиков КИС АР, поскольку заявляет, что ему «давно стало ясно, что если «эти» – «против», то, скорее всего, мы делаем что-то весьма полезное и приличное». Хотя любому адвокату, юристу, да и вообще любому здравомыслящему человеку, детально ознакомившемуся с актуальной проблематикой организации и деятельности адвокатуры, становится понятно, что «полезными для адвокатуры», а тем более «приличными» для нее существующие негативные социальные практики, в общем виде перечисленные выше, назвать никак нельзя.

Нельзя назвать приемлемым и молчание упомянутого в начале анализируемой публикации в качестве «идейного вдохновителя» вице-президента ФПА М.Н. Толчеева, который вот уже три года старательно отмалчивается (или безрезультатно готовит ответ) на опубликованную в СМИ статью, содержащую недвусмысленный призыв к ответу на ряд вполне понятных и конкретных вопросов:

«1. До каких пор представители органов управления ФПА РФ будут, не реагируя на многочисленные обращения адвокатов из различных регионов Российской Федерации о нарушениях и злоупотреблениях, допускаемых адвокатскими управленцами, копить сор в нашей общей адвокатской «избе»?

2. Когда именно эти лица начнут самостоятельно «сжигать» накопившийся за период своего многолетнего управления адвокатурой «мусор» финансовых злоупотреблений, запретов, преследований, мздоимства, злословия, кумовства, непотизма и тому подобных аморальных и противоправных социальных моделей?

3. Не пора ли некоторым из этих лиц делать это, начав с себя?» [41].

Кстати, несмотря на весьма широкое распространение информации об упомянутых выше фактах, руководство ФПА и адвокатских палат всегда предпочитало относительно каждого из них старательно отмалчиваться и (или) преследовать критиков различными путями поодиночке [39]. Но, как видим, процесс рассмотрения лоббируемого ФПА очередного законопроекта стал неким, хотя и неприятным, исключением.

Неприятным потому, что вместо решения обозначенных выше значимых проблем представители ФПА предпочли «для сохранения собственной независимости» искать выход в «цифровом измерении» и заявлять, что в ФПА создали, внедрили и продолжают создавать и внедрять «собственную цифровую платформу», что преподносится не иначе как «безусловная победа и достижение». Но при этом почему-то забывается о том, что на деле КИС АР даже для ФПА «не своя», поскольку она разработана не ей и базируется не на ее собственных ресурсах. Из СМИ известно, что КИС АР была разработана и эксплуатируется на инфраструктуре третьего лица – ПАО «Сбербанк России», организации со значительным государственным участием [42, 43].

Кстати, из заявлений адвокатов, точно знающих о нравах и порядках, царящих на «внутренней кухне» ФПА, следует, что КИС АР – это некий «распил»: так, несмотря на то, что КИС АР – «исключительно дорогостоящий проект», финансирование которого «исчисляется уже сотнями миллионов адвокатских рублей», а «в случае принятия поправок» (в закон) «эта сумма будет расти как снежный ком», конкурс для определения разработчика системы не проводился, условия сделки с ним публично не обсуждались, и есть обоснованные подозрения в заинтересованности представителей сторон в сделке [44].

Не принимая во внимание тот факт, что перечень сведений, которые адвокат будет обязан представлять в КИС АР, в законопроекте, вопреки здравому смыслу, исчерпывающим образом не установлен, а лишь планируется его установить неким подзаконным актом, принятым по согласованию между ФПА и Министерством юстиции, автор, рассказывая о КИС АР, пытается бездоказательно убедить читателей в том, что, «вопреки досужим домыслам критиков», «ФПА действовала адекватно современным вызовам» «в интересах всей корпорации».

На самом деле адекватным действием адвокатуры могло бы быть названо инициирование пересмотра антиадвокатских изменений в законодательство и в КПЭА с тем, чтобы обеспечить

независимость адвокатуры и адвокатов. Оно могло бы выражаться в консолидации усилий для выработки новых мер в этом направлении, например в постановке вопроса о передаче реестра адвокатов из ведения Министерства юстиции Российской Федерации в ведение адвокатуры. Однако управленцы из ФПА ведут адвокатуру по другому пути – по «скользкой дорожке» полной утраты независимости. И ради чего?

Далее автор анализируемой статьи голословно настаивает на том, что «доступ к информации об адвокатах посредством такой коммуникации будет ничуть не большим, чем доступ к информации… о следователях или сотрудниках судов на портале госуслуг» (при том, что там ее в принципе нет), подчеркивая, что «практически никакой информации, содержащей адвокатскую тайну, система не содержит и никуда не передает, …то же касается и персональных данных»; говорит о том, что «система позволяет обмениваться лишь и без того доступной информацией, например о поручениях, принятых по назначению и оплачиваемых государством, реестровых данных, данных об адвокатских образованиях». При этом он подчеркивает, что «в КИС АР используются высочайшие уровни защиты». Правда, тогда возникает вопрос, что же там защищать. Ведь автор уверяет, что вроде бы как и нечего…

Между тем автор не хочет замечать и проблему, связанную с тем, что сведения о доверителях, которые, согласно положениям п. 5 ст. 6 КПЭА, составляют предмет адвокатской тайны, адвокат уже даже сейчас обязан вносить в КИС АР. А из этого вырисовывается, например, такая проблема.

На практике данные конкретного подзащитного (как «по соглашению», так и «по назначению») и конкретного, защищающего именно его, адвоката, конечно же, известны конкретному «правоохранителю»: следователю или дознавателю, его начальству, надзирающему прокурору, тем сотрудникам, кто «раскрывал» дело. Понятно, что становятся известными эти данные судье, секретарю, государственному обвинителю, возможно, их «кураторам» из прокуратуры и суда субъекта РФ. Главное тут то, что распространение этих данных, так или иначе, ограничено строго определенным кругом лиц, в силу служебного положения связанных с процедурой «движения» конкретного уголовного дела. Но благодаря КИС АР, помимо этих, известных адвокату и его доверителю лиц, сотрудники ФПА (некоммерческой организации, адвокатской деятельности в принципе не осуществляющей) или Министерства юстиции (органа, осуществляющего контроль и надзор за адвокатурой в целом, но не за конкретными адвокатами и их доверителями) вполне могут получить доступ ко всем этим сведениям в отношении адвоката и всех подзащитных конкретного адвоката. Такой доступ могут получить как при наличии правовых оснований, так и вопреки им, и иные лица, круг которых абсолютно не ограничен. В итоге, что называется, «в два клика» вся информация о деятельности адвоката и его взаимосвязях с подзащитными будет этим лицам видна. Таким образом адвокат и оказывается «под колпаком». А как на практике можно применить приведенные выше сведения, можно только догадываться…

И это только один вопрос по одному пункту о данных, которые окажутся в КИС АР!

Поэтому адвокатам впору, изучив на сайтах адвокатских палат и ФПА то, какие данные уже сейчас нужно представлять в КИС АР, подумать о том, что именно их предоставление добавит им в части «независимости»…

Хочется, конечно, задать автору анализируемой публикации вопрос о том, не забыл ли он о необходимости защиты сведений из КИС АР, составляющих, в том числе, и адвокатскую тайну, от снятия информации при помощи способов, предусмотренных законодательством об оперативно-розыскной деятельности, что предполагает полное, основанное на положениях закона, игнорирование и высокопрофессиональное вскрытие любых средств защиты любой информационной системы?

Также напрашивается и вопрос о том, почему же в целой главе законопроекта, посвященной КИС АР, не нашлось-таки места именно исчерпывающему перечню предоставляемых адвокатом в систему сведений и нормам, направленным на обеспечение сохранения адвокатской тайны и иных сведений об адвокате и его доверителе, которые могут быть зафиксированы в КИС АР?

Логичен и вопрос о том, зачем ФПА создает для адвокатов, причем фактически за их же счет, некую «потенциальную информационную удавку», и в чьих интересах она собирается пользоваться ею, привлекая к этому процессу на паритетных началах еще и многочисленные государственные органы и подконтрольные государству коммерческие организации?

Похоже, ответы и так ясны. Даже и спрашивать нет смысла. Тем более видя подход автора статьи к конкретно юридической полемике, от которой он, несмотря на то, что статья размещена на сайте ФПА в разделе с названием «Полемика», счел необходимым уклониться.

Так, автор, отмечая, что «группа коллег… весьма серьезным образом поставила под сомнение необходимость использования КИС АР для адвокатов и адвокатуры», не счел необходимым каким-бы то ни было образом опровергать выдвинутые, в том числе и перечисленные выше, вполне конкретные аргументы. Он лишь заявил, что «аргументов «против» было высказано немало, но перечислять все особого смысла нет», и «всё, что высказано критиками, мягко говоря, не конструктивно, а, скорее всего, злонамеренно». Однако каких-либо доказательств того, чем же именно подтверждается «злонамеренность критиков», автор публикации не привёл.

Вместо опровержения доводов критиков автор опубликованной статьи счел необходимым в некоторой степени перейти на критику личности отдельных критиков, выставив их лицами, якобы отрицающими «прогресс как явление». Отношение критиков к КИС АР автор, уклоняясь от детального формально-юридического и фактического анализа, решил, как он сам пишет, «метафорически», показать на примере того, что критикующие якобы заявляют, что «конная тяга даже в век электрификации автотранспорта лучше».

Конечно, и в научной, и в профессиональной дискуссии, и тем более в уличной беседе такая «аргументация» правоты оратора, весьма вероятно, повлекла бы для него определенные последствия, в том числе в виде понятного отношения к нему со стороны всей интересующейся проблематикой публики. Но автор надеется, видимо, что адвокатура России – «особый случай». Именно поэтому он, будучи известным своим высказыванием благодарности и введением в заблуждение членов Совета Федерации относительно сущности законопроекта, которым вводился недавно нивелированный Конституционным Судом РФ «бессрочный запрет на юридическую профессию» для адвокатов, статус которых прекращен [45, 46], пользуясь трибуной ФПА, переходя на личности и высказывая абсурдные вещи, позволяет себе пытаться и дальше вводить адвокатов в заблуждение и заявлять о критиках антиадвокатских действий ФПА как о якобы «пикейных жилетах».

Однако автор, настаивая на своей, ничем, кроме выводов про изобретенных им «лионских луддитов», не обоснованной позиции и божась, что «адвокатам по 51-й …придется сообщать свои ФИО, номер счета и дело, по которому производится оплата… другой информации, содержащей адвокатскую тайну, система не содержит», все же «проговаривается», заявляя, что, «если впоследствии это потребуется, загружать или нет в защищенный контур нашей адвокатской платформы материалы адвокатского досье для работы с ними – сугубо личный выбор каждого адвоката».

Выбор каждого адвоката? А нельзя было предложить записать в законе прямо предусматривающую такую «добровольность» норму?! К чему эти слова, когда из проектируемых норм добровольность представления адвокатом сведений в КИС АР совсем не следует, а идет лишь речь об обязанностях, установленных крайне размыто?!

Поэтому данные утверждения звучат, учитывая все вышеизложенное, крайне сомнительно…

При этом совершенно не понятно, как ФПА, организация, не добившаяся за двадцать лет своей деятельности никаких преференций для адвокатов ни в части их налогообложения и социальной поддержки, ни в защите их от преследований со стороны государства, в том числе по политическим и профессиональным мотивам, сможет защитить адвокатов от утраты посредством КИС АР чувствительной для них и их доверителей информации?

В завершение обратим внимание на сформулированные еще в 2021 г. в рамках Обращения к Х так называемому «Всероссийскому съезду адвокатов» предложения, представляющие собой правильный и соответствующий букве и духу приведенных выше международных актов путь российской адвокатуры, которые сегодня стали еще более актуальными:

«1. Всероссийскому съезду адвокатов – разработать, утвердить и незамедлительно реализовать комплексную программу действий, направленную на исключение из практики деятельности органов корпоративного управления адвокатурой приведенных выше негативных явлений и создание условий для выработки общекорпоративной нетерпимости к ним.

2. Объединениям адвокатов – организовать проведение II Всероссийского конгресса адвокатов с представительством не менее одного делегата от десяти адвокатов, обеспечив широкое обсуждение повестки дня Конгресса и её формирование с учётом всех актуальных проблем организации и деятельности адвокатуры, проблем адвокатской профессии, а также последующий контроль за исполнением решений Конгресса.

Результатами реализации этих предложений видится восстановление общекорпоративного единства в адвокатуре путем выработки и последующей реализации мер по:

– повышению системности и эффективности защиты профессиональных прав адвокатов;

– прекращению дисциплинарного преследования адвокатов за профессиональную деятельность и критику;

– обеспечению открытости деятельности и финансовой отчётности органов корпоративного управления адвокатурой;

– определению прозрачных и рациональных подходов к расходованию денежных средств, исходя из принципа полезности расходов для каждого адвоката;

– прекращению цензуры материалов, публикуемых в корпоративных средствах массовой информации, а также использования этих СМИ для саморекламы управленцев от адвокатуры и преследования инакомыслящих адвокатов;

– осуществлению внутрикорпоративной поддержки инфраструктурных проектов, научных исследований по проблемам адвокатской деятельности и адвокатуры, законотворческой деятельности;

– признанию подлежащими отмене противоречащих основам правопорядка и нравственности актов (в частности, ряда норм Кодекса профессиональной этики адвоката, Разъяснения № 03/19 Комиссии по этике и стандартам ФПА РФ, Резолюции IX Всероссийского съезда адвокатов «О соблюдении адвокатской этики»), вводящих своевольные ограничения в отношении реализации прав и свобод граждан, обладающих статусом адвоката;

– формированию правил адвокатской профессии, способствующих наиболее плодотворным результатам адвокатской деятельности;

– разработке подходов по изменению механизма избрания состава органов корпоративного управления адвокатурой на основе демократических процедур при проведении прямых периодичных выборов на альтернативной основе с тайным голосованием и предварительным свободным выдвижением и обсуждением кандидатур, в целях трансформирования этих органов в действительные органы адвокатского самоуправления;

– созданию системы учёта мнений и предложений адвокатов и их объединений и привлечению их к участию в обсуждении вопросов формирования и реализации корпоративной повестки;

– разработке подходов к нормативному закреплению корпоративных прав адвоката, в том числе права избирать и быть избранным в органы адвокатского самоуправления всех уровней, права на получение информации об их деятельности, полноценного права внутрикорпоративного и судебного оспаривания их действий и решений;

– формированию отвечающих актуальным вызовам времени концепций законодательного регулирования адвокатской деятельности» [47].

Наконец пришло время понять, что дальнейшее движение по «скользкой дорожке», по которой ведут адвокатов не избираемые ими в полной мере демократическим путем управленцы из ФПА, называющие путь в никуда «правильным путем», может дорого стоить российской адвокатуре, адвокатам и их подзащитным.

Список источников

1. https://sozd.duma.gov.ru/bill/301952-8.
2. https://fparf.ru/news/fpa/zakonoproekt-dlya-advokatskogo-soobshchestva-ozhidaem.
3. https://fparf.ru/news/fpa/v-pervom-chtenii-prinyaty-kompleksnye-popravki-v-zakon-ob-advokature/.
4. https://fparf.ru/news/fpa/v-virtualnom-prostranstve-poyavitsya-tsentralnyy-muzey-istorii-advokatury-/.
5. Рагулин А.В. Изменения в законодательство об адвокатуре направлены на подавление независимости адвокатов и адвокатуры в России! // Евразийская адвокатура. 2023. № 2 (61) [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/izmeneniya-v-zakonodatelstvo-ob-advokature-napravleny-na-podavlenie-nezavisimosti-advokatov-i-advokatury-v-rossii/.
6. Балданцэрэн А. Комплексная информационная система адвокатуры России и другие идеи законопроекта № 301952-8: эффективный путь реализации права на квалифицированную юридическую помощь или угроза адвокатской тайне и независимости адвокатуры? // Евразийская адвокатура. 2023. № 2 (61) [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kompleksnaya-informatsionnaya-sistema-advokatury-rossii-i-drugie-idei-zakonoproekta-301952-8-effektivnyy-put-realizatsii-prava-na/.
7. https://www.advgazeta.ru/novosti/advokaty-proanalizirovali-vnesennye-v-gosdumu-kompleksnye-popravki-v-zakon-ob-advokature/?ysclid=lhsfxnigup703021424/.
8. https://advstreet.ru/columns/chrezvychayno-vrednoe-yavlenie-dlya-advokatury/. (*)
9. http://www.eurasian-advocacy.ru/vse-novosti/2801-nezavisimoe-ekspertnoe-zaklyuchenie-na-proekt-federalnogo-zakona-o-vnesenii-izmenenij-v-federalnyj-zakon-ob-advokatskoj-deyatelnosti-i-advokature-v-rossijskoj-federatsii-301952-8.
10. https://www.advokatymoscow.ru/advocate/activity/info/11581/.
11. https://apspb.ru/about/structure/prpdv_zak/.
12. http://www.eurasian-advocacy.ru/vse-novosti/2802-obrashchenie-soveta-ap-novosibirskoj-oblasti-o-soderzhanii-zakonoproekta-o-vnesenii-izmenenij-v-zakonodatelstvo-ob-advokature.
13. https://apno.ru/press-tsentr/novosti/47470-reshenie-soveta-pano-o-napravlenii-vozrazhenij-na-proekt-federalnogo-zakona-310952-8-o-vnesenii-izmenenij-v-federalnyj-zakon-ob-advokatskoj-deyatelnosti-i-advokature-v-rf-v-chasti-utochneniya-trebovanij-predyavlyaemykh-k-kandidatam-v-advokaty-i-sovershenstvovaniyu-otdelnykh-institutov-advokatury-v-gosudarstvennuyu-dumu-federalnogo-sobraniya-rossijskoj-federatsii.

14. http://www.eurasian-advocacy.ru/vse-novosti/2801-nezavisimoe-ekspertnoe-zaklyuchenie-na-proekt-federalnogo-zakona-o-vnesenii-izmenenij-v-federalnyj-zakon-ob-advokatskoj-deyatelnosti-i-advokature-v-rossijskoj-federatsii-301952-8.
15. https://rutube.ru/video/48a517253b69c6c9b5b24cd028b0b5e2/.
16. https://legalpetition.ru/protectprofession2023.
17. https://www.advokatymoscow.ru/advocate/activity/info/11585/.
18. https://fparf.ru/polemic/opinions/my-na-pravilnom-puti/.
19. https://www.advgazeta.ru/mneniya/my-na-pravilnom-puti/.
20. https://tgstat.ru/channel/@fpa_rf/3321.
21. https://tgstat.ru/channel/@fparf/7936.
22. https://history.wikireading.ru/180984?ysclid=lhslf337w4323021379.
23. https://rlst.org.by/2023/01/30/izobreteniya-poluchivshie-imya-izobretatelya-zhakkardovyj-tkatskij-stanok-zhakkardovaya-tkan/?ysclid=lhsl6dot7w680694419.
24. https://www.kommersant.ru/doc/492191?ysclid=lhskwvreqv801004430.
25. Рагулин А.В. Трактат об Обращении 32-х, принципах, дискриминации и демократии в российской адвокатуре: монография / предисл. Г.Б. Мирзоева, послесл. А.В. Воробьева. М.: Российская академия адвокатуры и нотариата: Евразийский научно-исследовательский институт проблем права, 2019 [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasian-advocacy.ru/vse-novosti/2410-monografiya-doktora-yuridicheskikh-nauk-prorektora-rossijskoj-akademii-advokatury-i-notariata-vitse-prezidenta-gildii-rossijskikh-advokatov-glavnogo-redaktora-zhurnala-evrazijskaya-advokatura-a-v-ragulina-traktat-ob-obrashchenii-32-kh-printsipakh.
26. https://legal.report/kodeks-professionalnoj-etiki-advokatov-utverdili-bez-ucheta-mneniya-nesoglasnyh.
27. https://www.advgazeta.ru/novosti/advokaty-obsudili-popravki-v-zakon-ob-advokature/.
28. https://legal.report/pyat-tezisov-v-razzhiganie-nizmennyh-instinktov-advokatov/.
29. https://legal.report/bunt-v-advokature.
30. https://pravo.ru/news/view/140130/?ysclid=lhso1abad4521717866.
31. https://newizv.ru/news/2019-11-26/kastratsiya-advokatury-yuristy-vidyat-v-popravkah-klishasa-zapret-na-profesciyu-298440?ysclid=lhspbzs5aj798044357.
32. https://legal.report/putin-odobril-popravki-v-zakon-ob-advokature-na-ocheredi-advokatskaja-monopolija/?ysclid=lhspdsnod3354142457.
33. https://civil-forum.ru/news/itogi-ogf-2018-rezolyutsiya-po-rezultatam-ekspertnoy-diskussii-pravo-advokata-chto-meshaet-zashchiti.html?ysclid=lhsq1yt2kd206026491.
34. https://fparf.ru/news/fpa/nam-ochen-vazhno-slyshat-vsekh/.
35. https://elibrary.ru/item.asp?id=39574647.
36. https://elibrary.ru/item.asp?id=42769235.
37. Рагулин А.В., Шавин В.А., Мельниченко Р.Г. Поправки Федеральной палаты адвокатов в Кодекс профессиональной этики адвоката: устраняя старые ошибки, нельзя совершать новых! // Евразийская адвокатура. 2020. № 6 (49) [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/popravki-federalnoy-palaty-advokatov-v-kodeks-professionalnoy-etiki-advokata-ustranyaya-starye-oshibki-nelzya-sovershat-novyh.
38. Рагулин А.В. Проект федерального закона № 469485-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»: основные позиции представителей адвокатского сообщества и предложения по совершенствованию // Евразийская адвокатура. 2018. № 5 (36) [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/proekt-federalnogo-zakona-469485-7-o-vnesenii-izmeneniy-v-federalnyy-zakon-ob-advokatskoy-deyatelnosti-i-advokature-v-rossiyskoy.
39. https://legalpetition.ru/appeal.
40. https://sciup.org/obrashhenie-advokata-ragulina-andreja-viktorovicha-k-x-vserossijskomu-sezdu-140257896.
41. Рагулин А.В. Судебные споры и социальные модели современной российской адвокатуры: ответы и вопросы вице-президенту Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2020. № 5 (48) [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnye-spory-i-sotsialnye-modeli-sovremennoy-rossiyskoy-advokatury-otvety-i-voprosy-vitse-prezidentu-federalnoy-palaty-advokatov.
42. https://fparf.ru/news/fpa/sovmestnaya-rabota-po-voprosam-tsifrovizatsii-advokatury/?ysclid=lhstlu5znq920450520.
43. https://tass.ru/ekonomika/7371093?ysclid=lhstlw73br24174946.
44. https://advstreet.ru/columns/chrezvychayno-vrednoe-yavlenie-dlya-advokatury/. (*)
45. https://www.facebook.com/groups/EurasianAdvocacy/posts/2136497459894287/.
46. https://legal.report/otmenyaetsya-bessrochnyj-zapret-na-professiyu-dlya-lishennyh-statusa-advokatov/.
47. https://sciup.org/obrashhenie-advokata-ragulina-andreja-viktorovicha-k-x-vserossijskomu-sezdu-140257896.
48. https://legal.report/advokatskaya-monopoliya-2-0-ot-fpa-i-ayur-smertelnyj-boj-agncev-s-kozlicshami/?ysclid=lhwrfzumue780514510.
49. https://pravo.ru/news/230911/.
50. https://sciup.org/eurasian-advocacy/rubrics/7363?ysclid=lhwt4p7wu6658115701.

References

1. https://sozd.duma.gov.ru/bill/301952-8.
2. https://fparf.ru/news/fpa/zakonoproekt-dlya-advokatskogo-soobshchestva-ozhidaem.
3. https://fparf.ru/news/fpa/v-pervom-chtenii-prinyaty-kompleksnye-popravki-v-zakon-ob-advokature/.
4. https://fparf.ru/news/fpa/v-virtualnom-prostranstve-poyavitsya-tsentralnyy-muzey-istorii-advokatury-/.
5. Ragulin A.V. Izmeneniya v zakonodatel`stvo ob advokature napravleny` na podavlenie nezavisimosti advokatov i advokatury` v Rossii! // Evrazijskaya advokatura. 2023. № 2 (61) [E`lektronny`j resurs]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/izmeneniya-v-zakonodatelstvo-ob-advokature-napravleny-na-podavlenie-nezavisimosti-advokatov-i-advokatury-v-rossii/.
6. Baldanczeren A. Kompleksnaya informacionnaya sistema advokatury` Rossii i drugie idei zakonoproekta

№ 301952-8: e`ffektivny`j put` realizacii prava na kvalificirovannuyu yuridicheskuyu pomoshh` ili ugroza advokatskoj tajne i nezavisimosti advokatury`? // Evrazijskaya advokatura. 2023. № 2 (61) [E`lektronny`j resurs]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kompleksnaya-informatsionnaya-sistema-advokatury-rossii-i-drugie-idei-zakonoproekta-301952-8-effektivnyy-put-realizatsii-prava-na/.

7. https://www.advgazeta.ru/novosti/advokaty-proanalizirovali-vnesennye-v-gosdumu-kompleksnye-popravki-v-zakon-ob-advokature/?ysclid=lhsfxnigup703021424/.

8. https://advstreet.ru/columns/chrezvychayno-vrednoe-yavlenie-dlya-advokatury/. (*)

9. http://www.eurasian-advocacy.ru/vse-novosti/2801-nezavisimoe-ekspertnoe-zaklyuchenie-na-proekt-federalnogo-zakona-o-vnesenii-izmenenij-v-federalnyj-zakon-ob-advokatskoj-deyatelnosti-i-advokature-v-rossijskoj-federatsii-301952-8.

10. https://www.advokatymoscow.ru/advocate/activity/info/11581/.

11. https://apspb.ru/about/structure/prpdv_zak/.

12. http://www.eurasian-advocacy.ru/vse-novosti/2802-obrashchenie-soveta-ap-novosibirskoj-oblasti-o-soderzhanii-zakonoproekta-o-vnesenii-izmenenij-v-zakonodatelstvo-ob-advokature.

13. https://apno.ru/press-tsentr/novosti/47470-reshenie-soveta-pano-o-napravlenii-vozrazhenij-na-proekt-federalnogo-zakona-310952-8-o-vnesenii-izmenenij-v-federalnyj-zakon-ob-advokatskoj-deyatelnosti-i-advokature-v-rf-v-chasti-utochneniya-trebovanij-predyavlyaemykh-k-kandidatam-v-advokaty-i-sovershenstvovaniyu-otdelnykh-institutov-advokatury-v-gosudarstvennuyu-dumu-federalnogo-sobraniya-rossijskoj-federatsii.

14. http://www.eurasian-advocacy.ru/vse-novosti/2801-nezavisimoe-ekspertnoe-zaklyuchenie-na-proekt-federalnogo-zakona-o-vnesenii-izmenenij-v-federalnyj-zakon-ob-advokatskoj-deyatelnosti-i-advokature-v-rossijskoj-federatsii-301952-8.

15. https://rutube.ru/video/48a517253b69c6c9b5b24cd028b0b5e2/.

16. https://legalpetition.ru/protectprofession2023.

17. https://www.advokatymoscow.ru/advocate/activity/info/11585/.

18. https://fparf.ru/polemic/opinions/my-na-pravilnom-puti/.

19. https://www.advgazeta.ru/mneniya/my-na-pravilnom-puti/.

20. https://tgstat.ru/channel/@fpa_rf/3321.

21. https://tgstat.ru/channel/@fparf/7936.

22. https://history.wikireading.ru/180984?ysclid=lhslf337w4323021379.

23. https://rlst.org.by/2023/01/30/izobreteniya-poluchivshie-imya-izobretatelya-zhakkardovyj-tkatskij-stanok-zhakkardovaya-tkan/?ysclid=lhsl6dot7w680694419.

24. https://www.kommersant.ru/doc/492191?ysclid=lhskwvreqv801004430.

25. Ragulin A.V. Traktat ob Obrashhenii 32-x, principax, diskriminacii i demokratii v rossijskoj advokature: monografiya / predisl. G.B. Mirzoeva, poslesl. A.V. Vorob`eva. M.: Rossijskaya akademiya advokatury` i notariata: Evrazijskij nauchno-issledovatel`skij institut problem prava, 2019 [E`lektronny`j resurs]. URL: http://www.eurasian-advocacy.ru/vse-novosti/2410-monografiya-doktora-yuridicheskikh-nauk-prorektora-rossijskoj-akademii-advokatury-i-notariata-vitse-prezidenta-gildii-rossijskikh-advokatov-glavnogo-redaktora-zhurnala-evrazijskaya-advokatura-a-v-ragulina-traktat-ob-obrashchenii-32-kh-printsipakh.

26. https://legal.report/kodeks-professionalnoj-etiki-advokatov-utverdili-bez-ucheta-mneniya-nesoglasnyh.

27. https://www.advgazeta.ru/novosti/advokaty-obsudili-popravki-v-zakon-ob-advokature/.

28. https://legal.report/pyat-tezisov-v-razzhiganie-nizmennyh-instinktov-advokatov/.

29. https://legal.report/bunt-v-advokature.

30. https://pravo.ru/news/view/140130/?ysclid=lhso1abad4521717866.

31. https://newizv.ru/news/2019-11-26/kastratsiya-advokatury-yuristy-vidyat-v-popravkah-klishasa-zapret-na-profesciyu-298440?ysclid=lhspbzs5aj798044357.

32. https://legal.report/putin-odobril-popravki-v-zakon-ob-advokature-na-ocheredi-advokatskaja-monopolija/?ysclid=lhspdsnod3354142457.

33. https://civil-forum.ru/news/itogi-ogf-2018-rezolyutsiya-po-rezultatam-ekspertnoy-diskussii-pravo-advokata-chto-meshaet-zashchiti.html?ysclid=lhsq1yt2kd206026491.

34. https://fparf.ru/news/fpa/nam-ochen-vazhno-slyshat-vsekh/.

35. https://elibrary.ru/item.asp?id=39574647.

36. https://elibrary.ru/item.asp?id=42769235.

37. Ragulin A.V., Shavin V.A., Mel`nichenko R.G. Popravki Federal`noj palaty` advokatov v Kodeks professional`noj e`tiki advokata: ustranyaya stary`e oshibki, nel`zya sovershat` novy`x! // Evrazijskaya advokatura. 2020. № 6 (49) [E`lektronny`j resurs]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/popravki-federalnoy-palaty-advokatov-v-kodeks-professionalnoy-etiki-advokata-ustranyaya-starye-oshibki-nelzya-sovershat-novyh.

38. Ragulin A.V. Proekt federal`nogo zakona № 469485-7 «O vnesenii izmenenij v Federal`ny`j zakon «Ob advokatskoj deyatel`nosti i advokature v Rossijskoj Federacii»: osnovny`e pozicii predstavitelej advokatskogo soobshhestva i predlozheniya po sovershenstvovaniyu // Evrazijskaya advokatura. 2018. № 5 (36) [E`lektronny`j resurs]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/proekt-federalnogo-zakona-469485-7-o-vnesenii-izmeneniy-v-federalnyy-zakon-ob-advokatskoy-deyatelnosti-i-advokature-v-rossiyskoy.

39. https://legalpetition.ru/appeal.

40. https://sciup.org/obrashhenie-advokata-ragulina-andreja-viktorovicha-k-x-vserossijskomu-sezdu-140257896.

41. Ragulin A.V. Sudebny`e spory` i social`ny`e modeli sovremennoj rossijskoj advokatury`: otvety` i voprosy` vice-prezidentu Federal`noj palaty` advokatov Rossijskoj Federacii // Evrazijskaya advokatura. 2020. № 5 (48) [E`lektronny`j resurs]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnye-spory-i-sotsialnye-modeli-sovremennoy-rossiyskoy-advokatury-otvety-i-voprosy-vitse-prezidentu-federalnoy-palaty-advokatov.

42. https://fparf.ru/news/fpa/sovmestnaya-rabota-po-voprosam-tsifrovizatsii-advokatury/?ysclid=lhstlu5znq920450520.

43. https://tass.ru/ekonomika/7371093?ysclid=lhstlw73br24174946.

44. https://advstreet.ru/columns/chrezvychayno-vrednoe-yavlenie-dlya-advokatury/. (*)
45. https://www.facebook.com/groups/EurasianAdvocacy/posts/2136497459894287/.
46. https://legal.report/otmenyaetsya-bessrochnyj-zapret-na-professiyu-dlya-lishennyh-statusa-advokatov/.
47. https://sciup.org/obrashhenie-advokata-ragulina-andreja-viktorovicha-k-x-vserossijskomu-sezdu-140257896.
48. https://legal.report/advokatskaya-monopoliya-2-0-ot-fpa-i-ayur-smertelnyj-boj-agncev-s-kozlicshami/?ysclid=lhwrfzumue780514510.
49. https://pravo.ru/news/230911/.
50. https://sciup.org/eurasian-advocacy/rubrics/7363?ysclid=lhwt4p7wu6658115701.

Примечание редакции: (*) В статье в целях научного цитирования приведены ссылки на источник информации – журналистский проект «Адвокатская улица», который Решением Министерства юстиции Российской Федерации от 21.04.2023 включен в число перечень лиц, выполняющих функции иностранного агента.

Editor's note: (*) The article cites for scientific purposes the source of information – the journalistic project «Advokatskaya Ulitsa», which by a decision of the Ministry of Justice of the Russian Federation from 21.04.2023 is included in the list of persons who perform the functions of a foreign agent.

Статья поступила в редакцию 23.05.2023; одобрена после рецензирования 28.05.2023; принята к публикации 28.05.2023.

The article was submitted 23.05.2023; approved after reviewing 28.05.2023; accepted for publication 28.05.2023.

Евразийская адвокатура. 2023. № 3 (62). С. 30.
Eurasian advocacy. 2023;(3(62)):30.

Актуальные проблемы адвокатской практики

Научная статья
УДК 343.985.7
doi 10.52068/2304-9839_2023_62_3_30

О СЛЕДСТВЕННОМ, СУДЕБНОМ ЭКСПЕРИМЕНТЕ И ДОСТОВЕРНОСТИ ПРОВЕРКИ ПОКАЗАНИЙ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЯХ

ЯРОШИК Олег Дмитриевич
Адвокат, научный сотрудник центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права
450006, г. Уфа, ул. Ленина, д. 102, оф. 24, Российская Федерация

Аннотация: В статье рассмотрены теоретические и практические вопросы производства следственного эксперимента, судебного эксперимента и проверки показаний на месте по уголовным делам о дорожно-транспортных происшествиях, а также проблемы участия в этих действиях адвоката-защитника.

Ключевые слова: судебный эксперимент, следственный эксперимент, проверка показаний, дорожно-транспортные происшествия, адвокат

Для цитирования: Ярошик О.Д. О следственном, судебном эксперименте и достоверности проверки показаний по уголовным делам о дорожно-транспортных происшествиях // Евразийская адвокатура. 2023. № 3(62). С. 30 . https:// doi.org/10.52068/2304-9839_2023_62_3_30

Actual problems of advocacy practice

Original article

ON INVESTIGATION, FORENSIC EXPERIMENT AND RELIABILITY OF TESTIMONY VERIFICATION IN CRIMINAL CASES OF ROAD TRAFFIC ACCIDENTS

YAROSHIK Oleg Dmitrievich
Advocate, Research Associate of the Centre for the Study of the Organization and Operation of the Advocacy of Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law
450006, Ufa, Lenina St., 102, office 24, Russian Federation

Abstract: The article deals with the theoretical and practical issues of investigative experiment, forensic experiment and testing evidence on the spot in criminal cases about road traffic accidents and the problems of participation of the lawyer-defender in these activities.

Keywords: forensic experiment, investigation experiment, testimony, crash crimes, defense attorney

For citation: Yaroshik O.D. On investigation, forensic experiment and reliability of testimony verification in criminal cases of road traffic accidents = Eurasian advocacy. 2023;3(62):30. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2023_62_3_30

Следственная и судебная практика показывает, что доказательства, полученные в результате эксперимента или проверки показаний на месте, нередко определяют исход уголовного дела о ДТП.

В соответствии с требованиями статей 181 и 288 УПК РФ следственный и судебный эксперименты, являясь важными доказательствами по уголовному делу, предусмотрены в стадии предварительного расследования и судебного разбирательства [2, 4, 7, 9, 15].

К проблемам эксперимента в уголовном судопроизводстве обращались многие ученые-криминалисты и процессуалисты, а тактика его проведения детально рассмотрена в монографической и учебной литературе [3, 16].

Эксперимент проводится с целью проверки и уточнения доказательств, показаний участников и очевидцев (свидетелей), получения сведений, имеющих доказательственное значение. Содержанием судебного эксперимента является исследование и получение доказательств в специально

© Ярошик О.Д., 2023

созданных условиях, аналогичных обстоятельствам дела. При этом сущность и цель судебного эксперимента в гражданском процессе такие же, как и в уголовном судопроизводстве.

Эксперимент в судебном разбирательстве является способом, средством исследования, проверки и получения доказательств. Тактически важными моментами подготовки, требующими отдельного внимания, являются определение участников эксперимента и распределение их ролей, а также воспроизведение (реконструкция) обстановки и условий, в которых будут производиться опытные действия [12].

Судебный эксперимент состоит в проведении судом опытных действий с целью установления возможности или невозможности существования определенных фактов, имеющих значение для рассматриваемого дела. Суть судебного эксперимента именно в осуществлении действий, аналогичных исследуемым, и проведении этих действий в сходной обстановке, по возможности максимально приближенной к подлинной обстановке исследуемого события.

Итак, обстановка проведения эксперимента должна быть сходной с обстановкой исследуемого события. Эксперимент должен проводиться в то же время суток, когда происходило исследуемое событие, что обеспечивает сходные условия освещенности, температуры воздуха и другие атмосферные условия; в том же месте, где происходило исследуемое событие; в условиях реконструкции подлинной обстановки; с учетом того же темпа (скорости) совершения действий, в котором происходили события, исследуемые путем эксперимента [1].

Поведение проверяемого лица оценивается с точки зрения его добросовестности, желания получить объективный результат, способствовать своими действиями выяснению истины по делу. Если на этот счет возникают сомнения, то и результат эксперимента также может вызвать сомнения в своей достоверности [11].

В научной и научно-практической литературе отмечается, что в действующем законодательстве приведено недостаточно точное определение следственного эксперимента, что порой порождает некоторые проблемы, в частности, разграничения эксперимента и проверки показаний на месте. Так, серьезным недостатком формулировки, указанной в ст. 181 УПК РФ, является отсутствие указаний «на опытный, экспериментальный характер этого следственного действия, когда его содержание, по сути, сводится лишь к воспроизведению» [10].

Воспроизведение какого-либо события в целом или отдельных его элементов, своего рода экспериментальное исследование осуществляется в обстановке, максимально приближенной к той, что и расследуемое событие.

К целям данного следственного действия, как это предусмотрено ст. 181 УПК РФ, относятся проверка и уточнение информации, имеющей значение для уголовного дела, а также воссоздание обстановки или иных обстоятельств определенного события.

Изученная практика расследования преступлений позволила выделить еще одну цель проведения следственного эксперимента: собирание исходных данных для назначения транспортно-технической (автотехнической) экспертизы. Без результатов данного следственного действия невозможно решение большинства вопросов (*технического и на его основе правового характера. – прим. авт.*). Эксперимент может выступать не только в качестве средства проверки и уточнения имеющихся по делу фактических данных, но и как способ получения доказательственной информации [6].

В литературе предложена классификация следственных экспериментов, среди которых выделяется эксперимент по установлению возможности наблюдения, восприятия какого-либо факта, события, явления [3].

Анализ практики позволил сделать вывод о том, что при расследовании преступлений чаще всего проводятся следующие виды следственного эксперимента: по установлению возможности совершения какого-либо действия; по установлению возможности наблюдения, восприятия какого-либо факта, события, явления; по установлению механизма (обстоятельств) транспортного происшествия.

Так, с целью установления истины по уголовному делу было принято решение о производстве следственного эксперимента, цель которого заключалась в воспроизведении обстоятельств доказывания с получением ответа на вопрос: видна ли находящемуся в указанном месте лицу высадка пассажиров. Ответ на этот вопрос позволил бы установить, могло ли видеть привлекаемое к ответственности лицо пострадавшего пассажира. По делу по факту гибели потерпевшего К. был произведен следственный эксперимент с целью проверки видимости участка пути из кабины ТС.

По правилам подготовки к проведению эксперимента, среди прочего, следователю необходимо определить место и время его производства, максимально приближенные к тем условиям,

при которых происходило проверяемое событие. Кроме того, следует заранее ознакомиться с местом, в котором будет проводиться эксперимент, и принять меры к созданию условий, аналогичных тем, в которых происходило проверяемое событие.

На достоверность результатов рассматриваемого следственного действия могут существенно повлиять погодные условия, что, конечно, не исключает возникновения определенных проблем в рамках судебного разбирательства [14].

Не менее широко применим в следственной практике эксперимент, производимый в целях выявления или проверки видимости. Для определения видимости следует учитывать изменение видимости в зависимости от конкретных обстоятельств (в частности, степень освещенности в один и тот же час суток, в разное время года, при наличии или отсутствии снега, при ясном или облачном небе и пр.). На определение видимости большое влияние может оказать наличие или отсутствие густой и низкой облачности, снегового покрова или снегопада, дождя и пр. [5].

Очевидно, именно поэтому уверенный в своей правоте военный следователь Люберецкого гарнизона запросил в аэропорту Быково и поместил в дело водителя Соболева как доказательство данные о видимости, имеющие значение для воздушных судов, но совсем не для автомобилей, которые следуют по дорогам на земле, а не летают в небе. Полученная таким образом информация о видимости, безусловно, повлияла на выводы проведенной в интересах обвинения автотехнической экспертизы [28, 30].

Другой пример. Водитель Беляев пояснил, что, управляя автобусом, он остановился перед стоп-линией, пропустил встречный транспорт, убедился в безопасности своего движения и приступил к осуществлению маневра «поворот налево», соблюдая требования Правил дорожного движения. В этот момент пешеход вне зоны видимости и обзорности для водителя автобуса начал переход проезжей части по пешеходному переходу на красный, запрещающий сигнал светофора, что подтверждается имеющейся видеозаписью. Пешеход прошел какое-то расстояние, после чего произошел наезд автобуса, водитель которого даже не успел применить торможение. При таких обстоятельствах действия пешехода не соответствовали требованиям Правил движения, а техническая причина ДТП, по мнению защиты, заключалась в действиях невнимательного пешехода и обусловлена его неразумными действиями.

С учетом изложенного и с целью получения необходимых исходных данных защитник Беляева заявил ходатайство провести следственный эксперимент с участием водителя и пешехода, после чего назначить комплексную комиссионную автотехническую и видеотехническую экспертизу, поставить на разрешение экспертов следующие вопросы: имел ли водитель автобуса в указанной дорожно-транспортной ситуации (ДТС) техническую возможность избежать наезда на пешехода, соответствуют ли действия пешехода требованиям Правил дорожного движения РФ, в чем заключается техническая причина ДТП и действиями кого из участников происшествия она обусловлена.

В обоснование заявленного ходатайства стороной защиты были приведены следующие доводы: обстоятельства ДТП свидетельствуют о том, что в момент осуществления водителем автобуса маневра «поворот» пешеход не находился в поле зрения водителя. В этом случае видимость по сторонам ограничена, объект некоторое время движется, являясь невидимым для водителя, и появляется внезапно для последнего [22].

Согласно статистическим данным, по утверждению известного эксперта-автотехника, доктора технических наук, профессора Ю.Б. Суворова, доля наездов на пешеходов в условиях ограниченной зоны видимости (обзора) составляет порядка 20 %, а механизм исследования таких ДТП сложнее обычного. При наличии объекта, ограничивающего обзор, за момент возникновения опасности обычно принимают момент появления пешехода из-за этого объекта [22]. Данный момент, или расстояние, преодоленное пешеходом до места наезда, можно определить как графически, так и аналитическим путем. Графический способ заключается в построении схемы (в плане) движения автомобиля и объекта на участке ДТП, на котором участников «расставляют» на расстоянии от места ДТП пропорционально их скоростям с учетом режима движения через фиксированные промежутки времени (например, 1 сек.). Определяется расстояние от объекта до места наезда, на котором пешеход (объект) становится уже виден водителю. Затем это расстояние закладывают в расчет, который проводится по методике, изложенной в работе Ю.Б. Суворова [22]. Таким образом выясняется вопрос, имел ли водитель техническую возможность предотвратить наезд на пешехода торможением в момент появления последнего в поле зрения водителя.

В методике, предложенной Ю.Б. Суворовым, обоснованно изложен способ определения откры-

тия обзора. Утверждается, что решение аналитическим путем вопроса о технической возможности предотвращения ДТП в условиях ограничения зоны видимости (обзора) предполагает использование в таком случае достаточно сложных и громоздких математических расчетов. Необходимо учесть и определить следующие параметры: время движения пешехода с момента возникновения опасности (препятствия для движения до момента наезда); движение ТС в заторможенном состоянии до наезда; расстояние, преодоленное ТС в заторможенном состоянии после наезда до остановки; длину следов торможения колес до полной остановки; наименьший угол между направлением движения препятствия, удаляющегося (приближающегося) от ТС, и продольной осью дороги; расстояние от рабочего места водителя до, соответственно, передней части и правого (левого) габарита ТС; расстояние от пешехода до места наезда в момент открытия видимости пешехода с рабочего места водителя. Необходимо также определить величину удаления ТС от места наезда в различные моменты развития ситуации (ДТС) и реализовать методический принцип расчета технической возможности предотвратить ДТП, произошедшее в зоне ограничения обзора, путем сравнения временных параметров [22].

С учетом изложенных методических рекомендаций, таким образом, прежде всего техническим путем объективно устанавливаются обстоятельства, являющиеся предметом доказывания.

А.И. Винберг и С.П. Митричев еще в 1950 году писали о том, что следственный эксперимент необходимо проводить в то же время суток, в какое происходило подлежащее проверке событие. При проверке возможности совершения определенных действий в данных условиях, в тех случаях, когда эти условия определяются временем суток, следственный эксперимент следует производить не только в те же часы, конечно, с учетом изменившейся продолжительности дня, но иногда в те же дни недели, в которые произошло проверяемое событие. Соблюдение этого требования очень важно…

В целях наибольшей точности необходимо использовать по возможности те самые предметы, которые применялись при совершении проверяемых действий. Не менее важным является привлечение к участию в проведении эксперимента участников или очевидцев проверяемого события, а иногда, в зависимости от характера следственного эксперимента, также и тех лиц, которые в качестве понятых присутствовали в свое время при осмотре места происшествия. Эксперимент должен проводиться на том же месте, где происходило подлежащее проверке событие. Малейшая ошибка или даже неточность, допущенная при проведении опытов, может привести к результатам, обратным тем, которые должны были быть при условии правильного проведения опытов [5].

А.И. Винберг и С.П. Митричев обоснованно утверждали, что «выполнение изложенных требований обеспечит максимальное приближение воспроизводимых событий к имевшему в свое время событию».

Автор обращает внимание читателя, что изложенные правила проведения эксперимента, направленные на установления истины по делу, приведены в учебнике Винберга и Митричева 1950 года. В литературе последних лет эти обязательные к исполнению правила оказались почему-то забыты, нередко даже в нарушение здравого смысла. Не в этом ли и заключается причина сегодняшнего упрощения и упрощенчества, которые значительно облегчают работу следователя и серьезно осложняют судьбу привлекаемого к ответственности лица.

Так, некоторые современные авторы посвятили следственному эксперименту всего четыре абзаца, утверждая, то эксперимент – это следственное действие, состоящее в проведении специальных опытов в целях проверки и уточнения данных, имеющих значение для уголовного дела. Цели эксперимента указывают на его важную особенность: он является специальным проверочным следственным действием. Условиями для производства следственного эксперимента являются: отсутствие необходимости в самостоятельном использовании специальных познаний и точность воссоздания условий, при которых происходили проверяемые действия или события. Следственные эксперименты делятся на следующие разновидности:

1. Состоящие в воспроизведении действий (волевых актов) для установления возможности: а) восприятия какого-либо факта в определенных условиях; б) совершения определенного действия; в) совершения действий, требующих специальных навыков.

2. Состоящие в реконструкции событий (обстоятельств, не зависящих от воли человека) для установления: а) возможности наступления какого-либо явления или факта; б) механизма события в целом или отдельных его деталей; в) механизма образования следов [26].

Достоинство приведенного учебного пособия в том, что в нем дается определение этого след-

ственного действия, «состоящего в проведении специальных опытов в целях проверки и уточнения имеющих значение данных», что, безусловно, отличает его от проверки показаний на месте.

Следует подчеркнуть, что сознательные нарушения даже при наименовании проведенного следственного действия и тем более несоответствие его условиям и обстоятельствам совершенного ДТП (например, с целью установления видимости в направлении столкновения ТС) нередко позволяют создать ложные доказательства виновности привлекаемого к ответственности водителя.

Следственный эксперимент – следственное действие, сущность которого состоит в воспроизведении действий, обстановки и иных обстоятельств определенного события в целях проверки и уточнения данных, имеющих значение для дела, и получения новых доказательств.

Согласно ст. 181 УПК РФ следователь вправе произвести эксперимент путем воспроизведения действий, а также обстановки и иных обстоятельств определенного события, при этом проверяется возможность восприятия каких-либо фактов.

Общая цель эксперимента – получение доказательств, с помощью которых могут быть проверены и уточнены данные, имеющие значение для дела, и установлены какие-либо новые данные, ранее неизвестные обстоятельства.

Конкретная цель эксперимента определяется его видом: проверка возможности восприятия каких-либо фактов и наступления какого-либо события (например, наезда или столкновения ТС).

Эксперимент должен осуществляться в условиях, максимально соответствующих тем, в которых произошло событие, воспроизводимое опытным путем. Несоблюдение этого правила расценивается как нарушение норм уголовно-процессуального закона, влекущее утрату доказательственного значения полученных данных [13].

Условия, обстановка, в которых производится эксперимент, должны быть сходны с теми, в которых протекало событие, совершались действия [27].

В случае, когда эксперимент связан с проверкой возможности совершения действий, восприятия фактов конкретным лицом (в силу индивидуальных особенностей организма, навыков и т. д.), указанное действие будет иметь достоверные результаты лишь в случаях, когда оно проводилось с участием определенного лица; целесообразно привлекать именно того субъекта, чьи способности проверяются.

Целью проверки показаний на месте является установление достоверности показаний посредством соотнесения их содержания с обстановкой конкретного помещения, характеристиками местности; проверка показаний заключается в том, что ранее допрошенное лицо воспроизводит на месте обстановку и обстоятельства исследуемого события; проверка должна фиксироваться с помощью технических средств (видеозапись, аудиозапись и / или киносъемка), что позволит получить полное представление об организации и ходе проверки показаний на месте, в том числе и в целях установления допустимости ее результатов [27].

Однако эти рекомендации, а по сути требования, на практике, к сожалению, выполняются далеко не всегда.

Так, по уголовному делу Баринова следователь, ссылаясь на требования только ему известного Указания ГСУ Московской области за № 14/2517 от 2 марта 2021 года, для установления общей видимости вручил двум статистам, которые шли навстречу стоявшему автомобилю, белый лист бумаги формата А4, в то время как был совершен попутный наезд на двух пешеходов, у которых в момент ДТП не было никакой белой бумаги. В эксперименте был задействован другой автомобиль той же модели, свет фар которого был значительно лучше отрегулирован, нежели у машины, участвующей в совершении наезда. Судом дело прекращено за примирением сторон.

По уголовному делу в отношении водителя Зуенок эксперимент проводился без ведома виновного лица и его защитника, с применением непонятного автомобиля при непонятной видимости, после чего эксперту-автотехнику были заданы параметры времени реакции водителя (светлое время суток), не соответствующие условиям ДТП (абсолютная темнота на неосвещенной дороге, закрытой кронами деревьев), что, безусловно, повлияло на выводы о виновности водителя в совершении попутного столкновения.

По делу водителя Аносова видимость была замерена инспектором ДПС в ходе проведения первичного осмотра места совершения наезда на двух пешеходов и заявлена как достоверная. Эксперимент на видимость и автотехническая экспертиза по его результатам не проводились, в основу вывода о виновности водителя было положено его признание в совершении наезда, этого оказалось достаточно для направления дела в суд.

По делу водителя Комарова следственный эксперимент был проведен также в отсутствие водителя и его адвоката, которому следователь заявил, что Комаров в момент совершения ДТП находился в нетрезвом состоянии, поэтому эксперимент с его участием проводить нецелесообраз-

но. Но если придерживаться этой логики, надо было, извините, напоить того статиста, который трезвым управлял автомобилем во время проведения столь сомнительного эксперимента по этому уголовному делу.

В особо непонятных случаях эксперименты проводятся даже с применением игрушечных автомобилей в кабинете следователя на большом листе белой бумаги или на территории УМВД.

По делу водителя Устинова следователь с участием заместителя начальника следственного управления, которому он «разьяснил его права, ответственность, а также порядок производства следственного эксперимента», в ночное время, в условиях пасмурной погоды, искусственного освещения (ДТП произошло днем) произвел осмотр светофорного объекта, но оформил это все почему-то протоколом следственного эксперимента.

Следователям специализированных отделов по расследованию ДТП хорошо известно, что Указание МВД РФ № 1/8273 от 23.12.2004 «О мерах по совершенствованию организации раскрытия и расследования ДТП» предусматривает следующие требования:

– при назначении САТЭ следственные эксперименты для определения видимости и скорости движения пешеходов не проводятся. Экспертам предоставляются данные, взятые из Таблицы «Скорости движения пешеходов по данным, полученным Ленинградской лабораторией НИЛСЭ» 1966 года, которые неточны и устарели. Все это приводит к тому, что эксперты вынуждены запрашивать дополнительные данные, что приводит к длительным срокам проведения экспертиз и предварительного следствия по делам о ДТП;

– принять меры к качественной подготовке и назначению автотехнических экспертиз путем обязательного проведения следственных экспериментов. Исключить случаи использования следователями таблиц Скорости движения пешеходов по данным Ленинградской НИЛСЭ (п. 2.9) [29].

Однако в августе 2022 года автор с удивлением узнал, что следователями, например ЦАО Москвы, эти таблицы используются как непогрешимые образцы и применяются довольно успешно даже сегодня, спустя почти шестьдесят лет.

В этой связи представляют несомненный профессиональный интерес доводы следователя по материалу «доследственной» проверки в отношении водителя Короташ: «Вы же знаете, что ваши заявления ни на что не влияют. В динамике я эксперимент не проведу, потому что в центре Москвы мне дорогу перекрывать никто не разрешит, а в статике нет смысла».

Вызывает вопросы и выполнение Указания МВД РФ № 17/3-1071 от 03.02.2005 «О некоторых вопросах применения указания МВД России №1/8273», в котором, в частности, говорится: «Требование п. 2.9 указания об обязательном проведении следственных экспериментов для определения общей и конкретной видимости, при наличии условий, ее ограничивающих, определении параметров торможения ТС, времени движения пешехода или ТС в опасной зоне относится только к случаям назначения САТЭ, на разрешение которых поставлены вопросы по определению технической возможности водителя не допустить совершения ДТП, в том числе избежать наезда на пешехода».

Другой пример серьезной следственной ошибки. 29 апреля 2020 года следствием УМВД в Домодедово за отсутствием состава преступления прекращено уголовное дело в отношении водителя Пономаренко, который в состоянии алкогольного и наркотического опьянения совершил наезд на пешехода со смертельным исходом и скрылся с места происшествия. Следователь не дал никакой оценки показаниям водителя о том, что наезд был совершен без применения торможения, в условиях сильного дождя, с неработающими стеклоочистителями в темное время суток на неосвещенной дороге; когда водитель отвлекся и увидел пешехода, «повернув голову на проезжую часть», «когда он обнаружил человека, расстояние было минимальным, он вывернул руль вправо и попытался объехать пешехода, но почувствовал, что проехал по его ногам».

При этом механизм образования, количество и локализация телесных повреждений полностью опровергали показания о переезде тела пешехода, однако обязательная в таких случаях комплексная комиссионная судебно-медицинская и транспортно-трасологическая (входит в понятие судебной автотехники) экспертиза не проводилась. Показания пассажира Сергеева и двух других пассажирок (зафиксированные дословно, как под копирку) о времени и расстоянии, которое проследовала и на котором остановилась машина, свидетельствовали о ее более чем значительной скорости, однако следователь и этого не посчитал, как и не выяснял вопрос о скорости движения (в постановлении, в показаниях всех четверых не пойми как допрошенных сведения о скорости отсутствовали). Эксперту-автотехнику были представлены исходные данные о видимости, полученные в ходе эксперимента на основании показаний виновного лица, после чего следователь, написав, что «при максималь-

но допустимой скорости по условиям видимости водитель не имел технической возможности…», пришел к выводу, что «в действиях водителя нарушений ПДД РФ, находившихся в прямой причинно-следственной связи с наступлением смерти Михайлова, не усматривается», и дело прекратил за отсутствием состава преступления, предусмотренного п. б ч. 4 ст. 264 УК РФ. Постановление о прекращении дела с простым перечислением доказательств и имевшихся противоречий при полном отсутствии какого-либо анализа свидетельствовало о его заведомой незаконности, которая объяснялась, судя по всему, вопиющей безграмотностью следователя, его начальника и надзирающего прокурора, как и адвоката, представлявшей интересы представителя потерпевшего, которая не сумела написать абсолютно ничего достоверного по существу настоящего дела.

Ни адвокат потерпевшего, ни следователь, ни прокурор, утвердивший это постановление о прекращении уголовного дела, просто не знали требований и разъяснений соответствующего методического пособия, в соответствии с которыми это дело подлежит безусловному направлению в суд для рассмотрения по существу [23].

И если в Домодедово эксперимент проводился с участием водителя Пономаренко, совершившего в нетрезвом состоянии наезд на пешехода, то в этот же период времени в Электростали следователь по такому же делу о наезде на препятствие провел эксперимент без участия и ведома виновного водителя Комарова, пояснив, что водитель был пьян, в связи с чем его показания объективно учитывать невозможно, потому что они в любом случае не могут являться достоверными.

В отличие от эксперимента проверка показаний на месте стала применяться на практике, хотя в свое время в законе закреплена не была, что вызвало ожесточенную научную полемику. Действующий Уголовно-процессуальный кодекс рассудил участников процессуального спора, официально легализовав проверку показаний на месте (ст. 194 УПК РФ).

Процессуальная форма проверки показаний на месте такова: показания проверяются или уточняются на месте, связанном с исследуемым событием; лицу предлагается воспроизвести обстановку и обстоятельства исследуемого события. Целью следственного эксперимента являются проверка и уточнение данных, имеющих значение для уголовного дела. Например, свидетель утверждает, что он слышал крик о помощи, в то время как место преступления было значительно удалено от места нахождения этого свидетеля, что вызывает сомнения в его показаниях. Снять сомнения возможно путем производства следственного эксперимента, смоделировав ситуацию и выбрав для этого то же место (свидетель должен находиться там, где был), тот же день недели, по возможности такие же погодные условия, что и в день совершения преступления. Очевидно, что полностью воссоздать обстановку не удастся, но создать условия, максимально близкие к тем, что были в момент события, необходимо [19].

В ст. 181 УПК РФ говорится о воспроизведении обстановки события. Если в процессе производства следственного эксперимента под видом воспроизведения обстоятельств осуществляется иное, не являющееся «воспроизведением» действие, нарушаются требования закона. Результаты такого следственного действия могут не иметь юридической силы, так как получены с нарушением ст. 181 УПК РФ.

Наиболее распространены следующие виды эксперимента. В ходе эксперимента по проверке возможности наступления и последовательности события проверяется возможность восприятия какого-либо события, явления в определенных условиях (по делам о ДТП часто проводится эксперимент для установления, мог ли водитель увидеть на определенном расстоянии какое-либо препятствие).

Эксперимент по проверке возможности восприятия должен проводиться в том же самом месте и обстановке, максимально приближенной к действительности. Например, эксперимент по проверке видимости необходимо проводить в то же время суток, при таком же освещении (естественном или искусственном).

Некоторые наиболее сложные виды эксперимента требуют воссоздания всей обстановки исследуемого события, например движения автомобиля или поезда с той же скоростью [25].

Для установления новых, проверки и уточнения известных из уст свидетеля уголовно-релевантных обстоятельств показания могут быть исследованы на месте; они связаны с исследуемым событием; ранее допрошенное лицо воспроизводит на месте обстановку и обстоятельства исследуемого события [24].

Такие же положения, руководящие разъяснения и требования содержатся в официальном издании прокуратуры Российской Федерации [17].

Там же приведена цитата о том, что «знание законов заключается не в том, чтобы помнить их слова, а в том, чтобы постигать их смысл». К сожалению, сторона обвинения, оправдывая сомнительные доказательства, по разным причинам

иногда не разбирается ни в смысле закона, ни в его разумных требованиях.

Так, следственный эксперимент – это процессуальное действие, производимое в специально созданных, строго определенных, контролируемых условиях, максимально приближенных к тем, в которых происходило проверяемое событие, совершались проверяемые действия; при производстве эксперимента проверяется (уточняется) возможность восприятия в конкретных условиях какого-либо факта, явления (например, видеть либо слышать на определенном расстоянии, из определенного места); возможность наступления какого-либо события и последовательность происшедших событий. Место, время, материальная обстановка и другие условия производства эксперимента могут не соответствовать тем, в которых происходило проверяемое событие либо совершались проверяемые действия лишь в случае, если подобные изменения не повлияют на результаты проводимого опыта.

Если по решению следователя понятые в эксперименте не участвуют, то применение технических средств фиксации хода и результатов этого следственного действия является обязательным.

Для оказания помощи в реконструкции проверяемого события (явления), организации и проведения опытных действий, оценки полученных результатов привлекается специалист [17, с. 442–443].

В комментарии к ст. 194 УПК РФ написано, что закон допускает совершение ранее допрошенным лицом следующих действий: воспроизводить на месте обстановку или обстоятельства, сходные с теми, которые имели место быть в ходе исследуемого события. Указано на необходимость подтвердить либо опровергнуть показания ранее допрошенного лица и устранить сомнения в их достоверности. Проверка показаний на месте допустима лишь при наличии показаний ранее допрошенного лица, достоверность которых вызывает сомнения ввиду наличия в них неточностей, пробелов, противоречий относительно обстоятельств подготовки, совершения и сокрытия расследуемого преступления [17, с. 475–476].

В соответствии с частью 2 статьи 194 УПК РФ проверка показаний на месте заключается в том, что ранее допрошенное лицо воспроизводит на месте обстановку и обстоятельства исследуемого события.

Содержанием проверки показаний на месте является воспроизведение обстановки и обстоятельств события, в результате которого могут быть получены новые доказательства. В протоколе в числе прочих сведений указывается, в каких условиях производилась проверка [8].

Цель проверки показаний – установление новых обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела; в ходе проверки показаний реализуется возможность конкретизировать механизм совершения преступления [20].

Проверка показаний на месте представляет собой комплексное следственное действие, сочетающее в себе элементы следственного осмотра и следственного эксперимента. При производстве следственного эксперимента, как и при проведении проверки показаний на месте, может быть воспроизведена обстановка, сходная с той обстановкой, какая была во время исследуемого события [18].

Таким образом, изложенные доводы научной и учебной литературы полностью подтверждают доводы стороны защиты о недопустимости самой проверки на месте показаний свидетеля обвинения и протокола этой проверки как доказательства по уголовному делу. Установление прямой видимости на месте совершения ДТП необходимо оформлять протоколом следственного эксперимента, а не проверки показаний свидетеля.

Если у следствия имеются некие сомнения в достоверности показаний очевидца, устранить эти сомнения в обстоятельствах, не соответствующих дорожному происшествию, просто невозможно.

Изучение причин судебных ошибок по уголовным делам, по которым отменялись или изменялись судебные приговоры, свидетельствует о том, что предпосылки судебных ошибок уже имелись в материалах предварительного расследования, однако судьи не смогли их обнаружить и без должного исследования всех имеющихся по уголовному делу доказательств выносили приговоры [21].

По уголовному делу в отношении водителя Зилова проверка на месте показаний свидетеля обвинения проводилась в апреле в дневное время при ясной солнечной погоде с использованием одного автомобиля, несмотря на то, что ДТП произошло в декабре в зимнее и ночное время на неосвещенном участке трассы в снежную погоду с участием другого автомобиля. Согласно имеющимся в деле указаниям руководителя контрольно-методического отдела ВСУ СК России по ЗВО, проверку показаний на месте необходимо было провести в условиях, приближенных к идентичным в момент совершения ДТП, с использованием аналогичных ТС. Однако эта проверка не была проведена в условиях, максимально приближен-

ных к идентичным, то есть соответствующих погодным и дорожным условиям происшествия. При этом следователь поместил в дело указания руководителя контрольно-методического отдела, а потом протокол проверки показаний на месте, не соответствующий этим указаниям. Изложенное свидетельствует как минимум о невнимательности следователя, его халатности и безразличии, проявленных при исполнении служебных обязанностей.

Очевидная цель, которую преследовал следователь, – это определение расстояния видимости, которая устанавливается следственным экспериментом, а не проверкой показаний ранее допрошенного лица. Таким образом, следователь и здесь проявил вопиющую процессуальную неграмотность, с которой, к сожалению, согласился суд первой инстанции, который пошел на поводу у прокурора, утвердившего весьма сомнительное обвинительное заключение с другими недопустимыми доказательствами. Письменные возражения гособвинителя по приведенному уголовному делу в этой части заключались в следующем: «Закон не содержит требования о проведении проверки показаний на месте в условиях, максимально приближенных к идентичным в момент совершения преступления. В свою очередь, указание должностного лица следственного органа следователю о ходе предварительного следствия не может рассматриваться при разрешении вопроса о допустимости доказательства, так как это не отвечало бы требованиям уголовно-процессуального закона».

Можно ли согласиться с таким шедевром военной обвинительной мысли? Наверное, нет, учитывая расстояние в 806 метров, установленное следователем со слов свидетеля в условиях, абсолютно не соответствующих обстоятельствам ДТП.

Таким образом был конкретизирован механизм совершения преступления, что нашло отражение в тексте предъявленного Зилову обвинения. Показания свидетеля Гурова, на основании которых эксперты-автотехники решали вопрос о наличии технической возможности у водителя автомобиля TOYOTA предотвратить ДТП, противоречат фактическим обстоятельствам (наличие заблокированных тормозных механизмов и нажатой педали тормоза, которые подтверждают, что водитель автомобиля «KIA» (Зилов) применил торможение; механизм образования осыпи стекла и пластмассы с учетом обстоятельств, способствующих одностороннему отбрасыванию осколков; траектория дороги в месте ДТП и её влияние на восприятие дорожной ситуации водителями). Показания единственного очевидца и свидетеля обвинения также опровергались и не соответствовали показаниям других свидетелей по настоящему делу.

Изложенные защитой обстоятельства проведения проверки показаний, безусловно, отразились на достоверности этого следственного действия и допустимости составленного протокола в качестве доказательства по делу.

Как утверждается в учебно-методической литературе, применение технических средств фиксации хода и результатов этого важного следственного действия является обязательным. Такая фиксация по настоящему делу осуществлялась не с помощью видеокамеры, а путем фотографирования, в связи с чем удостовериться в ходе проведения проверки показаний невозможно. Почему? Да потому, что имеющиеся 6 фотографий не имеют какого-либо доказательственного значения, так как совсем не отображают ход и результаты проверки этих судьбоносных показаний. Кроме того, столкновение ТС произошло между 412-м и 413-м километром автодороги на ровном участке проезжей части на некотором удалении от поворота налево, в то время как статист, согласно протоколу, находился непосредственно перед поворотом налево (фото 2), что свидетельствует о несоответствии показаний свидетеля обвинения обстоятельствам ДТП, зафиксированным в ходе осмотра места происшествия.

Итак, вместо проверки показаний на месте фактически проведен следственный эксперимент, который оформлен не тем протоколом; имеющиеся фотографии не отражают ход следственного действия, проведение которого в погодных и дорожных условиях, значительно отличающихся от условий, при которых произошло расследуемое дорожно-транспортное происшествие, является безусловным основанием для признания протокола этого сомнительного следственного действия недопустимым доказательством.

Невозможно опровергнуть довод защиты о недостоверности результатов, полученных в ходе проведения такого следственного действия.

Таким образом, в связи с тем, что полученные в результате проведения такой «проверки показаний» данные об определении расстояния видимости, не соответствующие объективным обстоятельствам столкновения транспортных средств, носят недостоверный характер, протокол проверки показаний на месте свидетеля обвинения следует признать недопустимым и исключить его из числа доказательств.

В связи с тем, что показания свидетеля обвинения о видимости, основанные на недопустимой

проверке его показаний, не могут быть положены в основу вывода о виновности подсудимого, руководствуясь требованиями ст. 288 УПК РФ, защитник подсудимого просил суд с целью проверки достоверности показаний указанного свидетеля провести следственный эксперимент, прежде всего в погодных (метеорологических) и дорожных условиях, соответствующих обстоятельствам совершенного ДТП.

Адвокат мотивированно утверждал, что доказательствами, свидетельствующими о месте столкновения транспортных средств по настоящему уголовному делу, являются как показания лиц, являвшихся непосредственными очевидцами происшедшего ДТП, так и иные сведения.

Показания свидетеля обвинения, данные как в судебном заседании, так и в процессе следствия, не соответствуют фактическим обстоятельствам дела и не могут быть положены в основу обвинения подсудимого по данному делу. Показания этого свидетеля обвинения заслуживают подобной оценки, поскольку при проведении их проверки он показал установленное следствием нереальное в условиях ДТП расстояние видимости, после чего и было сформулировано обвинение, не выдерживающее никакой критики.

Адвокат подсудимого заявлял, что в ходе подготовки к судебным прениям защитой были тщательно изучены процессуальные требования, предъявляемые к таким следственным действиям, как эксперимент и проверка показаний. В результате такого анализа был сделан вывод о том, что следственный эксперимент с участием свидетеля для получения прежде всего новых доказательств обвинения – расстояния видимости был умышленно проведен в дневное время, в ясную погоду, то есть в условиях, абсолютно не соответствующих погодным (метеорологическим) и дорожным условиям и обстоятельствам исследуемого ДТП, и также умышленно оформлен протоколом проверки показаний на месте, к которой на практике предъявляются несколько иные, упрощенные требования.

Если согласиться с названием следственного действия, которое провел следователь с участием заявленного свидетеля, необходимо отметить следующее. К обстановке и обстоятельствам исследуемого события (ч. 2 ст. 194 УПК РФ) относятся, в том числе, сопутствующие событию условия: время суток, погодные условия, освещенность и другие. То есть проверка показаний должна проводиться с максимальным соблюдением на месте производства следственного действия указанных условий, что сделано не было.

К сожалению, такая недопустимая проверка показаний, а по сути следственный эксперимент с целью установления прямой видимости, была принята судом первой инстанции (Приговор Рязанского гарнизонного военного суда № 1-2/2022 от 16 февраля 2022 года; Апелляционное постановление 2-го Западного окружного суда № 22А-204/2022 от 20 мая 2022 года; Кассационное определение Кассационного военного суда № 77-499/2022 от декабря 2022 года по уголовному делу в отношении водителя Зилова С.В.).

Однако судебная практика знает и другие примеры. Так, по делу водителя Б. отмечалось, что, положив в основу приговора протокол и заключение САТЭ, основанное на данных, полученных в результате дополнительного осмотра места происшествия, суд не дал оценки указанным доказательствам с точки зрения их допустимости, оставив без внимания ряд существенных, юридически значимых обстоятельств. Уголовно-процессуальный закон (ч. 2 ст. 176 УПК РФ) позволяет проводить осмотр места происшествия до возбуждения уголовного дела, однако следователем вне места ДТП фактически был проведен не осмотр места происшествия, а предусмотренный ст. 181 УПК РФ следственный эксперимент, что подтверждается составленным следователем протоколом, согласно которому в ходе данного следственного действия не обнаруживались и не фиксировались следы преступления, а была осуществлена проверка относящихся к делу данных путем воспроизведения действий, имевших отношение к дорожно-транспортному происшествию.

Согласно требованиям ст. 144, 164 и 181 УПК РФ такое следственное действие, как следственный эксперимент, следователь правомочен проводить только в рамках возбужденного уголовного дела; проведение эксперимента до возбуждения уголовного дела, как верно отметил осужденный в жалобе, недопустимо. Между тем в ходе расследования уголовного дела следователь не предпринял никаких мер по установлению значимых для правильного разрешения дела сведений (время движения пешехода в опасной зоне), безосновательно ограничившись данными, полученными на стадии доследственной проверки. Поскольку в основу заключения автотехнической экспертизы были положены результаты проведенного с существенным нарушением уголовно-процессуального закона следственного эксперимента, суд не вправе был ссылаться на данное экспертное заключение в обоснование вывода о виновности осужденного.

Вместе с тем выводы эксперта-автотехника относительно возможности (невозможности) с

технической точки зрения предотвращения водителем наезда на пешехода необходимы для правильного разрешения вопроса о виновности (невиновности) подсудимого.

Учитывая, что выявленные нарушения не могут быть устранены судом второй инстанции самостоятельно, то в соответствии с ч. 1 и 2 ст. 389.22 УПК РФ уголовное дело подлежит передаче на новое судебное разбирательство в тот же суд в ином составе.

При новом рассмотрении уголовного дела суду необходимо с соблюдением всех требований уголовно-процессуального закона, с учетом конституционного принципа осуществления судопроизводства на основе состязательности сторон, всесторонне, полно и объективно исследовать все обстоятельства дела, дать надлежащую оценку всем доказательствам, после чего принять по делу законное, обоснованное и справедливое решение (Апелляционное постановление Московского областного суда №22-3266/15 от 28 мая 2015 года).

Как видно из протокола судебного заседания, в ходе судебного следствия во дворе здания суда был проведен следственный эксперимент с участием одного человека – потерпевшей, результаты которого положены в обоснование приговора.

По смыслу ст. 181 УПК РФ следственный эксперимент проводится путем воспроизведения действий, а также обстановки или иных обстоятельств определенного события в целях проверки и уточнения данных, имеющих значение для уголовного дел. При этом проведение эксперимента предполагает создание условий и обстановки, максимально приближенных к тем, в которых протекали определенные действия или события, что необходимо для обеспечения достоверности его результатов. Из показаний эксперта в судебном заседании следует, что произведенные им расчеты зависят от представленных исходных данных, на которые могут влиять как обстоятельства движения потерпевших, так и их обувь.

Данным обстоятельствам суд оценки в приговоре не дал и фактически произвольно получил данные о скорости движения потерпевших, которые и положил в обоснование своих выводов. Судом отказано в удовлетворении заявленного представителем потерпевших ходатайства о проведении эксперимента с участием непосредственного свидетеля произошедших событий и с приближением условий проведения к более реальным, то есть о выяснении реальной скорости движения пешеходов в момент ДТП, в связи с возможностью, по мнению суда, оценки ранее проведенного по делу эксперимента.

При изложенных обстоятельствах Президиум пришел к выводу о допущенном судом первой инстанции существенном нарушении принципа состязательности и равенства сторон, поскольку сторона обвинения необоснованно был лишена судом возможности реализовать свое право на сбор и представление дополнительных доказательств, имеющих существенное значение для правильного разрешения дела, а также о существенном нарушении судом требований уголовно-процессуального закона при исследовании и оценке доказательств, повлиявших на правильность установленных судом обстоятельств дела. Указанные нарушения искажают саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия и являются основанием для отмены приговора в силу положений ст. 401.6 УПК РФ (Кассационное постановление Президиума Санкт-Петербургского городского суда № 44у-18/2016 от 16 марта 2016 года).

Список источников

1. Алексеев В.Б., Ароцкер Л.Е. и др. Настольная книга судьи (рассмотрение уголовных дел в суде первой инстанции). М., 1972. С. 178.
2. Ароцкер Л.Е. Следственный эксперимент в советской криминалистике: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Харьков, 1951.
3. Белкин Р.С. Эксперимент в следственной и экспертной практике. М., 1964.
4. Белкин Р.С., Белкин А.Р. Эксперимент в уголовном судопроизводстве. М., 1997.
5. Винберг А.И., Митричев С.П. Криминалистика. Ч. 1. М.: Госюриздат, 1950. С. 247, 251.
6. Власова С.В. Способы собирания доказательств по уголовным делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2009. С. 225.
7. Глазырин В.Ф., Крутиков А.П. Следственный эксперимент. Волгоград, 1981.
8. Гриненко А.В. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: постатейный научно-практический комментарий: учеб. пособ. М.: Проспект, 2017. С. 538.
9. Гуковская Н.И. Следственный эксперимент. М., 1958.
10. Егорова Е.В. О понятии и сущности следственного эксперимента // Вестник экономической безопасности. 2017. № 2. С. 244.
11. Еникеев М., Образцов В., Эминов В. Следственные действия: психология, тактика, технология: учеб. пособ. М., 2011.
12. Жижина М.В. Тактика судебного эксперимента в гражданском (арбитражном) судопроизводстве // Судья. 2014. № 5. С. 13, 15.
13. Загорский Г.И. Актуальные проблемы судебного разбирательства по уголовным делам: учеб.-практич. пособ. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2019. С. 116.

14. Ильин Н.Н. Транспортно-технические экспертизы: вопросы теории и практики: монография. М.: Юрлитинформ, 2020. С. 173–178, 183.

15. Колмаков В.П. Тактика производства следственного осмотра и следственного эксперимента. Харьков, 1956.

16. Колмаков В.П., Ароцкер Л.Е. Следственный эксперимент на предварительном следствии. Харьков, 1949.

17. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Изд. Университета прокуратуры РФ; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. О.С. Капинус; науч. ред. С.П. Щерба. М.: Проспект, 2020.

18. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под науч. ред. Г.И. Загорского. М.: Проспект, 2017. С. 692.

19. Курс уголовного процесса / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л.В. Головко; Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. 3-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2021. С. 708–710.

20. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева. 5-е изд., перераб и доп. М.: Юрайт, 2008. С. 581.

21. Научно-практическое пособие по применению УПК РФ / под ред. В.М. Лебедева. М., 2004. С. 528–530.

22. Суворов Ю.Б. Судебная дорожно-транспортная экспертиза. Судебно-экспертная оценка действий водителей и других лиц, ответственных за безопасность дорожного движения, на участках ДТП: учеб. пособ. М.: Экзамен: Право и закон, 2004. С. 91–109.

23. Судебная автотехническая экспертиза. Пособие для экспертов-автотехников, следователей и судей. Ч. 1. Назначение и производство судебной автотехнической экспертизы. М.: ВНИИСЭ, 1980. С. 131.

24. Уголовно-процессуальное право: учебник / под. ред. Л.В. Бертовского, В.Н. Махова. М.: Проспект, 2021. С. 300.

25. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. Л.Ю. Воскобитова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2020. С. 494–496.

26. Уголовный процесс: авторский курс: учеб. пособ. / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. М.: Эксмо, 2022. (Новая школа права).

27. Уголовный процесс: учебник / Издание Академии Следственного комитета Российской Федерации. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2021. С. 453–456.

28. Ярошик О.Д. Актуальные проблемы современного уголовного процесса. М.: Модерат, 2014. С. 37.

29. Ярошик О.Д. Проблемы обвинения и защиты по делам о ДТП в уголовном процессе. М.: Новая юстиция, 2007. С. 360–361.

30. Ярошик О.Д. Экспертная проверка и оценка обстоятельств ДТП и проблемы защиты его участников // Теория и практика судебной экспертизы. 2008. № 1(9). С. 48.

References

1. Alekseev V.B., Aroczker L.E. i dr. Nastol`naya kniga sud`i (rassmotrenie ugolovny`x del v sude pervoj instancii). M., 1972. S. 178.

2. Aroczker L.E. Sledstvenny`j e`ksperiment v sovetskoj kriminalistike: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. Xar`kov, 1951.

3. Belkin R.S. E`ksperiment v sledstvennoj i e`kspertnoj praktike. M., 1964.

4. Belkin R.S., Belkin A.R. E`ksperiment v ugolovnom sudoproizvodstve. M., 1997.

5. Vinberg A.I., Mitrichev S.P. Kriminalistika. Ch. 1. M.: Gosyurizdat, 1950. S. 247, 251.

6. Vlasova S.V. Sposoby` sobiraniya dokazatel`stv po ugolovny`m delam o prestupleniyax, svyazanny`x s narusheniem pravil dorozhnogo dvizheniya i e`kspluatacii transportny`x sredstv: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. N. Novgorod, 2009. S. 225.

7. Glazy`rin V.F., Krutikov A.P. Sledstvenny`j e`ksperiment. Volgograd, 1981.

8. Grinenko A.V. Ugolovno-processual`ny`j kodeks Rossijskoj Federacii: postatejny`j nauchno-prakticheskij kommentarij: ucheb. posob. M.: Prospekt, 2017. S. 538.

9. Gukovskaya N.I. Sledstvenny`j e`ksperiment. M., 1958.

10. Egorova E.V. O ponyatii i sushhnosti sledstvennogo e`ksperimenta // Vestnik e`konomicheskoj bezopasnosti. 2017. № 2. S. 244.

11. Enikeev M., Obrazczov V., E`minov V. Sledstvenny`e dejstviya: psixologiya, taktika, texnologiya: ucheb. posob. M., 2011.

12. Zhizhina M.V. Taktika sudebnogo e`ksperimenta v grazhdanskom (arbitrazhnom) sudoproizvodstve // Sud`ya. 2014. № 5. S. 13, 15.

13. Zagorskij G.I. Aktual`ny`e problemy` sudebnogo razbiratel`stva po ugolovny`m delam: ucheb.-praktich. posob. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Prospekt, 2019. S. 116.

14. Il`in N.N. Transportno-texnicheskie e`kspertizy`: voprosy` teorii i praktiki: monografiya. M.: Yurlitinform, 2020. S. 173–178, 183.

15. Kolmakov V.P. Taktika proizvodstva sledstvennogo osmotra i sledstvennogo e`ksperimenta. Xar`kov, 1956.

16. Kolmakov V.P., Aroczker L.E. Sledstvenny`j e`ksperiment na predvaritel`nom sledstvii. Xar`kov, 1949.

17. Kommentarij k Ugolovno-processual`nomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejny`j) / Izd. Universiteta prokuratury` RF; pod obshh. red. d-ra yurid. nauk, prof. O.S. Kapinus; nauch. red. S.P. Shherba. M.: Prospekt, 2020.

18. Kommentarij k Ugolovno-processual`nomu kodeksu Rossijskoj Federacii / pod nauch. red. G.I. Zagorskogo. M.: Prospekt, 2017. S. 692.

19. Kurs ugolovnogo processa / pod red. d-ra yurid. nauk, prof. L.V. Golovko; Moskovskij gos. un-t im. M.V. Lomonosova. 3-e izd., ispr. i dop. M.: Statut, 2021. S. 708–710.

20. Nauchno-prakticheskij kommentarij k Ugolovno-processual`nomu kodeksu Rossijskoj Federacii / pod obshh. red. V.M. Lebedeva. 5-e izd., pererab i dop. M.: Yurajt, 2008. S. 581.

21. Nauchno-prakticheskoe posobie po primeneniyu UPK RF / pod red. V.M. Lebedeva. M., 2004. S. 528–530.

22. Suvorov Yu.B. Sudebnaya dorozhno-transportnaya e`kspertiza. Sudebno-e`kspertnaya ocenka dejstvij voditelej i drugix licz, otvetstvenny`x za bezopasnost` dorozhnogo dvizheniya, na uchastkax DTP: ucheb. posob. M.: E`kzamen: Pravo i zakon, 2004. S. 91–109.

23. Sudebnaya avtotexnicheskaya e`kspertiza. Posobie dlya e`kspertov-avtotexnikov, sledovatelej i sudej. Ch. 1.

Naznachenie i proizvodstvo sudebnoj avtotexnicheskoj e`kspertizy`. M.: VNIISE`, 1980. S. 131.

24. Ugolovno-processual`noe pravo: uchebnik / pod. red. L.V. Bertovskogo, V.N. Maxova. M.: Prospekt, 2021. S. 300.

25. Ugolovno-processual`noe pravo Rossijskoj Federacii: uchebnik / otv. red. P.A. Lupinskaya. L.Yu. Voskobitova. 4-e izd., pererab. i dop. M.: Norma, 2020. S. 494–496.

26. Ugolovny`j process: avtorskij kurs: ucheb. posob. / A.V. Smirnov, K.B. Kalinovskij. M.: E`ksmo, 2022. (Novaya shkola prava).

27. Ugolovny`j process: uchebnik / Izdanie Akademii Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii. M.: YuNITI-DANA, 2021. S. 453–456.

28. Yaroshik O.D. Aktual`ny`e problemy` sovremennogo ugolovnogo processa. M.: Moderat, 2014. S. 37.

29. Yaroshik O.D. Problemy` obvineniya i zashhity` po delam o DTP v ugolovnom processe. M.: Novaya yusticiya, 2007. S. 360–361.

30. Yaroshik O.D. E`kspertnaya proverka i ocenka obstoyatel`stv DTP i problemy` zashhity` ego uchastnikov // Teoriya i praktika sudebnoj e`kspertizy`. 2008. № 1(9). S. 48.

Статья поступила в редакцию 26.02.2023; одобрена после рецензирования 05.03.2023; принята к публикации 05.03.2023.

The article was submitted 26.02.2023; approved after reviewing 05.03.2023; accepted for publication 05.03.2023.

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Мы рады представить вашему вниманию
ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

Деятельность нашего института направлена на разработку актуальных проблем юридической науки в евразийском правовом пространстве. Институт проводит фундаментальные и прикладные исследования в области государственно-правовых наук, международного права, адвокатуры и нотариата, социологии права, политологии, интерэкоправа, изучает закономерности правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности, разрабатывает на этой основе практические рекомендации, принимает участие в разработке законопроектов, содействует повышению профессионального уровня юристов, организует и участвует в проведении научных мероприятий, оказывает консультационные услуги в области права, а также редакционно-издательские услуги.

Приглашаем вас к сотрудничеству!

Контактная информация
Website: www.eurasniipp.ru E-mail: info@eurasniipp.ru WhatsApp: +7-917-40-61-340

Евразийская адвокатура. 2023. № 3 (62). С. 43.
Eurasian advocacy. 2023;(3(62)):43.

Актуальные проблемы адвокатской практики

Научная статья
УДК 347.965.45
doi 10.52068/2304-9839_2023_62_3_43

ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЗАЩИТЫ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

РОЩИН Дмитрий Николаевич
Аспирант Российской академии адвокатуры и нотариата, адвокат
123056, г. Москва, ул. Зоологическая, д. 30, стр. 2, помещ. 3, Российская Федерация

Аннотация: В статье автор анализирует тенденции привлечения к уголовной ответственности по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности, излагает проблемы осуществления защиты адвокатами по данной категории дел, после чего предлагает пути решения возникающих сложностей, а также совершенствования законодательного регулирования.

Ключевые слова: защита по уголовному делу, адвокатская деятельность, защита бизнесменов, предпринимательская деятельность, заключение под стражу, адвокатский запрос

Для цитирования: Рощин Д.Н. Проблемы осуществления защиты по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности // Евразийская адвокатура. 2023. № 3(62). С. 43. https:// doi.org/10.52068/2304-9839_2023_62_3_43

Actual problems of advocacy practice

Original article

PROBLEMS OF PROTECTION IN CRIMINAL CASES OF CRIMES IN THE FIELD OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY

ROSHCHIN Dmitry Nikolaevich
Postgraduate student of the Russian Academy of Advocacy and Notary, advoacte
123056, Moscow, Zoologicheskaya str., 30, p. 2, room. 3, Russian Federation

Abstract: In the article, the author analyzes the trends of bringing to criminal responsibility in criminal cases of crimes in the field of entrepreneurial activity, outlines the problems of defense by lawyers in this category of cases, after which ways to solve the difficulties that arise are proposed, ways to improve legislative regulation are proposed.

Keywords: criminal defense, advocacy, protection of businessmen, entrepreneurial activity, detention, lawyer's request

For citation: Roshchin D.N. Problems of protection in criminal cases of crimes in the field of entrepreneurial activity = Eurasian advocacy. 2023;3(62):43. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2023_62_3_43

В последнее время в России отмечается ухудшение экономической ситуации. И причинами этого наряду с политической ситуацией являются недобросовестные действия участников финансово-хозяйственных отношений. Совершенствование качества правового регулирования отношений, складывающихся в связи с осуществлением предпринимательской деятельности, является весьма актуальной проблемой. Немаловажное значение имеет и государственная уголовно-правовая политика в данной сфере, установление уголовной ответственности за наиболее опасные посягательства на собственность и порядок осуществления предпринимательской деятельности. Стоит отметить, что преступления в сфере предпринимательской деятельности посягают на важные сферы общественной жизни. Их следствием является недобросовестная конкуренция, возникновение теневых секторов экономики, что в конечном счете обусловливает экономическую нестабильность, нарушение нормальных рыночных механизмов и последующее банкротство добросовестных участников хозяйственного оборота, монополизацию секторов экономики, рост цен, утрату рабочих мест. Однако к уголовно-правовому регулированию предпринимательской дея-

© Рощин Д.Н., 2023

тельности необходимо подходить весьма аккуратно, поскольку необоснованная криминализация нормальной предпринимательской деятельности негативно влияет на инвестиционный климат в стране, на предпринимательскую активность населения, на благосостояние общества. Недостаточный контроль за деятельностью правоохранительных органов в данной области приводит к тому, что основным мотивом привлечения предпринимателей к уголовной ответственности становится не пресечение общественно опасных деяний, а отъем собственности, передел рынка [17].

До настоящего времени достаточно распространены ситуации, когда участники хозяйственных правоотношений решают свои гражданско-правовые и корпоративные споры уголовно-правовыми формами воздействия друг на друга. В результате безосновательного вовлечения в гражданско-правовые отношения правоохранительных органов происходит криминализация обычной хозяйственной деятельности участников гражданского оборота. Экспертами отмечается увеличение так называемых «заказных» уголовных дел [9].

Вышеуказанную негативную тенденцию неоднократно отмечал Президент Российской Федерации в своих докладах [18, 19]. Обращали внимание на излишнюю криминализацию предпринимательской деятельности и представители научного сообщества [8, 11], а также практикующие юристы. Не остаются без внимания проблемы уголовного преследования предпринимателей и в докладах Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей [20].

Анализ статистических данных по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности позволяет прийти к выводу о наличии весьма негативной тенденции.

Так, по данным Главного информационно-аналитического центра Министерства внутренних дел Российской Федерации, за 2022 год было зарегистрировано 111,4 тысяч преступлений экономической направленности, из которых 39,4 % составили преступления в сфере предпринимательской деятельности (глава 22 Уголовного кодекса РФ), то есть 43,8 тысяч уголовных дел данной категории [21].

При этом, согласно представленным статистическим сведениям Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2022 году на рассмотрение в российские суды поступило 13,3 тысяч дел о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности, содержащихся в гл. 22 УК РФ (статьи 169–200.6 УК РФ), из которых лишь 8,7 тысяч уголовных дел закончилось вынесением обвинительного приговора, по 55 уголовным делам подсудимые были оправданы [22].

Приведенные выше статистические данные за 2022 год свидетельствуют о том, что лишь треть возбужденных уголовных дел в сфере предпринимательской деятельности доходит до судебного разбирательства и только по каждому пятому из них выносится обвинительный приговор.

Это при том, что, как было отмечено Уполномоченным при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, возбуждение уголовного дела в отношении предпринимателей чаще всего приводит к разорению бизнеса, а для страны и ее граждан – к потере рабочих мест. И даже если предприниматель в конечном счете докажет, что невиновен, никто не вернет ему потерянный бизнес, производственные мощности, а также утраченный персонал [23].

Как отмечают практикующие юристы, уголовное производство зачастую ведется со значительными нарушениями установленных законом процессуальных сроков, и предпринимательские преступления тут не являются исключениями. В результате попавшие в поле зрения правоохранительных органов предприниматели длительное время находятся в ситуации неопределённости, вызванной возможностью привлечения их к уголовной ответственности, что негативно влияет на экономические результаты бизнеса, нарушает деловые процессы, эмоциональный настрой в трудовом коллективе, приводит к оттоку клиентов.

Именно поэтому создание условий для эффективной защиты по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности является весьма актуальной проблемой современного российского правопорядка.

Практикующие адвокаты отмечают, что зачастую при осуществлении следственных действий в отношении предпринимателей сотрудники оперативных органов еще до прибытия защитника проводят с предпринимателями так называемые «разъяснительные беседы», в ходе которых они устанавливают круг подозреваемых по уголовному делу, а также выясняют необходимые для расследования дела сведения. При этом к предпринимателям зачастую применяются недопустимые способы воздействия, такие как запугивание, дача необоснованных обещаний об освобождении от уголовной ответственности в случае признания вины, умышленное введение в заблуждение относительно фактических обстоя-

тельств уголовного дела. Несмотря на наличие в законе положений, предусматривающих обеспечение подозреваемому до начала допроса свидания с защитником наедине и конфиденциально продолжительностью не менее двух часов, в правоприменительной практике должностные лица органов предварительного расследования часто пренебрегают данным правом подозреваемого, ограничивают время конфиденциального общения с защитником, не создают необходимые для этого условия [16].

При этом в юридических публикациях отмечаются процессуальные сложности доказывания того, что свидание подзащитного с защитником было ограничено относительно необходимой продолжительности, поскольку в законе прямо не указано, в какой форме должно быть сделано уведомление в адрес следователя о недостаточности времени свидания с защитником – в письменной или устной, а также должно ли решение об ограничении свидания с защитником оформляться следователем в виде постановления [12].

Также возникают сложности при применении на практике законодательства, направленного на минимизацию применения в отношении предпринимателей меры пресечения в виде заключения под стражу.

Так, еще в конце 2009 года в статью 108 УПК РФ законом, направленным на декриминализацию сферы налоговых правоотношений, была внесена часть 1.1, которая установила запрет на применение заключения под стражу в качестве меры пресечения в отношении подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений, связанных с неуплатой налогов и сборов, предусмотренных статьями 198–199.2 УК РФ, за исключением исчерпывающего количества случаев, перечисленных в пунктах 1–4 части 1 статьи 108 УПК РФ [24].

После чего в часть 1.1 статьи 108 УПК РФ пять раз вносились изменения, и в последней редакции данной нормы закона [25] законодатель существенно дополнил перечень статей Уголовного кодекса Российской Федерации, к которым по общему правилу применяется запрет на применение заключения под стражу, установив две группы таких случаев.

Первая группа случаев связана с предъявлением обвинения по статьям 159 (части первая–четвертая), 159.1–159.3, 159.5, 159.6, 160, 165 и 201 УК РФ, однако с оговоркой, что это касается лишь случаев, когда указанные преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности. Иными словами, законодатель выделил из «общеуголовных» преступлений случаи, когда преступные деяния носят предпринимательский характер, для которых не может по общему правилу применяться мера пресечения в виде заключения под стражу.

Вторая группа случаев связана с предъявлением обвинения по изначально признаваемым законодателем «предпринимательским статьям», к которым законодатель отнес части 5–7 статьи 159, все части статей 171, 171.1, 171.3–172.2, 173.1–174.1, 176–178, 180, 181, 183, 185–185.4 и 190–199.4 УК РФ. Предполагается, что перечисленные преступления не могут быть совершены в отрыве от предпринимательской деятельности, и, следовательно, к ним безусловно применяются ограничения на применение меры пресечения в виде заключения под стражу.

Между тем используемый в части 1.1 статьи 108 УПК РФ механизм минимизации применения заключения под стражу по предпринимательским преступлениям не вызвал одобрения у членов научного сообщества [1, 3, 15]. Бизнес-сообществом в целом данные положения закона также не были восприняты как существенное послабление, поскольку на практике оговорка о том, что преступления должны быть совершены «в сфере предпринимательской деятельности», достаточно вольно трактуется в процессе правоприменения [23].

Суды чаще всего разделяют позицию следствия о том, что факт предпринимательской деятельности является лишь прикрытием для совершения преступления, которое фактически не связано с хозяйственной деятельностью подозреваемого или обвиняемого, и не усматривают предпринимательский характер преступления [26]. Встречается еще более вольная формулировка в судебных решениях, когда судьи при избрании заключения под стражу предпринимателям приходят к выводу о том, что оценка тому обстоятельству, совершено ли деяние непосредственно в сфере предпринимательской деятельности или нет, может быть дана судом только по итогам рассмотрения уголовного дела по существу, то есть после исследования в судебном заседании имеющихся по уголовному делу доказательств и вынесения итогового решения [27].

Признав «непредпринимательский характер» преступления, судьи мотивируют свои постановления об избрании предпринимателям меры заключения под стражу исключительно результатами оперативно-розыскной деятельности и утверждениями следствия, указывающими на то, что подозреваемый или обвиняемый имеет намерения скрыться от следствия или суда, воспре-

пятствовать производству по уголовному делу, а также продолжить заниматься преступной деятельностью. При этом каких-либо конкретных данных, указывающих на данные намерения подозреваемого или обвиняемого, у органа следствия, как правило, не имеется, и выводы судов о необходимости применения заключения под стражу делаются исключительно на основе того, что указанные события могут произойти [13].

Другим распространенным способом обхода положения о недопустимости применения к предпринимателям меры пресечения в виде заключения под стражу в сложившейся практике правоохранительных органов, в том числе и по прямо признанным законодателем «предпринимательским статьям», является необоснованное возбуждение уголовного дела или предъявление обвинения предпринимателям по иным общеуголовным статьям закона, в том числе абсолютно не мотивированного [2]. Наиболее распространенной тут является статья 210 УК РФ, и это несмотря на то, что в примечании к данной статье содержится безусловный запрет на возбуждение подобных дел в отношении участников бизнеса, который изначально не создавался для совершения преступлений. Тем не менее на практике обвинение по статье 210 УК РФ зачастую предъявляется предпринимателям с целью применения к ним более строгой меры пресечения, и это несмотря на отсутствие судебных перспектив вынесения обвинительного приговора [14].

Практикующие юристы отмечают, что применяемые к предпринимателям сроки заключения под стражу на период предварительного следствия и судебного разбирательства являются чрезмерно продолжительными, выходящими за грани разумных сроков уголовного судопроизводства. В результате заключение под стражу зачастую используется сотрудниками правоохранительных органов для давления на предпринимателей с целью вынуждения их признать свою вину, дать необходимые следствию показания в обмен на более мягкую меру пресечения, а также для сокращения возможностей для предпринимателя осуществлять свою эффективную защиту [5].

При этом обычно заявляемые стороной защиты ходатайства о применении более мягких мер пресечения, таких как домашний арест, запрет определенных действий и залог, отклоняются судами. До сих пор наиболее популярной мерой пресечения в российских судах, в том числе и по предпринимательским преступлениям, является заключение под стражу.

Так, согласно сведениям Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2022 году судами было удовлетворено 538 ходатайств об избрании меры пресечения подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ), при этом лишь 73 раза к задержанным был применен домашний арест (14 % дел), 15 раз (3 % дел) был применен запрет определенных действий, и ни разу не был применен в качестве меры пресечения залог (0 % дел). Из этого можно сделать вывод о том, что в оставшихся 84 % случаях подозреваемым и обвиняемым предпринимателям по предпринимательским преступлениям была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу [22].

При этом последующий судебный контроль пересмотра судебных постановлений не является действенным способом надзора за принимаемыми решениями по мерам пресечения, поскольку чаще всего суды апелляционных инстанций дублируют в своих судебных актах выводы нижестоящих инстанций без их дополнительной проверки.

Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2022 году в апелляционном порядке по жалобам и прокурорским представлениям осуществлялась проверка правильности вынесения 30,4 тыс. постановлений районных судов по ходатайствам следствия об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. По результатам рассмотрения указанных жалоб судами апелляционной инстанций было отменено лишь 922 судебных постановления районных судов, внесены изменения в 1,9 тыс. судебных постановлений. Таким образом, можно сделать вывод о том, что более 91 % апелляционных жалоб и представлений на меру пресечения в виде заключения под стражу отклоняются судами апелляционных инстанций [22].

Как итог, представители российского предпринимательского сектора пришли к выводу, что специально предусмотренные частью 1.1 статьи 108 УПК РФ положения об ограничении применения меры пресечения в виде заключения под стражу по «предпринимательским преступлениям» не принесли ожидаемых результатов по формированию благоприятного делового климата в стране, не дали дополнительных гарантий защиты предпринимателей от излишнего уголовного преследования [28].

Весьма актуальной остается проблема изъятия в рамках следственных действий оригиналов документов, связанных с предпринимательской

деятельностью, к примеру правоустанавливающих документов, договоров с контрагентами, государственных контрактов, а также электронных носителей информации. Из-за большого количества изымаемых документов и ограниченности времени в рамках проводимых следственных действий зачастую предпринимателям не предоставляется технической возможности реализации своего предусмотренного частью 3 статьи 81.1 УПК РФ права снять за свой счет копии всех изымаемых у них документов.

Что касается электронных носителей информации, то зачастую при их изъятии предпринимателям не удается скопировать с них информацию по причине того, что сотрудниками следственных органов используется «лазейка» в законодательстве, установленная пунктом 3 части 1 статьи 164.1 УК РФ, позволяющая отказать в копировании изымаемой информации на основании того, что данная информация может быть использована для совершения новых преступлений, а также по причине того, что копирование изымаемой информации может повлечь за собой ее утрату или изменение [7].

Кроме того, несмотря на наличие в законе декларативного принципа, установленного статьей 15 УПК РФ, о том, что уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон, фактически российское уголовное судопроизводство, особенно на стадии предварительного следствия, таким свойством не обладает.

Как установлено в статье 86 УПК РФ, среди субъектов, которым предоставлено право собирать доказательства в рамках уголовного дела, наряду со следствием указывается и защитник. Однако при системном толковании иных положений уголовно-процессуального законодательства с применением высказанных Конституционным Судом Российской Федерации правовых позиций, изложенных в некоторых его постановлениях [29], можно сделать вывод о том, что у защитника имеются существенные сложности в реализации данного права [6].

Законом предусмотрено лишь два эффективных инструмента сбора адвокатом доказательств по уголовному делу на стадиях доследственной проверки и предварительного расследования – это предусмотренное частью 1 статьи 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» право адвоката-защитника направить адвокатский запрос о предоставлении справок, характеристик и иных документов, необходимых для оказания квалифицированной юридической помощи его доверителю, а также закрепленное в части 3 статьи 86 УК РФ и части 3 статьи 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» право адвоката проводить опрос лица с его согласия.

При этом собранные адвокатом предметы и письменные документы, а также результаты опроса лиц с их согласия имеют возможность получить статус доказательств по уголовному делу исключительно через механизм заявленных следователю ходатайств и проведение последним ряда следственных и иных процессуальных действий, направленных на их фиксацию в качестве таковых. К примеру, следователь может допросить в качестве свидетеля лицо, которое ранее было опрошено адвокатом. Однако, как показывает адвокатская практика, зачастую следствие не вдается в оценку адвокатских опросов, отказывая в их приобщении к материалам уголовного дела по причине достаточности собранных по делу доказательств.

Еще одним кажущимся эффективным инструментом сбора доказательств стороной защиты является предусмотренное пунктом 3 части 1 статьи 53 УПК РФ право адвоката-защитника привлечь специалиста для использования его специальных познаний.

Однако на практике возникают сложности с признанием полученного стороной защиты заключения специалиста надлежащим доказательством по уголовному делу, с допросом привлеченного защитником специалиста в суде, а также с возможностью подвергнуть критической оценке выводы судебной экспертизы с помощью заключения специалиста, поскольку суды не признают их равного доказательственного значения [4].

Представляется, что доказательственный статус полученного стороной защиты в уголовном деле заключения специалиста должен быть прямо закреплен законодательно. В законодательство должны быть внесены положения не только об обязательном приобщении полученного стороной защиты заключения специалиста к материалам уголовного дела, но и об обязательной оценке его наравне с экспертным исследованием [10].

Предлагается на законодательном уровне пересмотреть действующий механизм сбора стороной защиты доказательств на стадии предварительного расследования, предоставив защитнику-адвокату эффективные механизмы сбора и предоставления доказательств наравне со следствием, что особенно актуально по уголовным делам в сфере предпринимательской деятельности.

Также следует согласиться с утверждением некоторых авторов о том, что настала необходи-

мость полного изъятия из уголовно-процессуального законодательства механизма избрания меры пресечения в виде заключения под стражу по «ненасильственным» преступлениям, с оставлением возможности применения указанной меры пресечения по указанным преступлениям лишь в исключительных, строго определенных случаях (отсутствие места жительства у подозреваемого или обвиняемого, неустановление его личности, нарушение им ранее избранной меры пресечения, доказанное сокрытие подозреваемого или обвиняемого от органов следствия) [12].

Список источников

1. Гладышева О.В. Правила уголовного судопроизводства в отношении предпринимателей: проблемы и пути их решения // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2018. Т. 28. Вып. 1. С. 103.
2. Гриненко А.В., Иванов Д.А. Совершенствование мер процессуального принуждения в российском уголовном судопроизводстве // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 2. С. 94.
3. Гриненко А.В. Система принципов создает общий фон стабильности и ориентиры для формулирования конкретных уголовно-процессуальных норм, а затем и для их реализации // Адвокатская практика. 2021. № 2. С. 3–9.
4. Давлетов А.А., Чарыков А.В. Верховный Суд РФ «сворачивает» право адвоката-защитника привлекать специалиста в судебное следствие? // Российский судья. 2022. № 1. С. 60–64.
5. Диков Г. Право на освобождение обвиняемого под залог (в свете практики ЕСПЧ) // Адвокатская практика. 2009. № 3. С. 29–36.
6. Калюжный А.Н. Трансформация форм адвокатского расследования в уголовном процессе: проблемы правовой конструкции и практики реализации // Адвокатская практика. 2017. № 2. С. 44–49.
7. Клевцов К.К. Некоторые аспекты уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2021. № 1. С. 109–100.
8. Колоколов Н.А. Вот тебе, предприниматель, и амнистия, вот тебе и «Юрьев день» // Российский судья. 2014. № 2. С. 32–34.
9. Кондрашев А.А. Проблемы реализации принципа независимости судей в России: от теории к правоприменительной практике // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 8. С. 181–187.
10. Овсянников И.В. Дискуссиям о заключении специалиста 10 лет // Законность. 2015. № 2. С. 48–51.
11. Поляков С.Б. Условия российской правовой системы для заказных уголовных дел // Адвокат. 2009. № 5. С. 68–78.
12. Приходько И.А., Бондаренко А.В., Столяренко В.М. Уголовное преследование как средство разрешения экономического спора: что не так в Уголовном и Уголовно-процессуальном кодексах. М.: Международные отношения, 2021. С. 385–386, 407.
13. Русман Г.С. К вопросу об основаниях избрания меры пресечения в виде заключения под стражу // Вестник ЮУрГУ. 2007. № 18. С. 61–64.
14. Семенова П.К. Коммерческая организация – преступное сообщество или нет? Бизнес вывели из-под статьи об организации преступного сообщества // Вопросы российской юстиции. 2020. № 8. С. 459–465.
15. Семченко С.С. Актуальные проблемы по делам о преступлениях в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 4–2 (56). С. 203.
16. Хвенько Т.И. Право защитника на свидание как обязательное условие для формирования эффективной позиции защиты в ходе предварительного расследования // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 10. С. 135–143.
17. Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере / под ред. В.И. Радченко, Е.В. Новикова, А.Г. Федотова. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2010. С. 10–13.
18. Послание Президента Федеральному Собранию. Президент России [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/70565.
19. Расширенное заседание коллегии МВД. Президент России [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/70744.
20. Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей. Доклад Президенту РФ [Электронный ресурс]. URL: http://doklad.ombudsmanbiz.ru/doklad_2021.html.
21. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2022 года [Электронный ресурс]. URL: https://мвд.рф/reports/item/35396677.
22. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2022 год [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7645.
23. Доклад «Уголовное преследование по экономическим делам – 2017» [Электронный ресурс]. URL: https://www.president-sovet.ru/files/0b/01/0b01309bf35c74e445f463a329ab61e2.pdf?ysclid=lh8171fh7j299891043.
24. Федеральный закон от 29 декабря 2009 года № 383-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
25. Федеральный закон от 02 августа 2019 года № 315-ФЗ «О внесении изменений в статьи 108 и 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
26. Апелляционное постановление Московского городского суда от 30 мая 2018 года по делу № 10-9382/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
27. Апелляционное постановление Московского городского суда от 23 мая 2022 года по делу № 10-5360/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
28. Доклад Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей в 2017 году «Бизнес под уголовным прессом» [Электронный ресурс]. URL: http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2017/pdf/4.pdf.

29. Определение Конституционного Суда РФ от 04 апреля 2006 года № 100-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

References

1. Glady`sheva O.V. Pravila ugolovnogo sudoproizvodstva v otnoshenii predprinimatelej: problemy` i puti ix resheniya // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: E`konomika i pravo. 2018. T. 28. Vy`p. 1. S. 103.

2. Grinenko A.V., Ivanov D.A. Sovershenstvovanie mer processual`nogo prinuzhdeniya v rossijskom ugolovnom sudoproizvodstve // Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2019. № 2. S. 94.

3. Grinenko A.V. Sistema principov sozdaet obshhij fon stabil`nosti i orientiry` dlya formulirovaniya konkretny`x ugolovno-processual`ny`x norm, a zatem i dlya ix realizacii // Advokatskaya praktika. 2021. № 2. S. 3–9.

4. Davletov A.A., Chary`kov A.V. Verxovny`j Sud RF «svorachivaet» pravo advokata-zashhitnika privlekat` specialista v sudebnoe sledstvie? // Rossijskij sud`ya. 2022. № 1. S. 60–64.

5. Dikov G. Pravo na osvobozhdenie obvinyaemogo pod zalog (v svete praktiki ESPCh) // Advokatskaya praktika. 2009. № 3. S. 29–36.

6. Kalyuzhny`j A.N. Transformaciya form advokatskogo rassledovaniya v ugolovnom processe: problemy` pravovoj konstrukcii i praktiki realizacii // Advokatskaya praktika. 2017. № 2. S. 44–49.

7. Klevczov K.K. Nekotory`e aspekty` ugolovnogo presledovaniya po delam o prestupleniyax v sfere predprinimatel`skoj deyatel`nosti // Rassledovanie prestuplenij: problemy` i puti ix resheniya. 2021. № 1. S. 109–100.

8. Kolokolov N.A. Vot tebe, predprinimatel`, i amnistiya, vot tebe i «Yur`ev den`» // Rossijskij sud`ya. 2014. № 2. S. 32–34.

9. Kondrashev A.A. Problemy` realizacii principa nezavisimosti sudej v Rossii: ot teorii k pravoprimenitel`noj praktike // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2015. № 8. S. 181–187.

10. Ovsyannikov I.V. Diskussiyam o zaklyuchenii specialista 10 let // Zakonnost`. 2015. № 2. S. 48–51.

11. Polyakov S.B. Usloviya rossijskoj pravovoj sistemy` dlya zakazny`x ugolovny`x del // Advokat. 2009. № 5. S. 68–78.

12. Prixod`ko I.A., Bondarenko A.V., Stolyarenko V.M. Ugolovnoe presledovanie kak sredstvo razresheniya e`konomicheskogo spora: chto ne tak v Ugolovnom i Ugolovno-processual`nom kodeksax. M.: Mezhdunarodny`e otnosheniya, 2021. S. 385–386, 407.

13. Rusman G.S. K voprosu ob osnovaniyax izbraniya mery` presecheniya v vide zaklyucheniya pod strazhu // Vestnik YuUrGU. 2007. № 18. S. 61–64.

14. Semenova P.K. Kommercheskaya organizaciya – prestupnoe soobshhestvo ili net? Biznes vy`veli iz-pod stat`i ob organizacii prestupnogo soobshhestva // Voprosy` rossijskoj yusticii. 2020. № 8. S. 459–465.

15. Semchenko S.S. Aktual`ny`e problemy` po delam o prestupleniyax v sfere predprinimatel`skoj i inoj e`konomicheskoj deyatel`nosti // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 4–2 (56). S. 203.

16. Xven`ko T.I. Pravo zashhitnika na svidanie kak obyazatel`noe uslovie dlya formirovaniya e`ffektivnoj pozicii zashhity` v xode predvaritel`nogo rassledovaniya // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2021. № 10. S. 135–143.

17. Koncepciya modernizacii ugolovnogo zakonodatel`stva v e`konomicheskoj sfere / pod red. V.I. Radchenko, E.V. Novikova, A.G. Fedotova. M.: Fond «Liberal`naya missiya», 2010. S. 10–13.

18. Poslanie Prezidenta Federal`nomu Sobraniyu. Prezident Rossii [E`lektronny`j resurs]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/70565.

19. Rasshirennoe zasedanie kollegii MVD. Prezident Rossii [E`lektronny`j resurs]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/70744.

20. Upolnomochenny`j pri Prezidente RF po zashhite prav predprinimatelej. Doklad Prezidentu RF [E`lektronny`j resurs]. URL: http://doklad.ombudsmanbiz.ru/doklad_2021.html.

21. Kratkaya xarakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossijskoj Federacii za yanvar`–dekabr` 2022 goda [E`lektronny`j resurs]. URL: https://mvd.rf/reports/item/35396677.

22. Svodny`e statisticheskie svedeniya o deyatel`nosti federal`ny`x sudov obshhej yurisdikcii i mirovy`x sudej za 2022 god [E`lektronny`j resurs]. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7645.

23. Doklad «Ugolovnoe presledovanie po e`konomicheskim delam – 2017» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.president-sovet.ru/files/0b/01/0b01309bf35c74e445f463a329ab61e2.pdf?ysclid=lh8171fh7j299891043.

24. Federal`ny`j zakon ot 29 dekabrya 2009 goda № 383-FZ «O vnesenii izmenenij v chast` pervuyu Nalogovogo kodeksa Rossijskoj Federacii i otdel`ny`e zakonodatel`ny`e akty` Rossijskoj Federacii». Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus».

25. Federal`ny`j zakon ot 02 avgusta 2019 goda № 315-FZ «O vnesenii izmenenij v stat`i 108 i 109 Ugolovno-processual`nogo kodeksa Rossijskoj Federacii». Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus».

26. Apellyacionnoe postanovlenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 30 maya 2018 goda po delu № 10-9382/2018. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus».

27. Apellyacionnoe postanovlenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 23 maya 2022 goda po delu № 10-5360/2022. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus».

28. Doklad Upolnomochennogo pri Prezidente Rossijskoj Federacii po zashhite prav predprinimatelej v 2017 godu «Biznes pod ugolovny`m pressom» [E`lektronny`j resurs]. URL: http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2017/pdf/4.pdf.

29. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 04 aprelya 2006 goda № 100-O. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus».

Статья поступила в редакцию 16.05.2023; одобрена после рецензирования 20.05.2023; принята к публикации 20.05.2023.

The article was submitted 16.05.2023; approved after reviewing 20.05.2023; accepted for publication 20.05.2023.

Евразийская адвокатура. 2023. № 3 (62). С. 50.
Eurasian advocacy. 2023;(3(62)):50.

Актуальные проблемы адвокатской практики

Научная статья
УДК 343.985.2
doi 10.52068/2304-9839_2023_62_3_50

ТАКТИЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ ПО ПРОВЕРКЕ ВЕРСИИ О НЕВИНОВНОСТИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ

ПОЛЯКОВ Игорь Михайлович
Адвокат коллегии адвокатов «Правовая гарантия» Адвокатской палаты Приморского края, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Владивостокского государственного университета
690002, г. Владивосток, пр. Острякова, д. 5, офис 510, Российская Федерация

Аннотация: На примере конкретного уголовного дела автор выявил актуальность регулярного взаимодействия следователя и адвоката на стадии досудебного производства. Причем такое взаимодействие эффективно и полезно в первую очередь для самого следователя, который и должен выступать инициатором таких встреч. Это непросто и становится возможным только в результате формирования специального криминалистического мышления следователя, учитывающего позицию стороны защиты, способного усмотреть в рассуждениях адвоката процессуальную правоту и обоснованность аргументов, дабы избежать дальнейших сложностей и затрат расследования при отсутствии судебных перспектив по делу. Только одновременное выдвижение и проверка как следственных версий, так и версий о невиновности, позволят преодолеть барьеры тенденциозности и профессиональной деформации, которые так губительны сегодня.

Автор также предлагает модель тактической операции «Проверка версий о невиновности», алгоритм которой может быть полезен для практических работников.

Ключевые слова: версии о невиновности, контрверсия, взяточничество, коррупционные преступления, адвокат, взаимодействие с защитой, криминалистическое мышление следователя, тактическая операция

Для цитирования: Поляков И.М. Тактическая операция по проверке версии о невиновности по уголовным делам о взяточничестве // Евразийская адвокатура. 2023. № 3(62). С. 50. https:// doi.org/10.52068/2304-9839_2023_62_3_50

Actual problems of advocacy practice

Original article

TACTICAL OPERATION TO VERIFY THE VERSION OF INNOCENCE IN CRIMINAL CASES OF BRIBERY

POLYAKOV Igor Mikhailovich
Advocate of the «Legal Guarantee» Bar Association of the Primorsky Krai Chamber of Advocates, Senior Lecturer at the Department of Criminal Law Disciplines of Vladivostok State University
690002, Vladivostok, Ostryakova Ave., 5, office 510, Russian Federation

Abstract: Using the example of a specific criminal case, the author revealed the relevance of regular interaction between the investigator and the lawyer at the stage of pre-trial proceedings. Moreover, such interaction is effective and useful, first of all, for the investigator himself, who should be the initiator of such meetings. This is not easy and becomes possible only as a result of the formation of a special forensic thinking of the investigator, taking into account the position of the defense, able to see in the arguments of the lawyer the procedural correctness and validity of the arguments in order to avoid further difficulties and costs of the investigation in the absence of judicial prospects in the case. Only the simultaneous promotion and verification of both investigative versions and versions of innocence will allow us to overcome the barrier of tendentiousness and professional deformation, which are so disastrous today.

The author also suggests a model of the tactical operation «Checking versions of innocence», the algorithm of which can be useful for practitioners

Keywords: versions of innocence, counterversion, bribery, corruption crimes, lawyer, interaction with the defense, forensic thinking of the investigator, tactical operation

For citation: Polyakov I.M. Tactical operation to verify the version of innocence in criminal cases of bribery = Eurasian advocacy. 2023;3(62):50. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2023_62_3_50

© Поляков И.М., 2023

Обеспечение конструктивного, продуктивного взаимодействия следователя с другими участниками процесса, в том числе с обвиняемыми и их защитниками, – важная задача следователя.

Однако результаты интервьюирования респондентов – 30 следователей следственного управления Следственного комитета РФ по Приморскому краю (в рамках исследования было опрошено 30 следователей с различным стажем работы, а также 45 адвокатов со стажем в профессии более 5 лет) показали, что 10 из них не считают нужным осуществлять какое-либо взаимодействие с адвокатами, полагая, что последние заведомо искажают имеющуюся в их распоряжении информацию, предоставляя ее необъективно и только в выгодном для подзащитного свете. Тем самым они «мешают» следователю оценивать качество доказательств. 15 следователей выразили готовность к общению с адвокатами при условии инициирования последними такового. И только 5 следователей (к слову говоря, с опытом практической работы более 5 лет) положительно отозвались о необходимости взаимодействия с защитой в обсуждении спорных вопросов по своей инициативе.

Аналогичное интервьюирование 45 адвокатов Адвокатской палаты Приморского края подтвердило нежелание многих следователей обсуждать спорные вопросы, возникающие в ходе предварительного следствия. Ответ следователей укладывается в обобщенную фразу: «Аргументированную позицию следствия узнаете при ознакомлении с материалами уголовного дела в порядке ст. 217 УПК РФ. Можете оспорить ее в суде. В настоящее время какие-либо обсуждения мне не интересны. Не хочу тратить на вас свое время».

В результате, помимо прочих негативных последствий, такая предвзятость как практическая закономерность может привести к процессуальному поражению стороны обвинения в наиболее нежелательной для него форме – оправдательного приговора.

Так, по ст. 291.2 УК РФ осужден гр. П. – студент вуза, который передал свидетелю Н., также студенту, действующему под контролем сотрудников отдела экономической безопасности и противодействия коррупции (ОЭБ и ПК) УМВД РФ по г. Владивостоку при проведении ОРМ «Оперативный эксперимент», за проставление положительной оценки преподавателем З. деньги в сумме 5000 руб. за экзамен без его фактической сдачи. Обвиняемый П. вину не признавал, настаивал на прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям. В ходе предварительного расследования адвокатом П. заявлялись неоднократные ходатайства, в которых обращалось внимание на наличие провокационно-подстрекательских действий со стороны сотрудников оперативного подразделения (в значении п. 34 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»). Предлагалось дать надлежащую оценку тому, что Н., будучи лично знаком с одним из оперативных сотрудников, согласился содействовать ему (в порядке ст. 17 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД»)) и самостоятельно инициировал размещение в студенческом чате информации-предложения о возможности аттестоваться по учебной дисциплине без подготовки к экзамену. Несколько студентов согласились, включая осужденного П., и передали деньги в качестве взятки. Уголовные дела в отношении иных студентов выделены в отдельное производство.

По комментируемому же делу следствие неоднократно отказывало в удовлетворении ходатайств адвоката. Как уже отмечалось, в суде первой инстанции П. был осужден. Суд кассационной инстанции вернул дело на новое рассмотрение в апелляционный суд, который прекратил дело по основаниям, предусмотренным п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, за отсутствием состава преступления [1].

В обоснование своих выводов суд, помимо прочего, сослался на показания свидетеля Н. (студента-провокатора), что ОРМ в отношении обвиняемого П. до момента проведения оперативного эксперимента не проводились, предварительными данными о его готовности передать взятку правоохранительные органы не располагали. Таким образом, как заключил суд, умысел П. на передачу денег З. (преподавателю) сформировался под настойчивым воздействием самого Н. А его действия координировались и направлялись сотрудниками ОЭБ и ПК, которые действовали в нарушение ФЗ «Об ОРД», запрещающего подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокация, ч. 8 ст. 5).

Анализ материалов уголовного дела, к сожалению, очень типичного для практики, а также опрос респондентов-следователей с демонстрацией этого примера и ему подобных, наглядно демонстрируют ряд типичных, причем существенных процессуальных нарушений законодательства об ОРД и грубых тактических ошибок, допущенных следователем. Они связаны, в первую очередь, как уже отмечалось, с предвзятым

отношением не только к конкретному адвокату, но и ко всем адвокатам в целом.

Следователь, изучив ходатайство адвоката на первоначальном этапе расследования, не посчитал нужным его удовлетворить и проверить доводы о невиновности. Как это часто бывает на практике, помимо письменного ходатайства у следователя с адвокатом было несколько бесед в кабинете. В ходе непроцессуального общения следователь мог бы адекватно оценить правовую позицию защиты, ее стратегию и тактику, убедительность аргументов и, как следствие, оценить потенциальные риски для стороны обвинения. А ведь все обстоятельства, определявшие позицию стороны защиты и окончательный приговор, были известны следователю еще на момент возбуждения дела. Были все возможности внимательно проверить версию о невиновности (ее разновидность – о невиновности в силу допущенной провокации в ходе ОРМ) и своевременно выбрать одно из правовых решений:

– отказать в возбуждении дела;

– прекратить его на следствии;

– расследовать дело, но уже с иным предметом доказывания (иными эпизодами преступлений, составами).

Тем самым были бы соблюдены требования закона, не было бы необходимости в значительных затратах государственных органов.

На этом примере, аналогов которого в практике, повторимся, множество, а также по результатам анализа специальной литературы можно предложить следователям модель тактической операции по проверке версий о невиновности, которая включает важный элемент – эффективное взаимодействие следователя с адвокатом. Представим эту модель в кратком изложении и поэтапно. А для наглядности сделаем это на примере именно этого уголовного дела:

– 1 этап. «Аналитическая работа следователя»;

– 2 этап. «Изучение контрверсий и переговоры с защитой»;

– 3 этап. «Проведение следственных и иных действий, направленных на проверку доводов защиты»;

– 4 этап. «Использование специальных знаний»;

– 5 этап. «Оценка судебной перспективы по уголовному делу».

Раскроем содержание этапов подробнее.

Этап 1. «Аналитическая работа следователя»

Мышление следователя должно изначально быть восприимчивым к критическому анализу информации обвинения, причем как бы с позиции защиты. Следователь еще на этапе возбуждения уголовного дела должен критически относиться к любым сведениям и обстоятельствам, в том числе представленным оперативным материалам, и усмотреть признаки подстрекательства.

Этап 2. «Изучение контрверсий и переговоры с защитой»

Здесь следователю необходимо:

2.1. Внимательно изучить письменное ходатайство адвоката и дать ему объективную правовую и тактическую оценку;

2.2. При необходимости пригласить адвоката и, применив тактический прием «Установление психологического контакта», получить более подробное устное обоснование позиции защиты;

2.3. При условии установления надлежащего психологического контакта и в ситуации, если, например, адвокат относится к числу добросовестных, настоящих профессионалов по делам этой категории, авторитетных в своем регионе, посоветоваться с ним, прямо обсудить возможность проведения тактической операции по проверке версии о невиновности.

2.4. В определенных случаях с адвокатом можно даже обсудить последовательность и тактику проведения следственных действий, иных мероприятий в рамках тактической операции, оптимизировать их, а возможно, даже попросить помощи (например, оперативный вызов к следователю свидетелей защиты и т. п.).

Этап 3. «Проведение следственных и иных действий, направленных на проверку доводов защиты»

3.1. Например, вызов и дополнительный допрос свидетеля Н., в частности, об обстоятельствах знакомства с оперативным сотрудником, об инициативе размещения в студенческом чате подобного объявления, согласовании текста СМС-обращения и т. п.

3.2. Дополнительный допрос оперативного сотрудника по аналогичным вопросам.

3.3. Допрос в качестве свидетелей студентов, которые просмотрели указанное сообщение и обсудили его с Н., настаивавшим на коллективном вручении преподавателю З. денег.

3.4. При наличии противоречий – очные ставки между студентами; студентами и оперативными сотрудниками и т. п.

Этап 4. «Использование специальных знаний»

4.1. Не всегда обязательно, но иногда можно провести судебно-лингвистическое исследование (экспертиза или заключение специалиста, до-

прос эксперта или специалиста и т. п.) для выявления не только смысловой нагрузки текстовой информации в переписке, но и смысла текста с точки зрения побудительных, возможно, подстрекательских (как в примере), мотивов его автора – студента Н.

4.2. Допрос эксперта или специалиста.

4.3. Проведение очных ставок между обвиняемым и свидетелями, включая сотрудников полиции т. п.

Этап 5. «Оценка судебной перспективы по уголовному делу» [2]

Необязательный этап. Он уместен при наличии обоснованных сомнений следователя. При наличии таковых он может инициировать проведение:

5.1. Межведомственного совещания с участием прокурора / начальника отдела по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции прокуратуры субъекта РФ, надзирающего за уголовными делами данной категории, оперативных сотрудников и руководителя следственного отдела. Предмет совещания – обсуждение судебной перспективы по конкретному делу. В данном случае – целесообразности дальнейшего расследования с учетом, в том числе, неустранимости такого нарушения закона, как провокационно-подстрекательские действия, допущенные при передаче взятки.

5.2. Вместе с тем мы не рекомендуем полностью защитительную направленность мыслительной деятельности представителей стороны обвинения. На оперативном совещании могла бы быть выдвинута наступательная следственная версия о множественности подобных преступлений в вузе, организованной преступной коррупционной деятельности; о вероятности совершения теми же или иными студентами иных, в том числе аналогичных, преступлений.

Список источников

1. Апелляционный приговор Приморского краевого суда от 14.05.2019 (дело № 22-2049/2019).

2. Гармаев Ю.П. Судебная перспектива по уголовному делу: понятие, виды, значение // Вестник Бурятского государственного университета. 2008. № 2. С. 151–154.

References

1. Apellyacionny`j prigovor Primorskogo kraevogo suda ot 14.05.2019 (delo № 22-2049/2019).

2. Garmaev Yu.P. Sudebnaya perspektiva po ugolovnomu delu: ponyatie, vidy`, znachenie // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. № 2. S. 151–154.

Статья поступила в редакцию 18.04.2023; одобрена после рецензирования 26.04.2023; принята к публикации 26.04.2023.

The article was submitted 18.04.2023; approved after reviewing 26.04.2023; accepted for publication 26.04.2023.

Проведем профессиональную экспертизу:

Строительно-техническую
Землеустроительную
Инженерно-технологическую
Пожарно-техническую
Автотехническую

Почерковедческую
Подлинности документов
Оценочную
Товароведческую
Бухгалтерскую

Профессионализм экспертов и современные методики проведения исследований в сжатые сроки обеспечивают максимально достоверные результаты!

Платинум
группа компаний

м. Бауманская,
г. Москва, ул. Бауманская, д. 22, офис 207
ocenka-m.com • info@ocenka-m.com
8 (800) 100-50-01 • 8 (495) 308-15-15

Евразийская адвокатура. 2023. № 3 (62). С. 54.
Eurasian advocacy. 2023;(3(62)):54.

Актуальные проблемы адвокатской практики

Научная статья
УДК 347.191.43
doi 10.52068/2304-9839_2023_62_3_54

ЧАСТНОПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ В КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ, РЕАЛИЗУЕМАЯ НА ОСНОВЕ ПРИНЦИПОВ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ И РАЗУМНОСТИ

ЛЕВУШКИН Анатолий Николаевич
Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, заведующий кафедрой гражданского права Государственного университета просвещения, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Ульяновского государственного университета
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 1, Российская Федерация

Аннотация: Автор приходит к выводу, что институт ответственности членов органов управления в России является сравнительно молодым, но эффективно развивающимся. В процессе его становления прослеживаются следующие тенденции: широкое судейское усмотрение; облегчение доказывания по делам такого рода; активное применение правила делового решения; усиление диспозитивности регулирования, однако на сегодняшний день акционеры (участники) еще не обладают достаточной свободой для конструирования собственной модели управления, индивидуального подхода разграничения полномочий.

Ключевые слова: частноправовая ответственность, органы управления, корпоративные правоотношения, конфликт интересов, добросовестность, принцип разумности

Для цитирования: Левушкин А.Н. Частноправовая ответственность органов управления в корпоративных правоотношениях, реализуемая на основе принципов добросовестности и разумности// Евразийская адвокатура. 2023. № 3(62). С. 54. https:// doi.org/10.52068/2304-9839_2023_62_3_54

Actual problems of advocacy practice

Original article

PRIVATE LEGAL RESPONSIBILITY OF MANAGEMENT BODIES IN CORPORATE LEGAL RELATIONS, IMPLEMENTED ON THE BASIS OF THE PRINCIPLES OF GOOD FAITH AND REASONABLENESS

LEVUSHKIN Anatoliy Nikolaevich
Doctor of law, Professor, Professor of the Department of Business and Corporate Law of the Moscow State law University, Head of the Department of Civil Law of the State University of Education, Professor of the Department of Civil and Business Law of Ulyanovsk State University
105005, Moscow, Radio str., 10A, p. 1, Russian Federation

Abstract: The author comes to the conclusion that the institute of responsibility of members of government bodies in Russia is still relatively young. In the process of its formation, the following trends can be traced: broad judicial discretion; facilitation of evidence in cases of this kind; wide application of the business decision rule; strengthening of regulatory dispositivity, however, today shareholders (participants) they do not yet have sufficient freedom to design their own management model, an individual approach to the separation of powers.

Keywords: private legal responsibility, management bodies, corporate legal relations, conflict of interests, good faith, the principle of reasonableness

For citation: Levushkin A.N. Private legal responsibility of management bodies in corporate legal relations, implemented on the basis of the principles of good faith and reasonableness = Eurasian advocacy. 2023;3(62):54. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2023_62_3_54

© Левушкин А.Н., 2023

Необходимо признать, что в 2020–2023 годах экономическая система нашей страны находится в кризисном состоянии, что отрицательно сказалось на состоянии корпораций и нарушении прав участников и третьих лиц [16, с. 169]. В доктрине справедливо отмечается, что «в последние годы в российском предпринимательском и корпоративном законодательстве происходят очень важные процессы трансформации… право серьезно уступает место экономике, не успевая оперативно реагировать на происходящие в ней изменения» [18, с. 4]. Можно с полной уверенностью утверждать, что этот процесс, к сожалению, имеет самое непосредственное отношение и к частноправовой ответственности органов управления в корпоративных правоотношениях, реализуемой на основе принципов добросовестности и разумности.

Профессор М.И. Илюшина в доктрине обоснованно определяет, что особенностью природы корпоративных правоотношений является необходимость использования определенного непротиворечивого механизма [10, с. 21]. Полагаем, что именно такой «непротиворечивый механизм» следует разработать при реализации частноправовой ответственности органов управления в корпоративных правоотношениях.

«Выделение корпоративной ответственности в качестве разновидности гражданско-правовой ответственности получает подтверждение при рассмотрении судами корпоративных споров» [5, с. 49]. Обращаясь к законодательному регулированию рассматриваемого в настоящей статье вопроса, укажем, что основание для возложения гражданско-правовой ответственности на членов органов управления закреплено в ст. 53.1 ГК РФ. Также законодатель предусмотрел специальную норму в отдельных законах, Законе об АО и ООО. Ключевая фраза в специальном законе – «виновные действия» – определяется в ГК РФ как «действия недобросовестные или неразумные, в том числе если его действия не соответствовали обычным условиям гражданского оборота или обычному предпринимательскому риску». Таким образом, для настоящей работы, безусловно, представляет интерес толкование терминов «недобросовестность» и «неразумность».

Законом такое толкование не установлено, для их уяснения может применяться правило толкования, при котором слова следует понимать в их обычном, общераспространенном значении [1, с. 15]. С помощью такого приема можем определить, что «добросовестность» является синонимом понятий «честность», «справедливость», а «разумность» – «целесообразность». То есть директор должен выполнять свои обязательства честно, руководствуясь принципом целесообразности при принятии управленческих решений.

Кодекс корпоративного поведения (абз. 2 ст. 3.1.1, Глава 3) дает следующее определение: «обязанность члена совета директоров действовать добросовестно и разумно в интересах общества подразумевает, что при осуществлении своих прав и исполнении обязанностей, предусмотренных законодательством, уставом и иными внутренними документами общества, он должен проявлять заботливость и осмотрительность, которых следует ожидать от хорошего руководителя в аналогичной ситуации при аналогичных обстоятельствах» [22]. Таким образом, Кодекс поведения трактует «добросовестность» и «разумность» через «заботливость и осмотрительность в аналогичной ситуации и обстоятельствах». Представляется, что такая формулировка не решает проблемы неопределенности оснований привлечения к ответственности в части вины.

Обратимся к Кодексу корпоративного управления, в котором отмечается, что «разумные и добросовестные действия предполагают принятие решений с учетом всей имеющейся информации, в отсутствие конфликта интересов, с учетом равного отношения к акционерам общества, в рамках обычного предпринимательского риска» [23]. Такое определение также нельзя признать удовлетворяющим интересы практики, так как здесь перечисляются лишь элементы / части двух терминов, но они не сводятся к единому определению.

Наконец, в п. 4 Постановления ВАС № 62 дается следующее определение: «добросовестность и разумность при исполнении возложенных на директора обязанностей заключаются в принятии им необходимых и достаточных мер для достижения целей деятельности, ради которых создано юридическое лицо, в том числе в надлежащем исполнении публично-правовых обязанностей, возлагаемых на юридическое лицо действующим законодательством». Полагаем, что само по себе такое определение представляется излишне общим, однако, как это часто бывает в таких постановлениях, проблема решается путем перечисления примеров (в данном случае примеров критериев). Такой путь, возможно, не слишком хорош с точки зрения юридической техники, но практикой он в целом одобряется.

Так, Постановление выводит следующие критерии доказанности недобросовестности директора: «1) действовал при наличии конфликта между его личными интересами (интересами

аффилированных лиц директора) и интересами юридического лица, в том числе при наличии фактической заинтересованности директора в совершении юридическим лицом сделки, за исключением случаев, когда информация о конфликте интересов была заблаговременно раскрыта и действия директора были одобрены в установленном законодательством порядке; 2) скрывал информацию о совершенной им сделке от участников юридического лица (в частности, если сведения о такой сделке в нарушение закона, устава или внутренних документов юридического лица не были включены в отчетность юридического лица) либо предоставлял участникам юридического лица недостоверную информацию в отношении соответствующей сделки; 3) совершил сделку без требующегося в силу законодательства или устава одобрения соответствующих органов юридического лица; 4) после прекращения своих полномочий удерживает и уклоняется от передачи юридическому лицу документов, касающихся обстоятельств, повлекших неблагоприятные последствия для юридического лица; 5) знал или должен был знать о том, что его действия (бездействие) на момент их совершения не отвечали интересам юридического лица, например совершил сделку (голосовал за ее одобрение) на заведомо невыгодных для юридического лица условиях или с заведомо неспособным исполнить обязательство лицом («фирмой-однодневкой» и т. п.)».

По отношению к неразумности: «1) принял решение без учета известной ему информации, имеющей значение в данной ситуации; 2) до принятия решения не предпринял действий, направленных на получение необходимой и достаточной для его принятия информации, которые обычны для деловой практики при сходных обстоятельствах, в частности, если доказано, что при имеющихся обстоятельствах разумный директор отложил бы принятие решения до получения дополнительной информации; 3) совершил сделку без соблюдения обычно требующихся или принятых в данном юридическом лице внутренних процедур для совершения аналогичных сделок (например, согласования с юридическим отделом, бухгалтерией и т. п.)».

ВАС РФ, таким образом, пошел по пути описания терминов через конкретные примеры, которые могут возникнуть в практике, при этом не сформулировав единого точного определения, что в данном случае представляется единственно правильным по причине невозможности объять (перечислить) все случаи недобросовестного и неразумного поведения.

По мнению некоторых ученых, данные понятия представляют собой единство: добросовестность – отношения членов органов управления к своим обязанностям, а разумность – внешний результат таких действий [8, с. 9], то есть директор, привлеченный к ответственности, одновременно пренебрегает своими обязательствами и воплощает такое отношение своими действиями, вызывающими убытки.

Относительно определения противоправного бездействия стоит отметить следующую позицию: «с юридической точки зрения бездействие будет признано противоправным тогда, когда лицо в силу закона или договора было обязано совершить определенные действия, но от совершения их уклонилось либо не выполнило надлежащим образом» [4, с. 327].

Постановление Президиума ВАС РФ от 06.03.2012 № 12505/11 формулирует определение разумности действий единоличного исполнительного органа как совершаемые действия, ожидаемые в аналогичной ситуации при аналогичных обстоятельствах от хорошего руководителя.

Судебная практика пошла по пути толкования «добросовестности» и «разумности» через термины «заботливость» и «осмотрительность». Так, «привлечение единоличного исполнительного органа к ответственности зависит от того, действовал ли он при исполнении своих обязанностей разумно и добросовестно, то есть проявлял ли он заботливость и осмотрительность и принял ли все необходимые меры для надлежащего исполнения своих обязанностей, действовал ли в пределах разумного предпринимательского риска» [24, 27, 28]. Таким образом, суды восприняли положение Кодекса корпоративного поведения и пользуются данным им определением.

Существенное раскрытие изучаемые термины получили в одном из решаемых судом дел: «Добросовестность и разумность… означают такое поведение лица, которое характерно для обычного «заботливого хозяина» или «добросовестного коммерсанта». Соответственно, для определения недобросовестности и неразумности в действиях (бездействии) конкретного лица его поведение нужно сопоставлять с реальными обстоятельствами дела, в том числе с характером лежащих на нем обязанностей и условиями оборота и с вытекающими из них требованиями заботливости и осмотрительности, которые во всяком случае должен проявлять любой разумный и добросовестный участник оборота… Таким образом, пояснения относительно таких существенных вопросов, как заботливость и осмотрительность, разумность

и добросовестность действий (бездействия), не только с объективной точки зрения, но и собственных мотивов и целей их совершения (несовершения) может дать только директор» [29].

Таким образом, мы можем сделать три вывода относительно применения категорий «разумности» и «добросовестности»:

1) применение оценочных, моральных норм затруднительно, но необходимо, «определить какие-то параметры понятия «добросовестность»… в принципе невозможно» [2, с. 132]. Установление критериев такого поведения в виде открытого списка – правильный и обоснованный подход;

2) определение недобросовестности и неразумности должно происходить индивидуально, применительно к каждому рассматриваемому делу с учетом его обстоятельств. В данном случае невозможно уйти от широкого судейского усмотрения, предполагается, что в такой ситуации это единственный действенный механизм;

3) формулирование точного и конкретного определения изучаемых терминов невозможно.

Обратим внимание, что законодательство возлагает на директоров обязанность действовать в интересах юридического лица (ст. 53.1 ГК РФ, ст. 44 Закона об ООО, ст. 71 Закона об АО). Согласно Постановлению ВАС № 62, при определении интересов юридического лица необходимо учитывать, что основной целью деятельности коммерческой организации является извлечение прибыли, также необходимо принимать во внимание цели, установленные учредительными документами.

Таким образом, правильное отражение целей деятельности общества в учредительных документах может иметь существенное значение для определения действия не в интересах общества [12].

Отметим, что нередко наступление частноправовой ответственности органов управления в корпоративных правоотношениях обусловлено наличием корпоративных конфликтов. Причем «нормы права лишь создают компромиссные рамки, в которых конфликт интересов собственников «вправе» существовать» [14, с. 15].

«Структура капитала в корпорациях может быть различной, что также необходимо учитывать для разрешения корпоративных конфликтов» [16, с. 170].

Условия привлечения к частноправовой ответственности включают противоправное действие / бездействие, наличие убытков и причинно-следственную связь между такими действиями /бездействиями и убытками.

Первый элемент – противоправное поведение – определяется, исходя из принципа добросовестности и разумности, т. е. если члены органов управления действовали недобросовестно и неразумно, такое поведение является противоправным [25]. В доктрине обоснованно утверждается, что «нарушение субъективного права, опосредующего принадлежность благ, может выражаться в противоправном лишении субъекта возможности осуществления образующих содержание права правомочий» [17, с. 73].

Второй элемент – убытки. Размер убытков являлся обязательным элементом состава для привлечения к ответственности члена органа управления до принятия Постановления ВАС № 62, в п. 2 которого отмечается: «Арбитражный суд не может полностью отказать в удовлетворении требования о возмещении директором убытков, причиненных юридическому лицу, только на том основании, что размер этих убытков невозможно установить с разумной степенью достоверности (пункт 1 статьи 15 ГК РФ). В этом случае размер подлежащих возмещению убытков определяется судом с учетом всех обстоятельств дела, исходя из принципа справедливости и соразмерности ответственности». Такая позиция нашла отражение в практике [26]. Таким образом, нельзя отказать в привлечении к ответственности по причине неустановления размера убытков с разумной степенью достоверности. Размер взыскания будет определяться, исходя из принципа справедливости и соразмерности. Данное положение следует признать обоснованным, в данном составе сложно доказать конкретный размер причиненного компании вреда, и это не должно быть основанием для отказа в привлечении к ответственности.

Третий элемент – причинно-следственная связь. Данный элемент обязателен для доказывания. При его недоказанности иск не может быть удовлетворен [30]. Так, в Постановлении Третьего арбитражного апелляционного суда от 24.03.2015 по делу № А74-6836/2013 говорится: «Принимая во внимание указанные факты, суды пришли к выводу о недоказанности конкурсным управляющим совокупности условий для привлечения руководителя должника к субсидиарной ответственности, поскольку отсутствует прямая причинно-следственная связь между бездействием руководителя и наступившими последствиями в виде возникновения задолженности перед кредиторами».

Последний элемент для привлечения к ответственности члена органа управления – вина. Законом об АО и ООО установлено, что для привлече-

ния к ответственности членов органов управления необходимо установить их вину в совершении противоправных действий, которые повлекли за собой убытки.

В доктрине и практике судов вина отождествляется с неразумными и недобросовестными действиями, то есть факт действия таким образом предполагает, что действия уже являются виновными. Также можно отметить, что косвенно это следует из Постановления ВАС № 62. В доктрине такое утверждение является спорным. Так, О.В. Гутников и Ю.Д. Жукова придерживаются вышеуказанной позиции [5, с. 296; 9, с. 98]. Существует и противоположная позиция, в частности, профессор И.С. Шиткина отмечает следующее: «При этом справедливым является вывод: если недобросовестность и неразумность являются объективными обстоятельствами, образующими сам факт правонарушения, совершенного директором, то вина является субъективным основанием ответственности» [13, с. 755]. Полагаем, что стоит в большей степени согласиться с первой позицией, неразумное и недобросовестное действие должно презюмироваться как действие виновное.

Таким образом, пример состава для привлечения к ответственности может выглядеть следующим образом: член органа управления причинил обществу ущерб, действуя недобросовестно или неразумно. Подтверждением вины в данном случае будет являться то, что директор не принял мер для предотвращения нарушения с должной степенью заботливости и осмотрительности [31].

Представляется, что совмещение вины и противоправного характера в одно условие – недобросовестное и неразумное деяние – является обоснованным и влечет упрощение доказывания по делам такого рода.

Стоит отметить наличие презумпции добросовестности и разумности директора по общему правилу. Она выводится из следующего. Пунктом 3 ст. 10 ГК РФ установлено: «Добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются»; согласно ст. 65 АПК РФ, «Каждое лицо, участвующее в деле, должно доказать обстоятельства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений». Однако в случае нарушения обязанности действовать добросовестно и разумно презумпция работает в обратную сторону, и уже директор считается виновным и обязан доказывать обратное.

Поскольку судебный контроль призван обеспечивать защиту прав юридических лиц и их учредителей (участников), а не проверять экономическую целесообразность решений, принимаемых директорами, директор не может быть привлечен к ответственности за причиненные юридическому лицу убытки в случаях, когда его действия (бездействие), повлекшие убытки, не выходили за пределы обычного делового (предпринимательского) риска. Также «судебный контроль призван обеспечивать защиту прав и свобод акционеров, а не проверять экономическую целесообразность решений, принимаемых советом директоров и общим собранием акционеров, которые обладают самостоятельностью и широкой дискрецией при принятии решений в сфере бизнеса» [32]. Таким образом, привлечь директора за деловое решение, которое оказалось неудачным и не принесло прибыли, становится невозможным.

Случаи освобождения от ответственности указаны в Законах об АО и ООО и представляют из себя случаи, когда члены коллегиального органа голосовали против либо добросовестно не принимали участия в голосовании. Как следует из Закона, член коллективного органа управления, воздержавшийся от голосования, не освобождается от ответственности.

Однако при такой ситуации Единоличный исполнительный орган (ЕИО) будет отвечать за убытки, причиненные сделкой, которая была одобрена коллегиальным органом управления. Так, такая сделка может быть одобрена собранием акционеров / советом директоров. Собрание акционеров является органом волеизъявления компании [11, с. 12]. Генеральный директор обязан исполнить такое решение, даже считая его неправильным, и обязан будет отвечать за нанесенные компании убытки (хоть и вместе с одобрившими данную сделку членами совета директоров / общего собрания). Такая позиция представляется необоснованной. Доктриной была выработана классификация сделок по критерию ответственности директора за их проведение:

– если инициатива в совершении сделки исходила от исполнительных органов, то лицо, занимающее должность единоличного исполнительного органа (руководителя), должно нести самостоятельную ответственность;

– но если оно было всего лишь исполнителем воли коллегиального органа и не имело отношения к инициации рассмотрения сделки, то привлекать его к ответственности – значит привлекать к ответственности невиновное лицо, что неправильно [3, с. 44].

Представляется, что стоит внести изменения в оспариваемое положение в следующей редакции: «Единоличный исполнительный орган ос-

вобождается от ответственности за исполнение решения Общего собрания / Совета директоров, выразившееся в заключении одобренной вышеуказанными органами управления сделки, в случаях, если Единоличный исполнительный орган докажет факт донесения до соответствующего органа управления сведений о возможных убытках компании, которые могут повлечь заключение и исполнение одобренной сделки». В случае если соответствующий орган не изменит своего решения по одобрению такой сделки, такой орган будет нести ответственность за причиненные ее заключением и исполнением убытки, а ЕИО будет освобожден от такой ответственности.

Некоторые ученые высказывали идею о возможности привлечения управляющей организации к ответственности, квалифицируя отношения между управляющей организацией и обществом как отношения между головным и дочерним обществом [19, с. 637; 20, с. 109]. Однако аргументом против такой позиции является отсутствие экономической субординации между управляющей и управляемой компаниями [21, с. 39], что является основным признаком холдинговых структур и основанием для применения норм о солидарной и субсидиарной ответственности, установленной ст. 322 и 399 ГК РФ.

Относительно обществ с ограниченной ответственностью следует выделить особенность привлечения к ответственности членов органов управления. Для обществ с ограниченной ответственностью не предусмотрен порог для предъявления иска, иск может подать любой участник. Таким образом, для ООО действует облегченный порядок привлечения к ответственности, что представляется вполне оправданным. Отсутствие такого порога является следствием природы ООО, его непубличного статуса.

В науке предпринимательского и корпоративного права высказано весьма интересное суждение, что «экосистема корпоративной социальной ответственности российских компаний активно развивается. При этом вектор ее трансформации направлен в сторону актуальных моделей корпоративной устойчивости» [7, с. 34]. Полагаем, что такая «корпоративная устойчивость» достижима лишь при реализации принципов добросовестности и разумности при управлении корпорацией и применении частноправовой ответственности органов управления юридического лица.

В заключение отметим, что «современное корпоративное право и предпринимательское законодательство направлены на создание и обеспечение равных экономических условий и возможностей для всех участников корпораций, обеспечение баланса их интересов, на защиту частных притязаний лиц и организаций, с учетом публичных потребностей в сфере корпоративных отношений, на установление упорядоченных корпоративных правоотношений в сфере экономического оборота и предпринимательской деятельности» [15, с. 36].

Возможность применения мер частноправовой ответственности в корпоративных отношениях не исчерпывается условиями, указанными в законе. Согласно п. 3 ст. 307.1 ГК РФ, общие положения об обязательствах применяются к требованиям, возникшим из корпоративных правоотношений.

Сформулируем основные выводы:

1. В представленной работе изучен подход законодателя к регулированию института ответственности в рамках корпоративных правоотношений, выражающийся во введении оценочных понятий «добросовестности» и «разумности». В практике весьма проблематично установление однозначных критериев и условий наступления частноправовой ответственности органов управления в корпоративных правоотношениях, реализуемой на основе принципов добросовестности и разумности.

Данный подход не является идеальным и, очевидно, ведет к расширению судейского усмотрения, неопределенности условий наступления ответственности. Однако зарубежные правопорядки также не смогли избежать такого метода. Представляется, что регулирование такого института, связанного с настолько широким понятием, как «неправомерное действие члена органа управления», не может быть установлено более определенно.

2. Создание системы сдержек и противовесов в корпоративном устройстве органов управления является самым надежным правовым механизмом предотвращения наступления ответственности директоров. Примером эффективной системы сдержек и противовесов видится немецкая «связка» органов управления: Наблюдательный Совет – Правление. Данные органы, являясь зачастую «антагонистами» в определенных вопросах, должны проводить скоординированную политику, действовать вместе в целях компании. При этом разделение функций и полномочий не позволяет одному из органов захватить полный контроль над другим.

3. Для предотвращения наступления ответственности необходимо выстраивать сбалансированную систему организации органов управления.

Правильным решением было бы законодательное закрепление обязательности формирования коллективного исполнительного органа для любых публичных акционерных обществ.

Список источников

1. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. М.: Статут, 2000. Т. 1.
2. Витрянский В.В. Гражданский кодекс и суд // Вестник ВАС РФ. 1997. № 7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Габов А.В. Об ответственности членов органов управления юридических лиц // Вестник ВАС РФ. 2013. № 7. С. 36–79.
4. Грибанов В.П. Ответственность за нарушение гражданских прав и обязанностей. М., 1973.
5. Гутников О.В. Юридическая ответственность в корпоративных правоотношениях // Юридические лица в российском гражданском праве: монография / отв. ред.: А.В. Габов, О.В. Гутников, С.А. Синицын. Т. 1. Общие положения о юридических лицах. М., 2016.
6. Гутников О.В. Развитие корпоративной ответственности в судебной практике // Журнал российского права. 2021. № 6. С. 48–65.
7. Ершова И.В., Енькова Е.Е., Лаптев В.А. Корпоративная социальная ответственность в системе координат устойчивого развития // Предпринимательское право. 2022. № 2. С. 25–35.
8. Жукова Ю.Д. Проблемы установления оснований ответственности директоров за причинение убытков организации. Анализ правовых позиций Пленума ВАС РФ // Вестник арбитражной практики. 2014. № 1. С. 5–15.
9. Жукова Ю.Д. Ответственность руководителя хозяйственного общества по российскому праву. М., 2016.
10. Илюшина М.Н. Выход участника из общества с ограниченной ответственностью: формы внешнего и внутреннего контроля // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 5. С. 20–25.
11. Иншакова А.О. Разумно понимаемые интересы акционера в дивидендной политике законодателя России и ЕС // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 7. С. 10–15.
12. Козлова Н.В., Филиппова С.Ю. Гражданская правосубъектность юридического лица: комментарий новелл Гражданского кодекса РФ. 2014. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
13. Корпоративное право: учеб. курс: в 2 т. / отв. ред. И.С. Шиткина. Т. 2. М.: Статут, 2018.
14. Левушкин А.Н. Обеспечение баланса интересов мажоритарных и миноритарных акционеров в корпоративных правоотношениях // Гражданское право. 2022. № 6. С. 14–18.
15. Левушкин А.Н. Обеспечение баланса интересов граждан, предпринимателей и публично-правовых образований как участников инвестиционных правоотношений на рынке ценных бумаг // Юрист. 2022. № 6. С. 29–36.
16. Левушкин А.Н. Конфликт интересов между субъектами корпоративных правоотношений при проведении сделок с акциями // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 12. С. 168–174.
17. Лескова Ю.Г., Ванин В.В. Правовосстановительные способы защиты корпоративных цифровых прав // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 7. С. 70–75.
18. Соловьева Д. «Об основных тенденциях развития предпринимательского законодательства, о науке и образовательном процессе в условиях пандемии»: Интервью с заведующим кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктором юридических наук, профессором, заслуженным юристом Российской Федерации И.В. Ершовой // Юрист. 2020. № 11. С. 2–6.
19. Тихомиров Ю.А. Административное право и процесс: полный курс. М.: Издание г-на Тихомирова М.Ю., 2012.
20. Харитонова Ю.С. Управление в гражданском праве: проблемы теории и практики: монография. М.: Норма: Инфра-М, 2011.
21. Шиткина И.С. Соглашения акционеров (договоры об осуществлении прав участников) как источник регламентации корпоративных отношений // Хозяйство и право. 2011. № 2. С. 37–44.
22. О рекомендации к применению Кодекса корпоративного поведения (вместе с «Кодексом корпоративного поведения» от 05.04.2002): распоряжение ФКЦБ РФ от 04.04.2002 № 421/р // Вестник ФКЦБ России. 2002. 30 апреля. № 4.
23. О Кодексе корпоративного управления: Письмо Банка России от 10.04.2014 № 06-52/2463 // Вестник Банка России. 2014. 18 апреля. № 40.
24. Определение ВАС РФ от 11.04.2011 по делу № А27-4842/2010. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
25. Определение Верховного Суда РФ от 06.11.2015 по делу № А53-20307/2013. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
26. Определение Верховного Суда РФ от 14.04.2015 № 14-КГ15-114.04.2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
27. Постановление Арбитражного Суда Западно-Сибирского округа от 16.04.2015 по делу № А27-3466/2013. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
28. Постановление Арбитражного Суда Центрального округа от 11.06.2015 по делу № А08-5037/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
29. Постановление ФАС Уральского округа от 20.05.2014 по делу № А50-12101/2013. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
30. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 08.08.2013 по делу № А46-29316/2012. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
31. Постановление Арбитражного Суда Западно-Сибирского округа от 29.07.2015 по делу № А03-18839/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
32. Постановление Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2004 г. № 3-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

References

1. Braginskij M.I., Vitryanskij V.V. Dogovornoe pravo. M.: Statut, 2000. T. 1.
2. Vitryanskij V.V. Grazhdanskij kodeks i sud // Vestnik VAS RF. 1997. № 7. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus».
3. Gabov A.V. Ob otvetstvennosti chlenov organov upravleniya yuridicheskix licz // Vestnik VAS RF. 2013. № 7. S. 36–79.
4. Gribanov V.P. Otvetstvennost` za narushenie grazhdanskix prav i obyazannostej. M., 1973.
5. Gutnikov O.V. Yuridicheskaya otvetstvennost` v korporativny`x pravootnosheniyax // Yuridicheskie licza v rossijskom grazhdanskom prave: monografiya / otv. red.: A.V. Gabov, O.V. Gutnikov, S.A. Sinicyn. T. 1. Obshhie polozheniya o yuridicheskix liczax. M., 2016.
6. Gutnikov O.V. Razvitie korporativnoj otvetstvennosti v sudebnoj praktike // Zhurnal rossijskogo prava. 2021. № 6. S. 48–65.
7. Ershova I.V., En`kova E.E., Laptev V.A. Korporativnaya social`naya otvetstvennost` v sisteme koordinat ustojchivogo razvitiya // Predprinimatel`skoe pravo. 2022. № 2. S. 25–35.
8. Zhukova Yu.D. Problemy` ustanovleniya osnovanij otvetstvennosti direktorov za prichinenie uby`tkov organizacii. Analiz pravovy`x pozicij Plenuma VAS RF // Vestnik arbitrazhnoj praktiki. 2014. № 1. S. 5–15.
9. Zhukova Yu.D. Otvetstvennost` rukovoditelya xozyajstvennogo obshhestva po rossijskomu pravu. M., 2016.
10. Ilyushina M.N. Vy`xod uchastnika iz obshhestva s ogranichennoj otvetstvennost`yu: formy` vneshnego i vnutrennego kontrolya // Zakony` Rossii: opy`t, analiz, praktika. 2022. № 5. S. 20–25.
11. Inshakova A.O. Razumno ponimaemy`e interesy` akcionera v dividendnoj politike zakonodatelya Rossii i ES // Zakony` Rossii: opy`t, analiz, praktika. 2012. № 7. S. 10–15.
12. Kozlova N.V., Filippova S.Yu. Grazhdanskaya pravosub``ektnost` yuridicheskogo licza: kommentarij novell Grazhdanskogo kodeksa RF. 2014. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Garant».
13. Korporativnoe pravo: ucheb. kurs: v 2 t. / otv. red. I.S. Shitkina. T. 2. M.: Statut, 2018.
14. Levushkin A.N. Obespechenie balansa interesov mazhoritarny`x i minoritarny`x akcionerov v korporativny`x pravootnosheniyax // Grazhdanskoe pravo. 2022. № 6. S. 14–18.
15. Levushkin A.N. Obespechenie balansa interesov grazhdan, predprinimatelej i publichno-pravovy`x obrazovanij kak uchastnikov investicionny`x pravootnoshenij na ry`nke cenny`x bumag // Yurist. 2022. № 6. S. 29–36.
16. Levushkin A.N. Konflikt interesov mezhdu sub``ektami korporativny`x pravootnoshenij pri provedenii sdelok s akciyami // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2022. № 12. S. 168–174.
17. Leskova Yu.G., Vanin V.V. Pravovosstanovitel`ny`e sposoby` zashhity` korporativny`x cifrovy`x prav // Zakony` Rossii: opy`t, analiz, praktika. 2022. № 7. S. 70–75.
18. Solov`eva D. «Ob osnovny`x tendenciyax razvitiya predprinimatel`skogo zakonodatel`stva, o nauke i obrazovatel`nom processe v usloviyax pandemii»: Interv`yu s zaveduyushhim kafedroj predprinimatel`skogo i korporativnogo prava Moskovskogo gosudarstvennogo yuridicheskogo universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA), doktorom yuridicheskix nauk, professorom, zasluzhenny`m yuristom Rossijskoj Federacii I.V. Ershovoj // Yurist. 2020. № 11. S. 2–6.
19. Tixomirov Yu.A. Administrativnoe pravo i process: polny`j kurs. M.: Izdanie g-na Tixomirova M.Yu., 2012.
20. Xaritonova Yu.S. Upravlenie v grazhdanskom prave: problemy` teorii i praktiki: monografiya. M.: Norma: Infra-M, 2011.
21. Shitkina I.S. Soglasheniya akcionerov (dogovory` ob osushhestvlenii prav uchastnikov) kak istochnik reglamentacii korporativny`x otnoshenij // Xozyajstvo i pravo. 2011. № 2. S. 37–44.
22. O rekomendacii k primeneniyu Kodeksa korporativnogo povedeniya (vmeste s «Kodeksom korporativnogo povedeniya» ot 05.04.2002): rasporyazhenie FKCzB RF ot 04.04.2002 № 421/r // Vestnik FKCzB Rossii. 2002. 30 aprelya. № 4.
23. O Kodekse korporativnogo upravleniya: Pis`mo Banka Rossii ot 10.04.2014 № 06-52/2463 // Vestnik Banka Rossii. 2014. 18 aprelya. № 40.
24. Opredelenie VAS RF ot 11.04.2011 po delu № A27-4842/2010. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus».
25. Opredelenie Verxovnogo Suda RF ot 06.11.2015 po delu № A53-20307/2013. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus».
26. Opredelenie Verxovnogo Suda RF ot 14.04.2015 № 14-KG15-114.04.2015. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus».
27. Postanovlenie Arbitrazhnogo Suda Zapadno-Sibirskogo okruga ot 16.04.2015 po delu № A27-3466/2013. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus».
28. Postanovlenie Arbitrazhnogo Suda Central`nogo okruga ot 11.06.2015 po delu № A08-5037/2014. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus».
29. Postanovlenie FAS Ural`skogo okruga ot 20.05.2014 po delu № A50-12101/2013. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus».
30. Postanovlenie FAS Zapadno-Sibirskogo okruga ot 08.08.2013 po delu № A46-29316/2012. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus».
31. Postanovlenie Arbitrazhnogo Suda Zapadno-Sibirskogo okruga ot 29.07.2015 po delu № A03-18839/2014. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus».
32. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 24 fevralya 2004 g. № 3-P. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus».

Статья поступила в редакцию 26.04.2023; одобрена после рецензирования 29.04.2023; принята к публикации 29.04.2023.

The article was submitted 26.04.2023; approved after reviewing 29.04.2023; accepted for publication 29.04.2023.

Евразийская адвокатура. 2023. № 3 (62). С. 62.
Eurasian advocacy. 2023;(3(62)):62.

Актуальные проблемы адвокатской практики

Научная статья
УДК 347.51
doi 10.52068/2304-9839_2023_62_3_62

СУБСИДИАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КОНТРОЛИРУЮЩИХ ЛИЦ В КОНТЕКСТЕ ПРИНЦИПА ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ

ПЕТУХОВ Сергей Владимирович[1], РАЧЕЕВА Юлия Владимировна[2]
[1]Аспирант юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
125993, г. Москва, Ленинградский пр., д. 49, Российская Федерация
[2]Магистрант юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
125993, г. Москва, Ленинградский пр., д. 49, Российская Федерация

Аннотация: Цель статьи – рассмотреть субсидиарную ответственность контролирующих лиц в контексте принципа правовой определенности. Использовались анализ, индукция, формально-юридический метод. В результате авторы приходят к выводу о том, что рассмотренный институт в ряде случаев не соответствует принципу правовой определенности, что подтверждается безграничным расширением перечня контролирующих лиц, кардинально изменяющейся судебной практикой в короткий промежуток времени, а также чрезмерной дискрецией судов. Значимость статьи обусловлена выработанными предложениями, направленными на обеспечение последовательности применения субсидиарной ответственности контролирующих лиц.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность контролирующих лиц, правовая определенность, дискреция, возможность определять действия

Для цитирования: Петухов С.В., Рачеева Ю.В. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц в контексте принципа правовой определенности // Евразийская адвокатура. 2023. № 3(62). С. 62. https:// doi.org/10.52068/2304-9839_2023_62_3_62

Actual problems of advocacy practice

Original article

SUBSIDIARY LIABILITY OF CONTROLLING PERSONS IN THE CONTEXT OF THE PRINCIPLE OF LEGAL CERTAINTY

PETUKHOV Sergey Vladimirovich[1], RACHEEVA Yulia Vladimirovna[2]
[1]Postgraduate student of the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation
125993, Moscow, Leningradsky ave., 49, Russian Federation
[2]Magistratura Student of the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation
125993, Moscow, Leningradsky ave., 49, Russian Federation

Abstract: The purpose of the article is to consider subsidiary liability of controlling persons in the context of the principle of legal certainty. Analysis, induction, and the formal legal method were used. As a result, the authors come to the conclusion that the institution under consideration in some cases does not comply with the principle of legal certainty, which is confirmed by the unlimited expansion of the list of controlling persons, radically changing judicial practice in a short period of time, as well as excessive discretion of the courts. The significance of the article is due to the developed proposals aimed at ensuring consistency in the application of subsidiary liability of controlling persons.

Keywords: subsidiary responsibility of controlling persons; legal certainty; discretion; the ability to determine actions.
For citation: Petukhov S.V., Racheeva Yu.V. Subsidiary liability of controlling persons in the context of the principle of legal certainty = Eurasian advocacy. 2023;3(62):62. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2023_62_3_62

Правовая определенность, предполагающая исключение возможности произвольного толкования норм, является одним из основополагающих принципов российской правовой системы.

Принцип правовой определенности широко признан мировым сообществом и предполагает комплекс требований в рамках процесса создания правовых норм, их применения. Ясность и

© Петухов С.В., Рачеева Ю.В., 2023

недвусмысленность регулирования являются неотъемлемым элементом для реализации конституционных положений, выступающих основой российской правовой системы. И.А. Покровский указывал, что «право на определенность правовых норм есть одно из самых неотъемлемых прав человеческой личности» [1, с. 91].

По мнению исследователей, принцип правовой определенности не имеет исчерпывающих критериев оценки, но распространяется на все сферы и институты правового регулирования [2].

Юридическая ответственность, будучи одним из самых значимых институтов гражданского права, должна в полной мере соответствовать данному принципу. Обеспечение ее воплощения в гражданском обороте является обязанностью федерального законодателя.

Субсидиарная ответственность контролирующих лиц предполагает возможность изъятия из принципа ограниченной ответственности в корпоративных правоотношениях. Обязанность отвечать по обязательствам прекратившего деятельность юридического лица следует за недобросовестные или неразумные действия (бездействия), в результате которых были нарушены имущественные права кредиторов. Представленное исключение из общего правила должно использоваться в ограниченном перечне случаев, лишь в ситуациях злоупотребления конструкцией юридического лица.

Примечательно, что даже в рамках конструирования норм, заложенных в основу рассматриваемого института, законодателем использованы разные понятия. В статье 53.1 ГК РФ, посвященной ответственности органов управления, отсутствует упоминание о контролирующих лицах, используется модель лица, имеющего фактическую возможность определять действия юридического лица, в то время как в правоотношениях в сфере банкротства закреплена конструкция контролирующего должника лица.

Перечень субъектов, признаваемых контролирующими лицами и привлекаемых к субсидиарной ответственности, не является закрытым, что приводит к возникновению судебных споров, связанных с привлечением к субсидиарной ответственности в качестве контролирующего лица главного бухгалтера, членов органов управления, юристов организаций, признанных банкротом, и т. д. В большинстве случаев суды отказывают в привлечении бухгалтера к ответственности ввиду отсутствия у него возможности определять действия должника (Определение ВС РФ от 27.11.2019 № 305-ЭС19-21244 по делу № А40-161770/2014). Исключение составляют случаи включения главным бухгалтером заведомо недостоверной информации в документы общества. Еще большие вопросы вызывают попытки привлечения юристов в качестве контролирующих лиц к субсидиарной ответственности. Так, предметом рассмотрения в одном из дел было перечисление денежных средств юристу, что, по мнению суда, не может являться обстоятельством, доказывающим статус контролирующего лица (Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда № 09АП-1104/2019 по делу № А40-151891/14). Учитывая представленную тенденцию, очевидным является учет повышенных стандартов добросовестности [3].

Кроме того, несостоятельной представляется возможность признания в рассматриваемом ключе лиц, представляющих юридическое лицо по доверенности. В данном случае ключевым аспектом выступает правовая связь такого лица с обществом, а также в целом объем полномочий представителя.

Помимо этого, в целях определения статуса контролирующего лица используется модель возможности давать обязательные указания для должника. С одной стороны, предполагается наличие такой возможности при условии владения более чем половиной долей уставного капитала или голосов в общем собрании участников (акционеров). С другой – закрепляется отсутствие статуса контролирующего лица для владеющих менее 10 % уставного капитала лиц в качестве самостоятельного основания для его установления. В этой связи возникает вопрос, как оценивать возможность определять действия должника лиц, обладающих от 10 % до 50 % долей уставного капитала. Представляется, что в таком случае должен учитываться порядок принятия управленческих решений в тот период времени, который привел к нарушению прав кредиторов.

Вряд ли текущие положения Закона о банкротстве с присущими им правовыми презумпциями могут рассматриваться как обеспечивающие соблюдение принципа правовой определенности. Указанное проявляется сразу в целом ряде аспектов:

1. Использование огромного объема оценочных критериев, «каучуковых» норм (возможность определять действия, существенность вреда имущественным правам кредиторов, существенное затруднение процедур банкротства и т. д.);

2. Признание целого ряда факторов, прямо не связанных с финансовым положением должника, в качестве обстоятельств, доказывающих невоз-

можность удовлетворения требований кредиторов. Так, возникает вопрос, каким образом невнесение обязательных сведений в ЕГРЮЛ влияет на неисполнение обязательства должника (пп. 5 п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве).

Одновременно происходит расширение перечня субъектов, признаваемых контролирующими лицами, не только в правоприменительной практике, но и непосредственно в Законе о банкротстве. Следуя вектору ужесточения регулирования финансовых организаций, законодатель предусмотрел возможность установления статуса контролирующих лиц таких субъектов Банком России, который с 2021 года уполномочен вести соответствующий перечень контролирующих лиц. В результате возникает вопрос о возможности оспорить статус в судебном порядке уже непосредственно в процедуре банкротства финансовой организации.

Правовая определенность тесным образом связана с принципом состязательности, предполагающим «установление объективной истины и справедливости вынесенного судебного решения» [4]. В этой связи оценка действий контролирующих лиц должна включать в себя установление их роли в банкротстве юридического лица.

Отсутствие правовой определенности проявляется в противоречивости субсидиарной ответственности контролирующих лиц на основании п. 3.1 статьи 3 Закона об ООО, наступающей в случае исключения общества из ЕГРЮЛ в административном порядке при условии невозможности исполнения его обязательств ввиду их недобросовестных или неразумных действий.

Показательной для данного вопроса является практика ВС РФ. Так, в 2020 году он исходил из обязанности заявителя доказать причинно-следственную связь между действиями контролирующего лица и невозможностью погашения долга (дело № А21-15124/2018). В 2022 году ВС РФ отмечал необоснованность возложения в полном объеме обязанности доказывать недобросовестное или неразумное поведение (Определение от 31.05.2022 № 44-КГ22-2-К7, 2-4469/2020). Более того, в 2023 году ВС РФ пошел еще дальше, указав на переход бремени доказывания на контролирующих лиц в случае представления заявителем убедительной совокупности косвенных доказательств (дело № А56-64205/2021). Бенефициарами подобных изменений, безусловно, являются кредиторы, необходимость доказывания для которых существенно снизилась. Показательно, как при отсутствии каких-либо изменений в законодательстве субсидиарная ответственность контролирующих лиц «существенно трансформируется под влиянием правоприменительной практики» [5, с. 295].

В результате существует двоякая ситуация. С одной стороны, законодателем и правоприменителем обеспечена правовая определенность в виде создания максимально благоприятного для кредиторов института субсидиарной ответственности контролирующих лиц. С другой – сформированный механизм органично не вписывается в систему правового регулирования, устанавливая чрезмерную дискрецию судов по оценке возможности применения рассматриваемого вида гражданско-правовой ответственности. Соответственно для должников, контролирующих лиц и контрагентов сформирована ситуация правовой неопределенности.

Отсутствие какой-либо ясности также характерно для иных случаев применения субсидиарной ответственности контролирующих лиц (например, ч. 4 ст. 23.2 Федерального закона от 30.12.2004 № 214-ФЗ, направленная на защиту прав граждан – участников долевого строительства).

Сконструированная в настоящее время субсидиарная ответственность контролирующих лиц не обеспечивает защиту правомерных ожиданий, рассматриваемых Конституционным Судом РФ как возможность в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения (Постановление от 20.07.2011 № 20-П). Только принятие решений исключительно во вред кредиторам должно служить основанием для привлечения контролирующего лица к субсидиарной ответственности, иной подход изменяет саму сущность предпринимательской деятельности с характерным для нее рисковым характером.

В результате достижение принципа правовой определенности в рамках института субсидиарной ответственности контролирующих лиц возможно путем: унификации механизма применения рассмотренных институтов по Закону о банкротстве, корпоративным и иным основаниям; изменения безусловности правовых презумпций, применяемых вне зависимости от фактических обстоятельств дела; установления единых требований о возможности возложения ответственности только в случае наличия причинно-следственной связи между действиями контролирующего лица и негативными последствиями для кредиторов; закрепления единого подхода в понятии контролирующего лица для целей возложения субсидиарной ответственности.

Список источников

1. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2003.
2. Бондарь Н.С. Правовая определенность – универсальный принцип конституционного нормоконтроля (практика Конституционного Суда РФ) // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 10. С. 4–10.
3. Карелина С.А. Субсидиарная ответственность в механизме защиты прав и законных интересов участников отношений несостоятельности: современные тренды // Предпринимательское право. 2022. № 1. С. 10–18.
4. Плотников Д.А., Усцов Д.К. Особенности действия принципа состязательности на стадии возбуждения дела в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 9. С. 53–60.
5. Петухов С.В. Специфика субсидиарной ответственности контролирующих лиц // Власть закона. 2023. № 1 (53). С. 289–297.

References

1. Pokrovskij I.A. Osnovny`e problemy` grazhdanskogo prava. M.: Statut, 2003.
2. Bondar` N.S. Pravovaya opredelennost` – universal`ny`j princip konstitucionnogo normokontrolya (praktika Konstitucionnogo Suda RF) // Konstitucionnoe i municipal`noe pravo. 2011. № 10. S. 4–10.
3. Karelina S.A. Subsidiarnaya otvetstvennost` v mexanizme zashhity` prav i zakonny`x interesov uchastnikov otnoshenij nesostoyatel`nosti: sovremenny`e trendy` // Predprinimatel`skoe pravo. 2022. № 1. S. 10–18.
4. Plotnikov D.A., Usczov D.K. Osobennosti dejstviya principa sostyazatel`nosti na stadii vozbuzhdeniya dela v grazhdanskom sudoproizvodstve // Arbitrazhny`j i grazhdanskij process. 2020. № 9. S. 53–60.
5. Petuxov S.V. Specifika subsidiarnoj otvetstvennosti kontroliruyushhix licz // Vlast` zakona. 2023. № 1 (53). S. 289–297.

Статья поступила в редакцию 27.04.2023; одобрена после рецензирования 30.04.2023; принята к публикации 30.04.2023.

The article was submitted 27.04.2023; approved after reviewing 30.04.2023; accepted for publication 30.04.2023.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Евразийская адвокатура. 2023. № 3 (62). С. 66.
Eurasian advocacy. 2023;(3(62)):66.

Актуальные проблемы адвокатской практики

Научная статья
УДК 346.9
doi 10.52068/2304-9839_2023_62_3_66

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕДУРЫ МЕДИАЦИИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПОРЯДОК И УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ

ЛЕПЕШКИНА Валентина Сергеевна
Старший преподаватель кафедры гражданского права Государственного университета просвещения, начальник юридического отдела АНО «Центр по оказанию экспертных услуг»
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 1, Российская Федерация

Аннотация: Целью исследования является правовой анализ некоторых базовых правовых вопросов в отношении проведения процедуры медиации, реализуемой на основе принципов добровольности и доступности. Автор приходит к выводу, что даже с учетом низкого спроса на применение процедуры медиации со стороны субъектов предпринимательской деятельности данная процедура продолжает медленно, но стабильно входить в обычную практику разрешения споров в сфере экономической деятельности. Подтверждением этому является большое количество судебных разбирательств, прекращенных на различных стадиях арбитражного процесса в связи с заключением сторонами медиативного соглашения. Можно констатировать определенное развитие института медиации, произошедшее за годы легального существования медиации для разрешения предпринимательских споров в современной России. Однако при очевидной государственной поддержке институтов примирения на практике медиация продолжает использоваться крайне ограниченно в силу ряда нерешенных проблемных вопросов, условно подразделяемых на вопросы нормативного, организационного, экономического и психологического характера.

Ключевые слова: медиация, экономическая деятельность, судебное примирение, предпринимательский спор, процедура примирения, нотариус, медиатор, медиативное соглашение

Для цитирования: Лепешкина В.С. Правовое регулирование процедуры медиации в экономической деятельности: порядок и условия реализации // Евразийская адвокатура. 2023. № 3(62). С. 66. https:// doi.org/10.52068/2304-9839_2023_62_3_66

Actual problems of advocacy practice

Original article

LEGAL REGULATION OF MEDIATION PROCEDURE IN ECONOMIC ACTIVITY: PROCEDURE AND CONDITIONS OF IMPLEMENTATION

LEPESHKINA Valentina Sergeevna
Senior Lecturer of the Department of Civil Law of the State University of Education, Head of the Legal Department of the ANO «Center for Expert Services»
105005, Moscow, Radio str., 10A, p. 1, Russian Federation

Abstract: The purpose of the study is a legal analysis of some basic legal issues regarding the conduct of mediation, implemented on the basis of the principles of voluntariness and accessibility. The author comes to the conclusion that even taking into account the low demand for the use of mediation procedures by business entities, this procedure continues to slowly but steadily enter into the usual practice of dispute resolution in the field of entrepreneurship. This is confirmed by the large number of court proceedings terminated at various stages of the arbitration process in connection with the conclusion of a mediation agreement by the parties.

It is possible to state a certain development of the institution of mediation that has occurred over the years of the legal existence of mediation for the resolution of business disputes in modern Russia. However, with the obvious state support of reconciliation institutions in practice, mediation continues to be used extremely limited due to a number of unresolved problematic issues, conditionally subdivided into issues of a normative, organizational, economic and psychological nature.

© Лепешкина В.С., 2023

Keywords: mediation; economic activity; judicial reconciliation; business dispute; reconciliation procedure; notary; mediator, mediation agreement.

For citation: Lepeshkina V.S. Legal regulation of mediation procedure in economic activity: procedure and conditions of implementation = Eurasian advocacy. 2023;3(62):66. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2023_62_3_66

Считая целесообразным обратиться к медиации для разрешения экономического конфликта, заинтересованная сторона может самостоятельно или через медиатора (или организацию, осуществляющую деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации) направить другой стороне письменное предложение об обращении к процедуре медиации. Оно считается отклоненным, если в течение тридцати дней или иного указанного в предложении разумного срока со дня его направления сторона-инициатор не получит согласие другой стороны на применение медиации (ч. 5 и 7 ст. 7 Закона о медиации). По закону такое предложение должно содержать сведения, которые впоследствии будут включены в соглашение о проведении процедуры медиации (ч. 6 ст. 7), заключаемое между спорящими сторонами и медиатором в письменной форме (ч. 1 ст. 8), а именно сведения: 1) о предмете спора; 2) о медиаторе, медиаторах или об организации, осуществляющей деятельность по обеспечению проведения медиации; 3) о порядке проведения медиации; 4) об условиях участия сторон в расходах, связанных с проведением медиации; 5) о сроках проведения медиации [3].

С экономической точки зрения медиация далеко не всегда выгодна сторонам, учитывая доступность отечественного судопроизводства. Услуги медиатора сопоставимы по оплате с услугами представителя, однако последние считаются судебными издержками и могут быть взысканы с проигравшей в судебном процессе стороны, что не предусмотрено для расходов, связанных с проведением медиации. Законодатель в определенной мере поспособствовал росту экономической привлекательности судебной медиации, легализовав возможность возврата сторонам части госпошлины за примирение в рамках судебного процесса [3, с. 58].

Соглашение о проведении процедуры медиации является, по сути, организационным документом для участников медиации, так как момент его заключения означает начало проведения процедуры медиации (ч. 4 ст. 7 Закона о медиации). При обращении к медиации в хозяйственном споре после начала судебного разбирательства в качестве основания проведения процедуры выступает определение суда о проведении медиации. Суд выносит такое определение, получив ходатайство сторон (или одной стороны при согласии другой) о проведении медиации или согласие сторон с соответствующим предложением суда. В определении суда указываются наименования сторон, предмет спора, круг вопросов, для которых может быть использована медиация, и сроки ее проведения, которые по ходатайству сторон могут быть продлены (ст. 138.1 АПК РФ, ст. 153.2 ГПК РФ, ст. 137.2 КАС РФ).

Показательно, что в Законе о медиации четко не указаны обязательные этапы медиативной процедуры. Это еще раз подчеркивает индивидуальность каждого спора в сфере предпринимательской деятельности, которые невозможно ввести в единые рамки. В доктрине профессор А.Н. Левушкин справедливо указал, что «обеспечению баланса частных и публичных интересов при проведении примирительных процедур должно уделяться повышенное внимание в теории и правоприменительной деятельности, поскольку необходимо обеспечить интересы конфликтующих сторон» [1, с. 57]. Поэтому медиатор наделен определенной свободой по ходу урегулирования спора определять, есть ли необходимость в поступательном прохождении всех этапов медиации. Например, стоит ли медиатору после проведения предварительных консультаций со сторонами раздельно встречаться с каждой из них, если стороны уже готовы перейти непосредственно к совместным переговорам. А когда проведение совместных встреч может, по мнению медиатора, препятствовать свободному волеизъявлению сторон либо, в случаях невозможности одновременного присутствия сторон на таких встречах, в целях эффективного и скорейшего урегулирования спора медиатор может ограничиться раздельными встречами со сторонами (п. 14.2 Регламента Коллегии посредников). При необходимости проведение медиации по спорам в сфере предпринимательской деятельности возможно путем использования технических средств связи (например, аудио- и видеоконференций). Это условие может быть предусмотрено в соглашении сторон о проведении медиации, в правилах деятельности медиатора, принятых соответствующей организацией, или отдано на усмотрение медиатора по соглашению сторон.

Парадокс видится в том, что преимущества медиации, как правило, раскрываются именно в сравнении с другими способами урегулирования споров, прежде всего – судебным порядком. Показательно также то, что для содержания рекламы в сфере арбитража (третейского разбирательства) не предусмотрено подобное требование (ст. 30.2 Закона о рекламе) [4, с. 11].

Обратим внимание, что в ходе предварительных консультаций медиатор разъясняет сторонам принципы проведения медиации, порядок ее проведения в случае, когда стороны наделили его правом самостоятельного определения процедурного порядка. Говоря о широком применении медиации по спорам в сфере предпринимательской деятельности с целью создания и реализации эффективной модели разрешения спора семейно-экономического характера, обратим внимание на тенденции межотраслевого регулирования, которые обусловлены проблематикой системной организации межотраслевых связей частного права, соотношения норм различных отраслей, включая и соотношение с различными публично-правовыми отраслями [2, с. 39].

В теории и на практике обычно выделяют следующие этапы проведения процедуры медиации по экономическим спорам: возбуждение процедуры медиации по спору в сфере предпринимательства на основании соглашения сторон; подготовка к процедуре медиации – предварительные встречи медиатора (медиаторов) со сторонами (их представителями); проведение процедуры медиации (медиационной сессии) – совместные встречи медиатора (медиаторов) со всеми сторонами экономического спора (их представителями); подготовка и подписание медиативного соглашения (при достижении согласия сторонами); прекращение медиации. Основная стадия медиации в сфере предпринимательской деятельности представляет собой медиационную сессию, которая включает несколько обязательных элементов (процедур). Начинается со вступительного слова медиатора, когда он разъясняет сторонам суть процедуры, свою роль и функции сторон, обозначает правила уважительного и конструктивного общения, призывает стороны к сотрудничеству и напоминает об их ответственности за принятые договоренности. Далее стороны в присутствии медиатора вступают в переговоры: высказывают свое видение спора, свои позиции по спору, уточненные в ходе предварительных раздельных встреч с медиатором, предлагают варианты выхода из конфликта. При необходимости медиатор прерывает переговорный процесс для раздельных бесед с каждой стороной (кокусов), затем возобновляет совместное обсуждение сторонами вариантов решения спора и выбор оптимального. Медиатор должен проконтролировать жизнеспособность выработанного сторонами решения, убедиться в том, что обе стороны его одинаково понимают. Ясные, конкретные договоренности сторон вносятся в медиативное соглашение.

Российские процессуальные кодексы содержат открытый перечень возможных результатов примирения лиц, участвующих в деле по экономическому конфликту, из которого следует, что судебная медиация, т. е. применяемая после передачи спора на рассмотрение суда или третейского суда, может закончиться не только мировым соглашением и соглашением о примирении в отношении всех или части заявленных требований. В частности, результатом судебной медиации может быть полный или частичный отказ от иска (или апелляционной / кассационной жалобы, надзорной жалобы), полное или частичное признание иска, признание обстоятельств дела, соглашение по обстоятельствам дела (ч. 1 ст. 138.6, ч. 3 ст. 190 АПК РФ, ч. 1 ст. 153.7 ГПК РФ, ч. 1 ст. 137.7 КАС РФ).

Заключение сторонами медиативного соглашения означает одновременное прекращение процедуры медиации в сфере предпринимательской деятельности. Но и при недостижении согласия по имеющимся разногласиям стороны могут прекратить медиацию, заключив соответствующее соглашение о прекращении процедуры медиации без достижения согласия по имеющимся разногласиям, которое в тот же день вступит в силу. Кроме того, медиатор имеет право прекратить процедуру медиации, если придет к выводу о дальнейшей нецелесообразности и бесполезности ее проведения. Для этого он должен провести консультации со сторонами по данному вопросу, после чего направить им соответствующее письменное заявление, со дня направления которого медиация будет прекращена (ч. 3 ст. 14 Закона о медиации). Как упоминалось ранее, стороны вправе отказаться, даже в одностороннем порядке, от продолжения медиации посредством письменного заявления. Медиация будет считаться прекращенной со дня, когда медиатор получит соответствующее заявление от одной, нескольких или всех сторон (ч. 4 ст. 14). Истечение срока проведения процедуры медиации автоматически означает ее прекращение (ч. 5 ст. 14).

Сроки проведения медиации в сфере предпринимательской деятельности определяются сторонами соглашением о ее проведении, при

этом усилия медиатора и сторон должны быть направлены на прекращение медиации в срок не более шестидесяти дней (ч. 1 ст. 13 Закона о медиации). Ввиду сложности разрешаемого спора, необходимости получения дополнительной информации или документов стороны по договоренности и при согласии медиатора могут увеличить срок проведения медиации до ста восьмидесяти дней (ч. 2 ст. 13). Исключением является судебная медиация, для которой максимальный срок составляет шестьдесят дней (ч. 3 ст. 13), что соотносится со сроком отложения судебного разбирательства для использования примирительной процедуры сторонами спора (ч. 7 ст. 158 АПК РФ, ч. 1 ст. 169 ГПК РФ).

Сформулируем основные выводы в отношении порядка проведения процедуры медиации в сфере предпринимательства.

1. Основная стадия медиации в сфере предпринимательской деятельности представляет собой медиационную сессию, которая включает несколько обязательных элементов (процедур). Немаловажно, что по итогам ее проведения медиатор должен проконтролировать жизнеспособность выработанного сторонами решения, убедиться в том, что обе стороны его одинаково понимают. Конкретные договоренности сторон вносятся в медиативное соглашение.

Главный итог данного этапа, да и всей процедуры медиации – заключение сторонами по своему спору или по отдельным разногласиям в рамках этого спора письменного медиативного соглашения.

2. Доказано, что в законодательстве предусмотрена модель интегративной медиации, предполагающей совместную выработку сторонами решения, не только отвечающего интересам сторон, но и позволяющего говорить об эффективности стратегии сотрудничества «win-win».

3. В Законе о медиации четко указано основание применения процедуры медиации, в том числе в сфере предпринимательской деятельности, и заданы общие требования к порядку ее проведения, детали которого стороны вправе определять самостоятельно, в том числе выбирая правила проведения медиации, принятые конкретной организацией, осуществляющей деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации. Такие организации должны разрабатывать свои правила и стандарты профессиональной деятельности медиаторов, в том числе с опорой на кодексы профессиональной этики медиаторов, разрабатываемые СРО медиаторов. Однако медиатор обладает достаточной свободой определять методику ведения медиации, оптимальную для конкретного спора. К профессиональным медиаторам не предъявляется требование иметь именно юридическое образование – достаточно любого высшего, которое в любом случае необходимо дополнить прохождением специальной программы по подготовке медиаторов. Однако в профессиональный корпус медиаторов включается много юристов, в том числе действующие адвокаты и судьи в отставке; нотариусы пока не могут действовать в качестве медиаторов на платной основе, хотя бесспорно используют в своей работе медиативные технологии.

Список источников

1. Левушкин А.Н. Направления совершенствования Семейного кодекса Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2018. № 1. С. 55–57.
2. Левушкин А.Н. К вопросу о понятии, предмете и системе семейного права России и других государств – участников СНГ на современном этапе развития // Семейное и жилищное право. 2013. № 5. С. 36–39.
3. Лепешкина В.С. Проблемные вопросы развития медиации по спорам в сфере предпринимательской деятельности в современной России // Евразийская адвокатура. 2022. № 1 (56). С. 56–63.
4. Лепешкина В.С. Особенности применения медиации по спорам в сфере предпринимательской деятельности супругов // Семейное и жилищное право. 2021. № 5. С. 10–14.

References

1. Levushkin A.N. Napravleniya sovershenstvovaniya Semejnogo kodeksa Rossijskoj Federacii // Semejnoe i zhilishhnoe pravo. 2018. № 1. S. 55–57.
2. Levushkin A.N. K voprosu o ponyatii, predmete i sisteme semejnogo prava Rossii i drugix gosudarstv – uchastnikov SNG na sovremennom e`tape razvitiya // Semejnoe i zhilishhnoe pravo. 2013. № 5. S. 36–39.
3. Lepeshkina V.S. Problemny`e voprosy` razvitiya mediacii po sporam v sfere predprinimatel`skoj deyatel`nosti v sovremennoj Rossii // Evrazijskaya advokatura. 2022. № 1 (56). S. 56–63.
4. Lepeshkina V.S. Osobennosti primeneniya mediacii po sporam v sfere predprinimatel`skoj deyatel`nosti suprugov // Semejnoe i zhilishhnoe pravo. 2021. № 5. S. 10–14.

Статья поступила в редакцию 01.06.2023; одобрена после рецензирования 06.06.2023; принята к публикации 06.06.2023.

The article was submitted 01.06.2023; approved after reviewing 06.06.2023; accepted for publication 06.06.2023.

Евразийская адвокатура. 2023. № 3 (62). С. 70.
Eurasian advocacy. 2023;(3(62)):70.

Актуальные проблемы адвокатской практики

Научная статья
УДК 347.965
doi 10.52068/2304-9839_2023_62_3_70

ЗАЩИТА ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В ИНТЕРНЕТЕ

СИНГЛЕЕВА Баира Анатольевна[1], ЖДАНОВ Станислав Константинович[2],
ПЕТРОВА Виктория Юрьевна[3], ОЛЧАНОВА Цаган Валерьевна[4], УСКОВА Альбина Станиславовна[5]
[1]Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права юридического факультета Государственного университета просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10, стр. 1, Российская Федерация
[2]Магистр Государственного университета просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10, стр. 1, Российская Федерация
[3]Кандидат технических наук, доцент кафедры гражданского права юридического факультета Государственного университета просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10, стр. 1, Российская Федерация
[4]Кандидат исторических наук, доцент кафедры гражданского права Государственного университета просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10, стр. 1, Российская Федерация
[5]Кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Государственного университета просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10, стр. 1, Российская Федерация

Аннотация: Авторы выявляют особенности защиты деловой репутации юридических лиц в сети «Интернет», определяя ключевые проблемные моменты. Статья направлена на выявление способов защиты вышеуказанных правовых категорий юридических лиц с учетом особенностей распространения информации в Интернете, а также возможных юридических последствий данных действий.

Ключевые слова: честь, сведения в Интернете, юридическое лицо, защита информации, деловая репутация, цифровые технологии, сведения, порочащие честь и достоинство, диффамация, Интернет, достоинство

Для цитирования: Синглеева Б.А., Жданов С.К., Петрова В.Ю., Олчанова Ц.В., Ускова А.С. Защита деловой репутации юридического лица в Интернете // Евразийская адвокатура. 2023. № 3(62). С. 70. https:// doi.org/10.52068/2304-9839_2023_62_3_70

Actual problems of advocacy practice

Original article

PROTECTION OF THE BUSINESS REPUTATION OF A LEGAL ENTITY ON THE INTERNET

SINGLEEVA Baira Anatolyevna[1], ZHDANOV Stanislav Konstantinovich[2],
PETROVA Victoria Yurievna[3], OLCHANOVA Tsagan Valeryevna[4], USKOVA Albina Stanislavovna[5]
[1]Candidate of Law, Associate Professor of the Faculty of Civil Law, Faculty of Law of the State University of Education
105005, Moscow, Radio str., 10A, p. 1, Russian Federation
[2]Master, State University of Education
105005, Moscow, Radio str., 10A, p. 1, Russian Federation
[3]Candidate of Technical sciences, Associate Professor of the Faculty of Civil Law, Faculty of Law of the State University of Education
105005, Moscow, Radio str., 10A, p. 1, Russian Federation
[4]Candidate of History, Associate Professor of the Department of Civil Law of State University of Education
105005, Moscow, Radio str., 10A, p. 1, Russian Federation
[5]Candidate of Law, Associate Professor of the Faculty of Constitutional and Municipal Law, Faculty of Law of the State University of Education
105005, Moscow, Radio str., 10A, p. 1, Russian Federation

© Синглеева Б.А., Жданов С.К., Петрова В.Ю., Олчанова Ц.В., Ускова А.С., 2023

Abstract: In this paper, the authors investigate the specifical of protecting the business quality of legal entities on the Internet, identifying key problematic points. This article is aimed at identifying ways to protect the business reputation, honor and dignity of legal entities, taking into account the peculiarities of information dissemination on the Internet, as well as possible legal consequences of these actions.

Keywords: honor, dignity, business reputation, information on the Internet, legal entity, information protection, digital technologies, information discrediting honor and dignity, defamation, Internet

For citation: Singleeva B.A., Zhdanov S.K., Petrova V.Yu., Olchanova Ts.V., Uskova A.S. Protection of the business reputation of a legal entity on the Internet = Eurasian advocacy. 2023;3(62):70. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2023_62_3_70

Актуальность выбранной тематики исследования обусловлена спецификой размещения и использования информации в сети «Интернет», а также необходимостью эффективной защиты и поддержания деловой репутации юридических лиц. Особенно важно предотвратить незаконное распространение третьими лицами информации, которая порочит честь и достоинство различных субъектов правоотношений.

В исследованиях отечественных авторов, как подчеркивают С.С. Шевцов и С.А. Киракосян, «бренд», «имидж» и «goodwill» являются основными составляющими понятия «деловая репутация» Данные категории тесно связаны между собой, однако лишь в комплексе могут отражать понятие «деловой репутации» [8]. Это обусловлено тем, что, к примеру, составляющие категории «бренд» будут являться предметом защиты права интеллектуальной собственности, а «имидж» и «goodwill» – термины социально-экономического плана, отражающие статус юридического лица на рынке поставщиков, а также в потребительской аудитории.

Конкретизация предмета и объекта права интеллектуальной собственности в различных источниках информации содержится в российском законодательстве. Несколько сложнее с выявлением лиц, нарушающих данные права в Интернете, где в большинстве случаев настоящие данные пользователей скрыты либо их достоверность подвергается сомнению. Кроме того, размещение информации в сети предполагает ее публичное использование, однако размещение тех данных и сведений, которые снижают статус деловой репутации юридического лица, не всегда возможно своевременно опровергнуть. Также маловероятно отследить использование открытой информации о юридических лицах в незаконных целях.

В связи с вышеуказанными противоречиями нами была конкретизирована цель исследования – изучение специфики защиты деловой репутации юридических лиц в сети «Интернет».

Объект работы – деловая репутация юридических лиц, предмет – защита репутации в Интернете.

Цель нашей работы будет достигнута при решении следующих исследовательских задач:

1. Конкретизация юридической категории «деловая репутация»;

2. Определение специфики содержания деловой репутации юридических лиц в Интернете;

3. Изучение способов и методов защиты деловой репутации юридических лиц в Интернете.

Данные задачи предполагают использование методологической базы исследования в виде публикаций современных авторов по тематике защиты чести и деловой репутации в РФ (Е.А. Амосов, А.Б. Джалсанов, А.А. Лапшин), конкретизации данной юридической категории в Интернете (А.Ю. Буйкин, Л.В. Магдилова, К.Т. Рагимханова), а также по проблемам защиты чести и достоинства в сети «Интернет» (Ю.С. Гокунь, С.А. Логачева и пр.). Важность тематики исследования подчеркивается еще и тем, что защита деловой репутации, чести и достоинства является неотъемлемым правом каждого человека, даже как участника юридического лица, и поэтому подлежит реализации в установленном законом порядке. Риск нарушения данных нематериальных прав в Интернете максимально велик, а способы их защиты могут быть недостаточно эффективны, так как опровергнуть недостоверные сведения своевременно и в полном объеме не всегда возможно. Именно поэтому необходимо не только совершенствовать законодательство, но и расширять правоприменительную практику защиты репутации юридических лиц в Интернете.

Юридическая категория «деловая репутация» в отечественной литературе

Правовая категория «деловая репутация» рассматривается в отечественной научной литературе с различных точек зрения, так как носит сложный, комплексный характер. Репутация юридического лица в сфере бизнеса формируется в течение достаточно длительного промежутка времени, а вот ее утрата возможна гораздо в более короткий период [8].

В ранний период развития нашего государства защита чести, достоинства как неотъемлемых

компонентов нынешней деловой репутации регламентировалась советским законодательством. Впервые закон определил защиту данных прав граждан в статье 7 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, которые вступили в действие в 1962 году, а затем конкретизировал ее в ст. 7 ГК РСФСР 1964 г.

В более поздний период граждане были наделены правом требований опровержения сведений, порочащих честь и достоинство, если подобные сведения не будут доказаны как достоверные [8]. По отношению к юридическим лицам данное право реализовать несколько сложнее, так как в исследовательской литературе нет однозначного ответа на вопрос о содержании ущемления права деловой репутации. К примеру, по мнению Е.А. Ковалева и В.Д. Шевчука, для юридического лица невозможно требовать возмещения морального вреда как последствия нарушений сведений о деловой репутации в контексте того, что моральный вред включает переживания: моральные и нравственные страдания. Безусловно, данные чувства и эмоции юридическое лицо испытать не может. При этом А.В. Шичанин, ссылаясь на п. 7 ст. 152 ГК РФ, определяет аналогию права юридических и физических лиц на защиту деловой репутации, так как юридическое лицо не может существовать без участия физических лиц, которые, конечно, таким правом обладают.

Также, как отмечает С.А. Логачева, очень сложно реализовать нормы гражданского законодательства Российской Федерации, которые регламентируют процедуру защиты нематериальных благ, не раскрывая содержание защищаемого блага [6]. В современном законодательстве, отмечает данный автор, отсутствует четкое понимание деловой репутации, а в соответствии с этим и перечень субъектов правоотношений, которые могут требовать защиты данного права.

Деловая репутация в контексте современной цифровизации общества – понятие достаточно динамичное и не имеющее четких рамок. Компания, фирма или иное юридическое лицо, самостоятельно размещая информацию в средствах массовой информации, в том числе сети «Интернет», могут формировать содержание репутации, границы, ее обозначающие.

Специфика содержания деловой репутации юридических лиц в Интернете

Исследуя понимание деловой репутации в современной юридической практике, необходимо обращать внимание на те сведения, которые снижают статус и репутацию, важные для юридического лица, особенно при размещении в сети «Интернет». Л.В. Магдилова и К.Т. Рагимханова определяют, что деловая репутация может носить как положительный, так и отрицательный характер, и ее содержание в средствах массовой информации определяется самим юридическим лицом [7].

Поэтому само право на защиту данной репутации является абсолютным, а не относительным, то есть распространяется на защиту от посягательства неопределенного круга субъектов, что так актуально для сети «Интернет», где пользователей бесчисленное множество.

Опираясь на исследования различных авторов (Е.А. Амосов, С.С. Шевцов, С.А. Киракосян и пр.), необходимо выделить признаки деловой репутации юридического лица, которые могут быть отражены и в Интернете:

1. Преобладание в данном понятии экономических элементов, что отражает возможности использования наименования, бренда, системы бонусов, рекламы и пр. в целях получения прибыли. Размещая информацию в сети «Интернет», представители юридического лица ожидают привлечения покупательской аудитории, возможных инвесторов, потенциальных партнеров. Поэтому все сведения, подаваемые субъектами предпринимательской и иной деятельности, априори являются достоверными и важными.

2. Деловую репутацию можно оценить как признак индивидуализации юридического лица, которая отражает различия в содержании, структуре деятельности и иных характеристик различных юридических лиц. При размещении сведений в СМИ, в сети «Интернет» юридические лица, даже схожие по многим признакам, стараются конкретизировать свои отличительные особенности.

3. Данный признак отражает особенности формирования собственно деловой репутации юридического лица, процесс и момент возникновения которой неоднозначны. Одни исследователи считают, что деловая репутация начинает формироваться с момента возникновения юридического лица, размещения информации о нем в средствах массовой информации, в том числе в Интернете. Другие говорят о том, что она создается годами, и вся информация, которая аккумулируется, к примеру, в социальных сетях, на сайтах, в виде официальных сведений, отзывов и комментариев, также существенно влияет на процесс ее создания.

4. Стоимостная оценка в отношении юридического лица. В соответствии с п. 1 ст. 1042 Гражданского кодекса РФ деловая репутация может

быть результатом вклада товарищей в общее дело, и поэтому достаточно сложно определить круг лиц, которые могут размещать данные о деятельности юридического лица, его специфике, характерных особенностях и иных деталях, важных для бизнеса. При положительном формировании репутации данные вклады должны иметь денежную оценку (к примеру, оплату услуг по рекламе или продвижению товаров не специально нанятым менеджерам, а участникам юридического лица). А при формировании отрицательного имиджа юридическое лицо может претендовать на возмещение морального и материального ущерба. Это может реализовываться в контексте некоторых противоречий, особенно если отрицательную оценку сформировал участник юридического лица. Актуализируется вопрос о том, кто же может требовать защиты законных прав, которые являются предметом нашего исследования.

Актуальность защиты деловой репутации юридических лиц в Интернете

Выявив ранее важность защиты деловой репутации юридических лиц как субъектов правоотношений, необходимо конкретизировать потенциальные способы ее защиты.

В соответствии со ст. 15.1 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [11] определен порядок идентификации интернет-ресурсов, на которых размещена запрещенная в РФ информация. При этом определяются перечень информации и цифровые реквизиты интернет-сайтов, которые необходимо проверять. Однако в данный перечень сведения, которые вредят деловой репутации юридического лица, не включаются в случаях, когда они не признаны таковыми в судебном порядке. Исходя из этого, не имея предмета для правоприменительной деятельности, достаточно сложно реализовать правозащитные функции относительно различных компонентов деловой репутации юридических лиц в Интернете.

Особые способы защиты деловой репутации определены в ст. 152 ГК РФ, и они важны в контексте разрешения вопросов, связанных с унижением деловой репутации. В данной статье определено, что гражданин может обратиться с требованием удаления информации, размещенной в сети «Интернет» (п. 5), если разместивший не докажет достоверность и правильность данной информации [10]. Таким образом, здесь можно говорить о том, что представитель юридического лица может выступить в суде с подобным требованием как ущемляющим личное право и желанием возмещения морального либо материального вреда в случае, если известен субъект, разместивший сведения, которые наносят ущерб статусу и достоинству юридического лица. При этом может возникнуть противоречие, которое не позволяет своевременно опровергнуть или удалить информацию от неустановленного лица, в особенности в случае блокировки сайтов либо групп, где она размещена, законными владельцами.

Ситуации, при которых истец вправе требовать удаления неправомерной информации, регламентируются гл. 76 ГК РФ, которая определяет права на средства индивидуализации юридических лиц. В подобных случаях за незаконное использование изображений, брендов, знаков, этикеток и прочих символов индивидуализации подлежат привлечению к ответственности лица, которые совершили данное деяние. При этом также возможно судебное разбирательство по заявлению истца о возмещении морального либо материального вреда. Однако данные действия законодательно не регулируются и невозможны к разрешению в случаях, когда пользователь, разместивший недостоверные сведения в Интернете, неизвестен. Закон не ограничивает возможности избирания законных способов, при помощи которых осуществляется охрана и поддержание деловой репутации юридического лица. Поэтому в случаях, когда ответчик известен, возможна реализация такого юридического понятия, как диффамация, которая позволяет обеспечить защиту нематериальных благ, к которым относится и защита деловой репутации. Данное понятие можно использовать в случаях, когда неправомерные высказывания или размещение недостоверной информации повлекли за собой моральный либо материальный вред для гражданина. В действующем российском законодательстве термин «диффамация» отсутствует, однако он, будучи в нашей стране более научной, нежели юридической категорией, может способствовать разрешению данной проблематики.

В контексте отечественной юридической практики [2] необходимо отметить, что ответственности подлежат не только авторы информации, порочащей деловую репутацию, но также и лица, которые ее распространили. Это является важным моментом при определении круга лиц, подлежащих ответственности в делах о защите информации о юридических лицах в Интернете, даже если она относится к категории общего пользования.

Заключение

Данное исследование направлено на определение основных способов и методов защиты деловой репутации юридического лица в Интернете.

При этом специфика вопроса состоит в определении как истца, которым в данном случае выступает юридическое лицо, не характеризующееся морально-нравственными качествами, чувствами и эмоциями, так и ответчика, который в большинстве случаев остается неизвестным в силу специфики сети «Интернет», где установить достоверность размещаемых сведений достаточно сложно.

Основные проблемы, которые выявлены нами при исследовании возможностей защиты деловой репутации:

1. Сведения, включаемые в понятие деловой репутации, которые рассматриваются судом как подлежащие защите, должны быть оценены с точки зрения возможности проверки на достоверность и доказательность правды. В противном случае они не могут являться предметом защиты в отечественном гражданском праве. В данном случае мы наблюдаем противоречие между правом на защиту вышеуказанных категорий юридических лиц и их обязанностью доказать недостоверность либо вред размещенных сведений в Интернете.

2. Удаление сведений, порочащих деловую репутацию в сети «Интернет», не может быть фактором прекращения требований представителей юридического лица о защите подобных прав. Это обусловлено тем, что не может быть установлен круг лиц, которые могли ознакомиться с данной информацией. При этом истцу необходимо представить доказательства наличия подобной информации в Интернете (скриншоты, фотографии). Однако даже сбор сведений о недостоверности информации, предоставление в суд доказательств этого не обеспечивает полноценные гарантии обеспечения законных прав субъекта хозяйствующей деятельности.

3. Обязательное право на защиту деловой репутации юридического лица сопровождается не всегда возможным установлением нарушителя данного права. Данный факт объясняется тем, что практически невозможно установить исполнителя и место совершения правонарушения. В данном случае заявление представителя юридического лица будет рассмотрено в контексте ст. 27 Кодекса административного судопроизводства РФ о соответствии либо несоответствии сведений, где основой будут являться доказательства заявителя или других заинтересованных лиц. Однако возможность возмещения вреда и восстановления деловой репутации не всегда является реальной.

Именно поэтому в качестве перспектив нашего исследования важно определить возможность законодательного закрепления понятия «деловая репутация юридического лица в Интернете», его содержания и возможностей защиты.

Список источников

1. Амосов Е.А. Защита чести, достоинства и деловой репутации в Российской Федерации // Отечественная юриспруденция. 2019. № 3 (35). С. 10–13.
2. Буйкин А.Ю. Особенности правовой защиты от диффамации в условиях развития глобальной сети «Интернет» // Вестник Московской международной академии. 2018. № 2. С. 34–49.
3. Джалсанов А.Б. Защита деловой репутации юридического лица // Вестник науки. 2019. № 6 (15). С. 146–150.
4. Гокунь Ю.С. Удаление информации из сети «Интернет» как способ защиты чести, достоинства и деловой репутации // Вопросы российской юстиции. 2021. № 12. С. 113–120.
5. Лапшин А.А. Способы защиты деловой репутации юридических лиц и их особенности // Социально-экономические явления и процессы. 2017. № 5. С. 184–187.
6. Логачева С.А. Проблемы защиты деловой репутации юридического лица, право которого нарушено в сети «Интернет» // Вестник науки. 2022. № 12 (57). С. 46–49.
7. Магдилова Л.В., Рагимханова К.Т. Защита деловой репутации юридических лиц в сети «Интернет» // Государственная служба и кадры. 2021. № 4. С. 122–124.
8. Шевцов С.С., Киракосян С.А. Деловая репутация в условиях развития цифровых технологий // Legal Bulletin. 2020. № 2. С. 27–31.
9. Филоретова Т.С. Защита деловой репутации юридических лиц от порочащих сведений, распространенных в Интернете // Наука и современность. 2010. № 1–3. С. 1–4.
10. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 14.04.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.04.2023).
11. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2023).

References

1. Amosov E.A. Zashhita chesti, dostoinstva i delovoj reputacii v Rossijskoj Federacii // Otechestvennaya yurisprudenciya. 2019. № 3 (35). S. 10–13.
2. Bujkin A.Yu. Osobennosti pravovoj zashhity` ot diffamacii v usloviyax razvitiya global`noj seti «Internet» // Vestnik Moskovskoj mezhdunarodnoj akademii. 2018. № 2. S. 34–49.
3. Dzhalsanov A.B. Zashhita delovoj reputacii yuridicheskogo licza // Vestnik nauki. 2019. № 6 (15). S. 146–150.
4. Gokun` Yu.S. Udalenie informacii iz seti «Internet» kak sposob zashhity` chesti, dostoinstva i delovoj reputacii // Voprosy` rossijskoj yusticii. 2021. № 12. S. 113–120.
5. Lapshin A.A. Sposoby` zashhity` delovoj reputacii yuridicheskix licz i ix osobennosti // Social`no-e`konomicheskie yavleniya i processy`. 2017. № 5. S. 184–187.

6. Logacheva S.A. Problemy` zashhity` delovoj reputacii yuridicheskogo licza, pravo kotorogo narusheno v seti «Internet» // Vestnik nauki. 2022. № 12 (57). S. 46–49.
7. Magdilova L.V., Ragimxanova K.T. Zashhita delovoj reputacii yuridicheskix licz v seti «Internet» // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry`. 2021. № 4. S. 122–124.
8. Shevczov S.S., Kirakosyan S.A. Delovaya reputaciya v usloviyax razvitiya cifrovy`x texnologij // Legal Bulletin. 2020. № 2. S. 27–31.
9. Filoretova T.S. Zashhita delovoj reputacii yuridicheskix licz ot porochashhix svedenij, rasprostranenny`x v Internete // Nauka i sovremennost`. 2010. № 1–3. S. 1–4.
10. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast` pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 14.04.2023) (s izm. i dop., vstup. v silu s 28.04.2023).
11. Federal`ny`j zakon ot 27.07.2006 № 149-FZ (red. ot 29.12.2022) «Ob informacii, informacionny`x texnologiyax i o zashhite informacii» (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.03.2023).

Статья поступила в редакцию 22.05.2023; одобрена после рецензирования 26.05.2023; принята к публикации 26.05.2023.

The article was submitted 22.05.2023; approved after reviewing 26.05.2023; accepted for publication 26.05.2023.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Проведем оценку имущества для любых целей:

- ✓ Недвижимости для оспаривания кадастровой стоимости
- ✓ Ущерба от залива, пожара, действий третьих лиц, после ДТП
- ✓ Бизнеса, ценных бумаг, нематериальных активов
- ✓ Движимого и недвижимого имущества
- ✓ Машин и оборудования

Бесплатная консультация
Срок исполнения от 1 часа
Доставка отчетов курьером

Выполнение с учетом требований законодательства

Проведем профессиональную экспертизу:

Строительно-техническую
Землеустроительную
Инженерно-технологическую
Пожарно-техническую
Автотехническую
Почерковедческую
Подлинности документов
Оценочную
Товароведческую
Бухгалтерскую

Профессионализм экспертов и современные методики проведения исследований в сжатые сроки обеспечивают максимально достоверные результаты!

Входим в ТОП-70 крупнейших компаний России, работающих на рынке оценки. *

*По итогам 2017 года согласно рейкингу Рейтингового агентства RAEX («Эксперт РА»)

Платинум
группа компаний

м. Электрозаводская,
г. Москва, пл. Журавлева, д. 2, стр. 2, офис 321
ocenka-m.com • info@ocenka-m.com
8 (800) 100-50-01 • 8 (495) 308-15-15

Евразийская адвокатура. 2023. № 3 (62). С. 76.
Eurasian advocacy. 2023;(3(62)):76.

Правосудие и правоохранительная деятельность в евразийском пространстве
Научная статья
УДК 343.01
doi 10.52068/2304-9839_2023_62_3_76

ОБ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ КАК СКАНДАЛЕ (SCANDALUM), ИЛИ ЭМОТИВИСТСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

МИРОШНИЧЕНКО Даниил Викторович
Кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой адвокатуры и уголовно-правовых дисциплин Российской академии адвокатуры и нотариата
105120, г. Москва, Малый Полуярославский пер., д. 3/5, стр. 1, Российская Федерация

Аннотация: Цель работы – сформировать теоретические основания для эмотивистского понимания общественной опасности в уголовном праве.

В статье критикуется взгляд на общественную опасность с позиции объективизма. Объективизм – это познавательная установка, ориентированная на реальность объектов познания, независимо от разума и человеческой воли. Выражается мысль, что в науке и практике нет таких критериев, которые бы предопределяли состоятельность объективистской концепции, кроме идеологической предпосылки об уверенности в том, что познание преступлений не зависит от разума законодателя, что законодатель способен отражать общественную опасность как объективную данность. Эта позиция не выдерживает критики, во-первых, по основанию интерпретации поступков человека и их зависимости от контекста восприятия, во-вторых, из-за отсутствия критериев точного определения общественно опасных деяний. Приводится мысль, что сами деяния не являются общественно опасными, а становятся таковыми в результате ценностного взаимодействия общества и отдельных индивидов. Поступки, нарушающие общественный порядок, расцениваются как отрицающие существующие ценности, а потому порождающие скандал (scandalum) – эмоциональную реакцию на нарушение норм общежития. Наиболее отчетливо общественная опасность определяется посредством понятия преступления, в котором эмоциональная реакция выходит на уровень возмездия (мести) за совершенное деяние. Анализируя историю развития представлений о скандале, автор замечает логическую линию, проходящую сквозь труды каноистов Средневековья и сохраняющую актуальность вплоть до настоящего времени. Скандал и общественная опасность – в эмотивистской концепции равные по своему значению понятия, которые следует оценивать сквозь призму ценностной природы человеческих взаимодействий и реакций на их нарушение.

Статья обладает достаточной научной ценностью, поскольку в ней предлагается новый взгляд на одну из традиционных проблем уголовного права – общественную опасность.

Ключевые слова: общественная опасность, преступление, общество, индивид, личность, общее благо, ценности, социальный порядок, скандал (scandalum), эмотивизм

Для цитирования: Мирошниченко Д.В. Об общественной опасности как скандале (scandalum), или эмотивистская концепция преступления // Евразийская адвокатура. 2023. № 3(62). С. 76 https:// doi.org/10.52068/2304-9839_2023_62_3_76

Justice and law-enforcement activity in the eurasian space
Original article

ABOUT PUBLIC DANGER AS A SCANDAL (SCANDALUM) OR AN EMOTIVIST CONCEPT OF CRIME

MIROSHNICHENKO Daniil Viktorovich
Candidate of Law, Associate professor, Deputy Head of the Department of Advocacy and Criminal Law Disciplines of the Russian Academy of Advocacy and Notary
105120, Moscow, Maly Poluyaroslavsky lane, 3/5, p. 1, Russian Federation

Abstract: The aim of the work is to form theoretical foundations for an emotivist understanding of social danger in criminal law.

© Мирошниченко Д.В., 2023

The article criticizes the view of social danger from the position of objectivism. Objectivism is a cognitive attitude focused on the reality of objects of knowledge, regardless of reason and human will. The idea is expressed that in science and practice there are no such criteria that would determine the validity of the objectivist concept, except for the ideological premise that the knowledge of crimes does not depend on the mind of the legislator, that the legislator is able to reflect public danger as an objective given. This position does not stand up to criticism on the basis of the interpretation of human actions and their dependence on the context of perception, secondly due to the lack of criteria for the precise definition of socially dangerous acts. The idea is given that the acts themselves are not socially dangerous, but become so as a result of the value interaction of society and individuals. Actions that violate public order are regarded as denying existing values, and therefore generating a scandal (scandalum) – an emotional reaction to the violation of the norms of the hostel. The public danger is most clearly defined by the concept of crime, in which the emotional reaction reaches the level of retribution (revenge) for the committed act. Analyzing the history of the development of ideas about the scandal, the author notices a logical line that runs through the works of canonists of the Middle Ages and remains relevant up to the present time. Scandal and social danger in the emotivist concept are equal in meaning concepts that should be evaluated through the prism of the value nature of human interactions and reactions to their violation.

The article has sufficient scientific value, since it offers a new look at one of the traditional problems of criminal law – social danger.

Keywords: public danger, crime, society, individual, personality, common good, values, social order, scandal (scandalum), emotivism

For citation: Miroshnichenko D.V. About public danger as a scandal (scandalum) or an emotivist concept of crime = Eurasian advocacy. 2023;3(62):76. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2023_62_3_76

Одно из значительных затруднений в науке уголовного права продолжает вызывать категория общественной опасности, ее природа. Являясь признаком преступления, эта категория оказывает большое влияние на дифференциацию и индивидуализацию уголовной ответственности, уголовную политику государства. Но вместе с тем при определении ее в качестве онтологической (бытийственной) категории для понятия преступления возникает вопрос о ее уяснении: что представляет собой общественная опасность? В рамках объективистской концепции, следующей из марксистско-ленинского учения, общественная опасность представляет собой объективно существующее и познаваемое разумом свойство деяний быть вредоносными для данной системы общественных отношений [7]. Объективизм рассматривает это свойство (общественную опасность) как поддающееся принципиальному познанию. Любой акт познания определяется по меньшей мере двумя характеристиками: это объект и субъект познания. Считается очевидным, что объектом познания являются поступки, ведь именно они становятся предметом описания в уголовно-правовых нормах, а субъекты – это те лица, в полномочия которых входит принятие уголовных законов. Именно на них возложена задача обеспечивать социальный порядок, в том числе и уголовно-правовыми средствами. Однако проблема состоит в том, что в действительности поступки не могут обладать общественной опасностью как свойством, точно так же как любые вещи реальной действительности не обладают сами по себе характеристиками красоты, добра или зла. Все эти характеристики носят социетальный характер, они как бы «наслаиваются на действительность», позволяя индивидам эту действительность осваивать, подчинять их разуму. Осознать это просто, если вспомнить, что убийство не всегда общественно опасно: например, во время военных действий или смертной казни оно не рассматривается как общественно опасное. Эти действия, по сути являясь умышленным причинением смерти другому человеку, не опасны не потому, что их природа другая, а потому, что одно и то же действие воспринимается в различных контекстах действительности, а потому и с разной общественной реакцией. Убийство на войне врага не равнозначно убийству в мирной жизни. Отсюда следует вопрос: что объективирует общественную опасность деяний? С этим вопросом связан еще один: если общественная опасность объективна, значит есть объективный критерий (мерило), в соответствии с которым можно с точностью определять, что то или иное деяние общественно опасно, другое – не опасно, а третье, например, является административным проступком или гражданским деликтом.

Во-первых, не существует какого-либо точного критерия определения общественной опасности, поскольку в целом преступность исторически изменчива и зависит от социокультурной и экономической обусловленности. Поэтому то или иное деяние не может обладать строгой референцией общественной опасности, когда в подчинении контексту восприятия оно таковым (опасным) перестает быть. Во-вторых, отсутствует необходимый критерий определения общественной опас-

ности в той или иной форме деяния (нельзя в точности сказать, почему это деяние обладает опасностью, а то, тоже противоправное, не обладает или, если и обладает, то в минимальной степени). Последний тезис усложняется, например, административной преюдицией [6].

При всей проблематичности категории «общественная опасность» в науке она продолжает оставаться объективной категорией, хотя очевидно, что она оценочная и интерпретируемая. Условия восприятия ее действительности в науке чаще связывают с правосознанием, понятие которого не вносит ясности в вопрос об эмпирическом свойстве общественной опасности деяний. Как писал В.Е. Жеребкин, правосознание – это внелогическое и иррациональное понятие, с помощью которого «общественно опасные деяния» можно искусственно выделить из массы других социальных действий, поскольку других логических критериев для этого нет [5]. Правосознанием можно объяснить любой акт криминализации, а вопрос о действительности (истинности) в этом случае становится неактуальным или отходит на второй план. Идеологически, например, концепт «правосознания» становится очень удобным для объяснения позиции по вопросу криминализации, если она находит поддержку в обществе. Общество соглашается, исходя из призмы ценностей, с тем, что данное деяние заслуживает уголовного преследования.

Здесь высвечивается еще один вопрос – о социальной реакции на акт криминализации или совершенного преступления. Если обратить внимание на свойство акта, который вызывает в нас (людях) чувство горести, радости, обиды и т. п., то окажется, что не само действие вызывает такого рода реакцию, а действие *со стороны конкретного субъекта* (лица), который своим поведением нарушает сложившийся социальный порядок, основанный на определенных ценностях. Если реакции нет, нет того, кто возмущает спокойствие своим актом действия (бездействия), значит либо нет общественной опасности и деяние не рассматривается как преступление, либо нет того, кто заслуживает в связи со своим действием возмездия (мести). В первом случае вред может быть причинен в результате стихийного бедствия (могут погибнуть люди); во втором случае вред причиняется, например, наказанием за преступление. Негативная общественная реакция на деяние появляется как реакция на несправедливость, некое зло, которое облечено в нормативную форму запрета и наказания в случае его нарушения. Стало быть, деяние не может быть общественно опасным без общественной реакции, которая является естественным отражением чувства опасности и негодования по поводу произошедшего деяния.

Для подтверждения гипотезы об эмотивистской природе общественной опасности обратимся к истории, в первую очередь к трудам канонистов Средних веков. Именно в их работах впервые была выражена идея о необходимой связи между тяжестью греха и общественной реакцией на него. Так, П. Абеляр в своей «Этике» выделил ряд существенных отличительных признаков преступного греха. Во-первых, преступным может быть только тяжкий грех, исходным основанием для определения которого являются смертные грехи (ведущие к духовной смерти); мелкие грехи не являются преступлениями на церковном суде. Во-вторых, грех должен быть проявлен в деянии (греховный помыслы подсудны лишь «небесному форуму»). В-третьих, поступок должен вызывать скандал (*scandalum*) – резко отрицательную моральную реакцию церкви (*ecclesia scandalized*). Любой поступок может причинить вред, но именно тот заслуживает уголовного наказания на церковном суде и называется преступлением, который вызывает раздражение и возмущение церкви (резонанс). И даже будучи тяжким грехом по своей сути, поступок, когда он не вызывает такого рода реакции, не может быть признан преступным (например, если алчность – смертный грех, то алчность, заслуживающая уголовного преследования, должна быть эксклюзивной и устанавливаемой в каждом конкретном случае). Полагаем, прав Г. Берман, когда, проводя аналогию между *scandalum* и общественной опасностью – свойством деяния причинять вред общественным отношениям, приходит к выводу об аналогичности их содержания [2].

Абеляр пишет, что грех есть оскорбление и презрение Бога; «грешить – значит презирать Творца, то есть не совершать ради него того, что, мы верим, нам надлежит делать ради Него…» [1]. В этой цитате Абеляр использует для обозначения оскорбления термин *offince*, который равнозначен термину *iniuria* по своему значению: оба переводятся с латинского языка как «правонарушение», «обида», «оскорбление».

Оскорбление Бога возмутительно и крайне аморально, независимо от того, кто его причиняет (перед Богом все равны). Посредством греха виновный вызывает на себя не только гнев божий, но также общественный гнев и осуждение. Поэтому чем выше негативная реакция общества на поступок, тем опаснее содеянное и суровее должно быть наказание. Концепция греховности престу-

пления ровно распределяет в обществе степень возмущения, источник которого зависит не столько от отдельного социального кластера (семьи, монастыря, полиса и пр.), а от всего общества, исповедующего христианскую религию. Оскорбление Бога напрямую является оскорблением каждого христианина, который требует у Церкви и государства наказать обидчика.

Скандал (*scandalum*) – это закономерное следствие концепции интенциональности (несубстанциальности) греха. В буквальном переводе с древнегреческого (σκάνδαλον) [3] и латинского (*scandalum*) [4] это понятие означает «вводить в соблазн (дурным примером), возмущение, оскорбление, моральное падение». Одновременно это же понятие (будем далее в общем виде называть его *scandalum*) используется для обозначения предмета возмущения или оскорбления. Таким образом, термин *scandalum* затрагивает сразу два аспекта деяния – его внутреннюю (духовную) и внешнюю (социальную) порочность и упречность: лицо соблазняется, грешит, чем оскорбляет Бога, отступая от истины, возмущает общество, поскольку распространение греха грозит всеобщим духовным распадом. Буквально так следует понимать смысл *scandalum*.

Реакция на нарушение, общественное осуждение – это социальная преграда греху, уровень возмущения от которого равноценен справедливому наказанию за содеянное. При этом вовсе не материальный вред имеет значение, и это был принципиальный поворот в сторону нравственного восприятия субъекта деяния, который произошел в средневековой схоластике. Поступки – это только одухотворенные продукты человеческого разума, сами по себе ничего не значащие. Значимость грех (как и преступление) приобретает только в интенции (намерении, вине), поступки ее лишь обнаруживают. В таком случае возникает вопрос о качестве самих поступков, в которых проявляется зло: как понять, что палач, казнивший преступника, не совершает грех? Единственным критерием служит общественная польза (общее благо). Правительство должно каждый раз решать путем позитивно-правовых установлений, дозволять и запрещать поведение, которое в тот или иной момент времени должно быть дозволенным или запрещенным. Если деятельность палача легальна, он уполномочен убивать виновных, согласно приговору и процедуре его исполнения, значит, никакого греха в казни нет. Общее благо заключается в соблюдении божественного закона, которому должны подчиняться все (в том числе и правители). Такое подчинение придает власти и разнообразным механизмам ее реализации легитимность и находит поддержку Церкви и всего общества.

Таким образом, причинить вред обществу (общему благу) означает не просто уничтожение чего-либо материального: это обстоятельство вторично (как объективная сторона поступка), первична же сама внутренняя (духовная) природа этого поступка. Деяние есть только тогда правонарушение, когда в нем обнаружена вина (намерение): в вине заключается оскорбление Бога (*iniuria*). Для общества вред заключается в опасности повторения и дурном примере для других. Другими словами, опасность состоит в распространении зла, что вызывает внешнюю эмоциональную общественную реакцию (*scandalum*), посредством которой деяние приобретает негативную оценку. Следовательно, наказание приобретает смысл не только возмездия, но и средства для предотвращения вреда и исправления виновного.

Но вред не может существовать просто так, не будучи выраженным. Должна быть общая воля или желание того, чтобы это деяние было под запретом. Оно должно обладать моральной предосудительностью. Эта предосудительность (*iniuria*) проявляется в оскорблении Бога, общества, суверена – всего, кто (что) берется за основу формирования авторитета власти. Без понимания того, что есть морально недопустимое, никакое деяние не может быть осознано в качестве греховного или преступного, поскольку не может быть сформировано понятие субъективного вреда (сознания, виновно оскорбляющего социальные ценности). Поэтому скандал остается эмоциональной (психологической) формой выражения негодующего общественного сознания по поводу деяния, ведь именно общество остается основой человеческого существования.

Рассмотрение общественной опасности через эмотивизм решает проблему объективизма общественной опасности, когда ее следует строго усматривать как некую вещь в социальной жизни (социальный факт). Категория скандала (*scandalum*) весьма продуктивна для этой цели. Общественная опасность возникает из взаимодействия личности и общества, когда лицо, вопреки социальным ожиданиям, совершая деяние, нарушает ценностные представления и нормы поведения, тогда это вызывает общественную реакцию в виде возмущения, передающегося от одного индивида на все общество (на каждого, кто видит социальную ценность как свою собственную). В зависимости от ценностной картины действительности обще-

ственная опасность остается интерпретируемой категорией, связанной с общими представлениями об общественных ценностях, обеспечивающих социальное общение и общее благо.

Список источников

1. Абеляр П. Тео-логические трактаты / пер. с лат., вступ. ст., сост. С.С. Неретинской. М., 1995.
2. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования: пер. с англ. 2-е изд. М., 1998.
3. Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. Т. II. M-Ω. М., 1958.
4. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. Около 50000 слов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1976.
5. Жеребкин В.Е. Логический анализ понятий права. Киев, 1976.
6. Мирошниченко Д.В. Преюдиция в уголовном праве: теоретико-прикладное исследование. М., 2022.
7. Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права: в 6 т. Т. 2. Общая часть. Преступление. М., 1970.

References

1. Abelyar P. Teo-logicheskie traktaty` / per. s lat., vst-up. st., sost. S.S. Neretinskoj. M., 1995.
2. Berman G. Dzh. Zapadnaya tradiciya prava: e`poxa formirovaniya: per. s angl. 2-e izd. M., 1998.
3. Dvoreczkij I.X. Drevnegrechesko-russkij slovar`. T. II. M-Ω. M., 1958.
4. Dvoreczkij I.X. Latinsko-russkij slovar`. Okolo 50000 slov. 2-e izd., pererab. i dop. M., 1976.
5. Zherebkin V.E. Logicheskij analiz ponyatij prava. Kiev, 1976.
6. Miroshnichenko D.V. Preyudiciya v ugolovnom prave: teoretiko-prikladnoe issledovanie. M., 2022.
7. Piontkovskij A.A. Kurs sovetskogo ugolovnogo prava: v 6 t. T. 2. Obshhaya chast`. Prestuplenie. M., 1970.

Статья поступила в редакцию 03.05.2023; одобрена после рецензирования 08.05.2023; принята к публикации 08.05.2023.

The article was submitted 03.05.2023; approved after reviewing 08.05.2023; accepted for publication 08.05.2023.

Евразийская адвокатура. 2023. № 3 (62). С. 81.
Eurasian advocacy. 2023;(3(62)):81.

Правосудие и правоохранительная деятельность в евразийском пространстве

Научная статья
УДК 343.21
doi 10.52068/2304-9839_2023_62_3_81

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ В НОРМАХ, УСТАНАВЛИВАЮЩИХ УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ДЕТСКУЮ ПОРНОГРАФИЮ

НИФТАЛИЕВА Ирина Алисаламовна
Преподаватель кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации
400075, г. Волгоград, ул. Историческая, д. 130, Российская Федерация

Аннотация: В статье рассмотрены проблемы реализации принципа справедливости в нормах, регламентирующих уголовную ответственность за детскую порнографию. На основании проведенного исследования сформулированы конкретные предложения, направленные на совершенствование уголовного законодательства в части реализации основополагающей уголовно-правовой идеи.

Ключевые слова: принцип справедливости, реализация, материалы или предметы с порнографическими изображениями несовершеннолетних, цель, распространение, публичная демонстрация, рекламирование

Для цитирования: Нифталиева И.А. Проблемы реализации принципа справедливости в нормах, устанавливающих уголовную ответственность за детскую порнографию // Евразийская адвокатура. 2023. № 3(62). С. 81. https:// doi.org/10.52068/2304-9839_2023_62_3_81

Justice and law-enforcement activity in the eurasian space

Original article

PROBLEMS WITH THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF JUSTICE IN THE NORMS CRIMINALIZING CHILD PORNOGRAPHY

NIFTALIEVA Irina Alisalamovna
Teacher of the Department of Criminal Law of the educational and scientific complex for preliminary investigation in the wounds of internal affairs of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
400075, Volgograd, st. Historical, 130, Russian Federation

Abstract: The article addresses the problems of implementing the principle of justice in the norms governing criminal liability for child pornography. Based on the study, specific proposals are formulated aimed at improving criminal legislation in terms of the implementation of the fundamental criminal law idea.

Keywords: principle of justice, implementation, materials or objects with pornographic images of minors, purpose, distribution, public demonstration, advertising

For citation: Niftalieva I.A. Problems with the implementation of the principle of justice in the norms criminalizing child pornography = Eurasian advocacy. 2023;3(62):81. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2023_62_3_81

Принцип справедливости закреплен в статье 6 Уголовного кодекса Российской Федерации: в части первой содержится положение о соразмерности наказания и иных мер уголовно-правового характера, применяемых к лицу, совершившему преступление, характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного, а во второй части установлен запрет на повторное привлечение лица к уголовной ответственности за одно и то же преступление.

В нормативном определении отражено только одно направление реализации справедливости, а именно при назначении наказания и иных мер уголовно-правового характера. Совершенно очевидно, что данный принцип, распространяя свое действие на все уголовное право, предъявляет требования не только к правоприменительной деятельности, но и к процессу законотворчества. Вместе с тем законодатель, устанавливая ответственность за те или иные преступления, не всегда руководствуется этими требованиями.

© Нифталиева И.А., 2023

Так, согласно части 1 статьи 242[1] УК РФ, уголовная ответственность за изготовление, приобретение, хранение и (или) перемещение через Государственную границу Российской Федерации материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних наступает только при наличии специальной цели – распространения, публичной демонстрации или рекламирования данных материалов или предметов. Отсутствие этой цели (как и ее недоказанность) исключает уголовную ответственность по статье 242[1] УК РФ, что, на наш взгляд, противоречит принципу справедливости.

Несправедливость подхода подтверждается в ходе анализа судебной практики. Так, Верховный Суд Российской Федерации приговор Краснооктябрьского районного суда г. Волгограда, признавшего Пузырева И.Н. виновным в совершении преступления, предусмотренного пунктами «а», «г» части 2 статьи 242[1] УК РФ, решения судов вышестоящих инстанций, оставивших приговор без изменения, отменил, а уголовное дело в отношении него прекратил за отсутствием в деянии состава преступления. В кассационном определении указано, что осведомленность Пузырева И.Н. о сохранении скачанных на компьютер видеофайлов с порнографическими изображениями несовершеннолетних в программе, позволяющей другим пользователям скачивать данные файлы, сама по себе не может свидетельствовать об умысле осужденного на их распространение [1].

Надо сказать, что появление в уголовном законе в 2003 г. рассматриваемой нормы было обусловлено не только социальными причинами, но и выполнением Российской Федерацией взятых на себя международных обязательств по противодействию детской порнографии. Вместе с тем российский законодатель не совсем точно рецепировал положения соответствующих международно-правовых норм. В частности, статья 1 Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, принятого резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН в 2000 г. и ратифицированного Российской Федерацией в 2013 г. [2], запрещает государствам-участникам детскую порнографию [3].

В 2008 г. на пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ были приняты Рекомендации по унификации и гармонизации законодательства государств – участников СНГ в сфере борьбы с торговлей людьми. Согласно документу, уголовная ответственность должна наступать за любое приобретение порнографической продукции с изображением несовершеннолетних, независимо от цели [4]. Однако соответствующие изменения в статью 242[1] УК РФ до настоящего момента внесены не были.

Нужно отметить, что о необходимости корректировки рассматриваемой нормы высказывались многие правоведы. Так, по мнению И.В. Пантюхиной, законодателю следует отказаться от указания на сексуальную цель при регламентации ответственности за изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних [5, с. 7–9].

А.С. Сенцов и В.А. Волколупова также придерживаются данной позиции. Авторы подчеркивают, что криминализация рассматриваемого деяния вне зависимости от цели будет способствовать пресечению оборота «детской порнографии» уже при ее получении [6, с. 160–161].

Тем самым представители научного сообщества предлагают исключить из диспозиции части 1 статьи 242[1] УК РФ указание на цель при изготовлении, приобретении, хранении и (или) перемещении через Государственную границу Российской Федерации материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних. Согласимся, что в целях приведения российского уголовного закона в соответствие с международно-правовыми положениями уголовная ответственность должна наступать по факту совершения хотя бы одного из указанных действий, в том числе для личного пользования. Это относится к копированию компьютерных файлов или приобретению материалов, содержащих детскую порнографию, в виде фильмов, фотографий и т. д. Вместе с тем очевидно, что установление единого основания уголовной ответственности за действия с порнографическими материалами или предметами, совершенные без целей распространения, публичной демонстрации или рекламирования, и за действия публичные, где такие цели присутствуют, реализации принципа справедливости способствовать не будет.

Полагаем, что необходимо установить уголовную ответственность за изготовление, приобретение, хранение и (или) перемещение через Государственную границу Российской Федерации материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, отграничив от ответственности за те же деяния, совершенные в целях распространения, публичной демонстрации или рекламирования, либо распространение, публичную демонстрацию или рекламирование указанных материалов или предметов.

Предлагаемый подход видится приемлемым. С одной стороны, он способствует приведению российского уголовного законодательства в соответствие с международно-правовыми положениями, а с другой – направлен на дифференциацию уголовной ответственности, следовательно, реализацию принципа справедливости.

Стоит отметить, что Уголовный кодекс Республики Молдова предусматривает ответственность, в частности, за изготовление, приобретение, хранение, ввоз либо вывоз материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних без указания на цель. При этом ответственность за данные действия наступает наравне с распространением детской порнографии (ст. 208-1 Уголовного кодекса Республики Молдова) [7].

Таким образом, предлагаем установить уголовную ответственность за изготовление, приобретение, хранение и (или) перемещение через Государственную границу Российской Федерации материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних и отграничить ее от ответственности за те же деяния, совершенные в целях распространения, публичной демонстрации или рекламирования, либо распространение, публичную демонстрацию или рекламирование указанных материалов или предметов, что повлечет соответствующие корректировки редакции статьи 242[1] Уголовного кодекса Российской Федерации.

Список источников

1. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 10 июля 2019 г. по делу № 16-УД19-7 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О ратификации Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии: Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 75-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/rightschild_protocol2.shtml.
4. Рекомендации по унификации и гармонизации законодательства государств – участников СНГ в сфере борьбы с торговлей людьми [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/902124617.
5. Пантюхина И. В. Новая дефиниция – новые проблемы (о понятии материалов и предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних) // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2016. № 3. С. 7–9.
6. Сенцов А.С. Проблемы и перспективы совершенствования уголовно-правовых норм об ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом порнографических материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних и использованием несовершеннолетних в целях их изготовления // Актуальные проблемы уголовного законодательства на современном этапе: сб. науч. тр. междунар. науч.-практ. конф. (г. Волгоград, 15 мая 2020 г.). Волгоград, 2020. С. 157–164.
7. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 г. № 985-XV (с изм. и доп. по сост. на 02.02.2023) [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923.

References

1. Kassacionnoe opredelenie Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 10 iyulya 2019 g. po delu № 16-UD19-7 [E`lektronny`j resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy`«Konsul`tantPlyus».
2. O ratifikacii Fakul`tativnogo protokola k Konvencii o pravax rebenka, kasayushhegosya torgovli det`mi, detskoj prostitucii i detskoj pornografii: Federal`ny`j zakon ot 7 maya 2013 g. № 75-FZ. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus».
3. Fakul`tativny`j protokol k Konvencii o pravax rebenka, kasayushhijsya torgovli det`mi, detskoj prostitucii i detskoj pornografii [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/rightschild_protocol2.shtml.
4. Rekomendacii po unifikacii i garmonizacii zakonodatel`stva gosudarstv – uchastnikov SNG v sfere bor`by` s torgovlej lyud`mi [E`lektronny`j resurs]. URL: http://docs.cntd.ru/document/902124617.
5. Pantyuxina I. V. Novaya definiciya – novy`e problemy` (o ponyatii materialov i predmetov s pornograficheskimi izobrazheniyami nesovershennoletnix) // Aktual`ny`e voprosy` bor`by` s prestupleniyami. 2016. № 3. S. 7–9.
6. Senczov A.S. Problemy` i perspektivy` sovershenstvovaniya ugolovno-pravovy`x norm ob otvetstvennosti za prestupleniya, svyazanny`e s nezakonny`m oborotom pornograficheskix materialov ili predmetov s pornograficheskimi izobrazheniyami nesovershennoletnix i ispol`zovaniem nesovershennoletnix v celyax ix izgotovleniya // Aktual`ny`e problemy` ugolovnogo zakonodatel`stva na sovremennom e`tape: sb. nauch. tr. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Volgograd, 15 maya 2020 g.). Volgograd, 2020. S. 157–164.
7. Ugolovny`j kodeks Respubliki Moldova ot 18 aprelya 2002 g. № 985-XV (s izm. i dop. po sost. na 02.02.2023) [E`lektronny`j resurs]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923.

Статья поступила в редакцию 04.05.2023; одобрена после рецензирования 16.05.2023; принята к публикации 16.05.2023.

The article was submitted 04.05.2023; approved after reviewing 16.05.2023; accepted for publication 16.05.2023.

Евразийская адвокатура. 2023. № 3 (62). С. 84.
Eurasian advocacy. 2023;(3(62)):84.

Правосудие и правоохранительная деятельность в евразийском пространстве

Научная статья
УДК 343.2/.7
doi 10.52068/2304-9839_2023_62_3_84

ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ ОРУЖИЯ В НЕКОТОРЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

ПОПОВ Александр Юрьевич
Адъюнкт кафедры уголовного права Московского университета Министерства внутренних дел России имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12, Российская Федерация

Аннотация: Цель работы – изучить зарубежное законодательство по противодействию незаконному обороту оружия и опыт его применения. Использовались сравнительный, формально-юридический методы, метод индукции и дедукции, метод правового прогнозирования, метод юридического толкования.

В статье проведен анализ законодательства Китайской Народной Республики, США, Японии и стран СНГ. Выделены отдельные группы зарубежных подходов к урегулированию оборота оружия, отдельные методы противодействия преступлениям, совершаемых с использованием оружия, а также его незаконного оборота. Установлены положительные и негативные аспекты проводимой оружейной политики, а также допустимость применения подобных подходов в отечественном законодательстве.

Незаконный оборот оружия во все времена являлся одной из главных проблем правоохранительных органов. Незаконное приобретение, сбыт, а также последующее совершение с помощью оружия различных тяжких преступлений становятся все более актуальными в современном обществе и выходят на одну ступень со сбытом наркотических средств, а также иными преступлениями, совершаемыми с использованием сети «Интернет».

Ключевые слова: незаконный оборот оружия, огнестрельное оружие, зарубежные страны, сбыт, пистолеты, автоматические винтовки, уголовная ответственность

Для цитирования: Попов А.Ю. Опыт противодействия незаконному обороту оружия в некоторых зарубежных странах // Евразийская адвокатура. 2023. № 3(62). С. 84. https:// doi.org/10.52068/2304-9839_2023_62_3_84

Justice and law-enforcement activity in the eurasian space

Original article

EXPERIENCE IN COMBATING ILLICIT ARMS TRAFFICKING IN SOME FOREIGN COUNTRIES

POPOV Alexander Yurievich
Adjunct of the Department of Criminal Law of the Moscow University Ministry of Internal Affairs of Russia
117997, Moscow, Akademika Volgina str., 12, Russian Federation

Abstract: Purpose of article – to study foreign legislation and the experience of its application in combating illicit arms trafficking. Comparative, formally legal, method of induction and deduction, method of legal forecasting, method of legal interpretation were used

The article analyzes the legislation of the People's Republic of China, the USA, Japan and the CIS countries. Separate groups of foreign approaches to regulating the circulation of weapons, as well as certain methods of combating crimes committed with the use of weapons, as well as their illegal circulation, are singled out. The positive and negative aspects of the ongoing weapons policy, as well as the admissibility of the use of such approaches in domestic legislation, have been established.

Illegal arms trafficking has always been one of the main problems of law enforcement agencies. Illegal acquisition, sale, as well as the subsequent commission of various more serious crimes with the help of weapons, is becoming more and more relevant in our modern society and is on the same level with the sale of narcotic drugs, as well as other crimes committed using the Internet.

Keywords: illegal circulation of weapons, firearms, foreign countries, sales, pistols, automatic rifles, criminal liability

For citation: Popov A.Yu. Experience in combating illicit arms trafficking in some foreign countries = Eurasian advocacy. 2023;2(61):84. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2023_62_3_84

© Попов А.Ю., 2023

Как известно, во многих зарубежных странах действует законодательство, разрешающее иметь в пользовании огнестрельное оружие разного класса, от пистолетов до автоматических винтовок для охоты, спортивной стрельбы по мишеням в специальных стрелковых клубах, а также для защиты своей жизни и личного имущества. Это связано в большинстве случаев с традициями, складывавшимися на протяжении долгого времени, а также культурой отношения к огнестрельному оружию в отдельно взятой стране.

Во всех зарубежных странах существует уголовная ответственность за незаконное производство оружия. Однако ее регулирование в уголовно-правовой сфере имеет значительные различия, связанные с существенными отличиями в оружейной терминологии и объеме разрешенных действий с оружием, а также действий в отношении оружия, закрепленных на законодательном уровне. Некоторые действия с оружием, которые считаются законными в одной стране, могут быть уголовно преследуемыми в другой [1].

Практически все государства применяют определенные механизмы, направленные на урегулирование производства, владения, использования и продажи стрелкового оружия. Однако незаконный рынок неуклонно возрастает, и доля нелегальных сделок в общем объеме мировой торговли стрелковым оружием составляет около 40 % [2].

Разнообразными источниками поступления отдельных образцов в общий трафик оборота оружия в государствах являются территории, где возникают вооруженные конфликты, имеются военные склады, а также подпольные производства. Рынок экспорта нелегального оружия, включая тяжелые виды оружия (крупнокалиберные пулеметы и винтовки, а также боевые машины), оценивается специалистами на приблизительную сумму в 2,5 миллиарда долларов [3].

Во многих странах на американском континенте, а также в большинстве государств Европы, например в Швейцарии, гражданам законом разрешено покупать и носить при себе пистолеты и револьверы. В Дании, Германии, Финляндии и Румынии не запрещено владеть любыми единицами гражданского огнестрельного оружия, а, например, в Малайзии на такие товары устанавливают полный запрет. Само же приобретение огнестрельного оружия не является простой процедурой. Государство предъявляет к потенциальным покупателям ряд критериев, согласно которым выдается лицензия на покупку оружия и боеприпасов к нему. Медицинская комиссия, психологическое тестирование, а также наличие знаний по безопасному обращению и использованию огнестрельного оружия – это базовые критерии, по которым ведется фильтрация на выдачу разрешений лицам, желающим иметь в своем пользовании и распоряжении огнестрельное оружие. Большинство ученых считает, что статистика по количеству заходящего на рынок незарегистрированного огнестрельного оружия растет по причине ужесточения политики оружейного законодательства. Чем более жесткими становятся условия приобретения, тем быстрее и больше будет расти количество сбываемого оружия. Ограничение законно приобрести оружие провоцирует субъект на покупку такого оружия нелегальным способом, в частности через сеть «Интернет».

А.Г. Моисеенко, рассматривая в статье «Особенности правового регулирования оборота гражданского огнестрельного оружия в ряде зарубежных стран» законы, регулирующие оборот оружия в зарубежных странах, приводит классификацию, согласно которой выделяются группы стран по уровню развитости законодательства [4]:

1. Первоначальная стадия развития законодательства об оружии.

2. Развитое законодательство об оружии.

Режим владения огнестрельным оружием:

1. Свободный режим;

2. Ограниченный режим;

3. Полный запрет.

Изучая политику, проводимую в отношении оборота оружия, а также уголовно-правовой аспект квалификации деяний, совершенных с использованием оружия, А.Г. Моисеенко разделил страны на три группы [4]:

1. Государства, которые проводят политику тотального запрета на огнестрельное оружие в гражданском обороте с установление жестких мер контроля уголовного характера за совершение преступлений с использованием оружия (КНР, Япония, Тайвань);

2. Государства, гражданский оборот огнестрельного оружия в которых существенно ограничивается, а также устанавливается уголовная ответственность за противозаконные действия с его использованием (Республика Беларусь, Республика Армения, Казахстан, Узбекистан, Испания, Франция, Грузия);

3. Государства с менее строгими ограничениями к обороту оружия, в частности его приобретения, хранения и ношения, а также с установлением уголовной ответственности, в большей части, за его незаконное использование при совершении

различных преступлений (США, Германия, Австрия, Швейцария, Республика Корея) [4].

В Японии все общественные отношения, связанные с оборотом оружия, регулирует Закон «О контроле за огнестрельным оружием и мечами» [5], согласно которому всем гражданам страны запрещается иметь в своем пользовании и распоряжении огнестрельное оружие из-за его огромной разрушительной силы, смертоносности и опасности причинения различной степени тяжести вреда, а также смерти лицам, против которых оно будет применяться [6]. Также запрещен оборот различного коллекционного, старинного (антикварного) и макетированного оружия, так как, согласно закону, есть риск их переделки в боевое путем замены необходимых деталей и подгонки их в кустарных условиях. Под эту категорию подпадают по большей части пистолеты и револьверы. Оборот же охотничьего оружия осуществляется под жестким профессиональным контролем силовых ведомств государства. Чтобы приобрести охотничий гладкоствольный карабин, субъект должен получить разрешение комиссии общественной безопасности префектур, медицинское заключение и уже затем обратиться в полицейский участок провинции, где проживает, для подачи заявления на приобретение, хранение и использование оружия [6]. А для получения разрешения на нарезное охотничье огнестрельное оружие лицо должно владеть гладкоствольным образцом в течение 10 лет. Короткоствольное оружие разрешено исключительно полицейским во время исполнения ими непосредственных служебных обязанностей. В законе предусмотрен и факт добровольной выдачи незарегистрированного оружия, находящегося во владении, но, в отличие от отечественного уголовного законодательства, лицо не освобождается от уголовной ответственности за подобное действие, это будет являться смягчающим обстоятельством при назначении лицу наказания. Благодаря подобному жесткому контролю за оборотом оружия статистика по преступлениям, совершаемых с использованием оружия, в Японии очень низкая.

В Китайской Народной Республике законодательство, регулирующее оборот оружия, намного суровее, чем в Японии. Закон «О контроле над огнестрельным оружием» [7] устанавливает уголовную ответственность за большинство преступных действий, связанных с незаконным оборотом оружия, таких как незаконное производство, сбыт, покупка и хранение. От одного года до 10 лет лишения свободы предусмотрено за незаконное владение и ношение огнестрельного оружия, что возводит подобный состав в категорию тяжкого преступления. Помимо этого, закон устанавливает политику жесткого контроля за легальным производством и сбытом огнестрельного оружия, а также за экспортом, в целях недопущения утечки этого товара по нелегальным каналам. Раздел 2 Закона «О контроле над огнестрельным оружием» устанавливает механизм регулирования оборота охотничьего и спортивного оружия, разрешенного к владению частным лицам, но лицензию на его приобретение и хранение выдает местный орган социальной безопасности. Использование такого оружия в качестве средства самообороны не предусмотрено этим нормативно-правовым актом. Исключение составляют лишь сотрудники силовых ведомств, наделенные соответствующими полномочиями.

Запрещенные уголовным законом КНР деяния, совершаемые с использованием оружия, являются квалифицированными составами соответствующих преступлений, а наказание за такие деяния, в зависимости от степени общественной опасности, может доходить до применения высшей меры – смертной казни (ч. 1 ст. 125 Уголовного кодекса КНР) [8]. Такие преступление относятся к категории тяжких. Также смертной казни будут подлежать лица, которые осуществляли незаконное производство и сбыт огнестрельного оружия и боеприпасов к нему в крупном размере, а равно в составе организованной группы, если их действия повлекли совершение более тяжких преступлений, таких как террористический акт, убийство и пр.

Согласно ст. 128 УК КНР за нарушение правил хранения, контроля, а также передачу оружия в аренду иным субъектам, совершенные владельцами служебного оружия, следует наказание в виде лишения свободы сроком до 10 лет. По ст. 129 УК КНР за несвоевременное заявление об утере огнестрельного оружия следует лишение свободы на срок, установленный в ст. 128 УК КНР.

Лишение свободы сроком до 3 лет может получить лицо, появившись в общественном транспорте с оружием, если оно может создавать угрозу общественной безопасности и правопорядку (ст. 130 УК КНР).

Из анализа нормативно-правовых актов Китая можно заметить, что правительство этой страны пошло по пути полного запрета на свободный оборот оружия, что сказывается и на статистке зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием оружия или в отношении такового. Подобный жесткий тотальный подход обусловливается и сложившимися многовековы-

ми традициями этого государства, а также использованием опыта уголовно-правового регулирования этой сферы в РСФСР [9].

В противовес такому подходу за контролем над оборотом оружия можно привести пример стран Западной Европы, а также американского континента, где разрешается владение любыми единицами огнестрельного оружия, но с определенным рядом ограничений.

В Испании, например, лицензия на приобретение, хранение и ношение оружия делится на определённые типы, классификация ее основывается на типе оружия, том, для какой цели оно приобретается (охранная деятельность, спортивная стрельба, самозащита), нарезное ли оружие, а также охотничье оружие. По каждой классификации разрешается иметь определенную лицензию и разрешенное количество единиц оружия, то есть лицо может иметь все типы лицензий одновременно, а соответственно, и допустимое количество единиц огнестрельного оружия [6].

Одним из самых развитых законодательств, регулирующих оборот оружия, является нормативно-правовая база США. Обусловлено это многовековыми традициями, сложившимися с самого основания и становления США как государства. С момента появления первых переселенцев на американском континенте начала формироваться культура отношения к огнестрельному оружию как неотъемлемому атрибуту гражданина, а начиная с середины XIX века, особенно в южных штатах, у каждого жителя было во владении не менее двух единиц огнестрельного оружия. Это могли быть и револьверы модели Colt Paterson Revolver [10], и его разновидности, винтовка модели Винчестер Model 1873 Lever-Action Rifles [11] или гладкоствольные модели. Все это было обусловлено свободным нравом людей того времени, а также политикой, проводимой в отношении коренных жителей континента. Различные конфликты и вооруженные столкновения с ними происходили до конца XIX века. Впоследствии были приняты 2 и 3 поправка в Конституцию США [12], которые разрешали гражданам свободно покупать и иметь в своем пользовании огнестрельное оружие и боеприпасы к нему. Всего в США действуют порядка 20000 нормативных актов, которые регулируют оборот оружия на разных уровнях и в разных штатах, от покупки до утилизации [6]. На данный момент можно сказать, что отношение граждан США к оружию очень специфично. Свободное владение им является символом выражения свободы американцев и соблюдения их конституционных прав. Но, несмотря на это, государство на федеральном уровне запретило в 1934 году продажу пулеметов, средств бесшумной стрельбы (ПБС) и пистолетов, габариты которых менее 3 дюймов. Это было запрещено национальным законом «Об огнестрельном оружии» [13]. А уже в 1986 году законом «О защите владельцев оружия» государство запретило к продаже и частному владению огнестрельное оружие, имеющее функцию автоматической стрельбы [14]. Но не во всех штатах этот закон имеет юридическую силу, например, в штатах Техас и Нью-Йорк оборот автоматического огнестрельного оружия (assault weapon) регулируется законами этих штатов [6].

В каждом отдельном штате принят свой уголовный кодекс, в котором закреплены нормы, запрещающие незаконные действия, касающиеся оборота оружия, такие как: незаконное ношение оружия, хранение, ношение оружия лицом, не имеющим на то лицензии, изготовление и владение. В сорока одном из пятидесяти штатов продажа оружия в магазинах осуществляется при наличии водительских прав или паспорта, а покупателем может быть лицо, достигшее возраста 18 лет. Это относится к покупке длинноствольных образцов (винтовка, карабин). Достигшие 21-летнего возраста могут уже приобретать короткоствольное нарезное оружие и боеприпасы к нему [6].

Такой подход к контролю за оборотом оружия обусловливается еще и тем фактором, что лицо, готовящее преступление с использованием оружия, например разбойное нападение или кражу с проникновением в жилище, будет осознавать тот факт, что у потенциальной жертвы может оказаться огнестрельное оружие и она может дать достойный отпор злоумышленникам. Поэтому в большинстве случаев преступники подумают, прежде чем выбирать способ совершения преступления и подбирать орудие для него.

Однако, с другой стороны, можно увидеть и негативный аспект подобного подхода к контролю над оружием. Такими примерами могут стать частые массовые расстрелы в школах США, когда один человек или группа лиц врывались в учебное заведение и расстреливали всех, кто попадался им по пути. Это движение получило название «Колумбайн». Злоумышленники покупали оружие в магазинах, запасались боеприпасами и совершали задуманное. С учетом того, что, по законам штатов, при покупке оружия не требуется предоставление лицом справки из медицинского заведения о его физическом и психологическом соответствии, молодые люди с расстроенной пси-

хикой не имеют препятствий для приобретения огнестрельного оружия.

Все более популярным становится и приобретение оружия через сеть «Интернет»; онлайн-магазины предлагают различный ассортимент огнестрельного оружия на любой «вкус и цвет», от револьверов до снайперских дальнобойных винтовок 338 или 50 калибра. Это упрощает приобретение и подготовку как к законным мероприятиям, так и к совершению противоправных, незаконных действий, направленных на причинение вреда жизни и здоровью граждан. Однако законодательство зарубежных стран на данный момент активно пытается разработать нормы, регулирующие контроль за трафиком оружия в сети «Интетнет».

Например, в США в штате Техас правительство рассматривает вопрос о полном запрете некоторых активно набирающих популярность среди населения площадок (маркетов) по продаже товаров различного назначения, среди которых активно сбываются и оружие различного калибра, а также боеприпасы к нему. В силу особенностей англо-саксонской правовой системы сделать запрет, а также назначить наказание судом за действия, связанные с незаконным оборотом оружия в сети «Интернет», будет проще, чем в романо-германской правовой системе, где деяние, совершенное лицом, должно быть признано незаконным, а также иметь нормативное закрепление в соответствующей части и статье уголовного кодекса.

Проводя анализ нормативно-правовых актов зарубежных стран, наши законодательные органы имеют возможность заранее предугадывать тенденции по возможному появлению новых способов совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия. Используя опыт других государств, как западных, так и азиатских, можно найти золотую середину между подходами к контролю за его оборотом и минимизировать число возможностей совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия.

Список источников

1. Лукашик А.О. Уголовная ответственность за незаконный оборот оружия в законодательстве зарубежных стран // Молодой ученый. 2022. № 47 (442). С. 244–247 [Электронный ресурс]. URL: https://moluch.ru/archive/442/96713.

2. Муркштис М.Й. Противодействие незаконному обороту оружия: уголовно-правовое и криминологическое исследование: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2019.

3. Патрушев Н.П. Транснациональная преступность, взаимосвязь наиболее опасных ее видов – терроризма, наркотрафика, нелегальной миграции, незаконного оборота оружия и радиоактивных материалов, пиратства // Право и безопасность. 2010. № 4. С. 22.

4. Моисеенко А.Г. Особенности правового регулирования оборота гражданского огнестрельного оружия в ряде зарубежных стран // Международное публичное и частное право. 2010. № 6. С. 35–36.

5. Law Controlling Possession, Etc. of Fire-Arms and Swords. 1978. Law № 6. Art 3. EHS Law Bulletin Series. № 3920.

6. Селезнева Н.А. Правовые основы оборота оружия в зарубежных странах // Slovak international scientific journal. STATE AND LAW. 2017. № 7. С. 72–77.

7. Закон Китая «О контроле над огнестрельным оружием» от 24.04.2015 [Электронный ресурс]. URL: https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/gun-control-law-20150424.

8. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под ред. А.И. Коробеева; пер. с кит.: Д.В. Вичиков. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001.

9. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Свод законов РСФСР. Т. 8. С. 497.

10. Капсюльный револьвер Кольт Патерсон (Colt Paterson Revolver) и его разновидности [Электронный ресурс]. URL: http://historypistols.ru/blog/kapsyulnye-pistolety-i-revolvery/kapsyulnyj-revolver-kolt-paterson-colt-paterson.

11. Model 1873 Lever-Action Rifles [Электронный ресурс]. URL: https://www.winchesterguns.com/products/rifles/model-1873.html.

12. Constitution of the United States [Электронный ресурс]. URL: https://constitution.congress.gov/constitution/.

13. Национальный закон об огнестрельном оружии – National Firearms Act [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikibrief.org/wiki/National_Firearms_Act.

14. Firearm Owners Protection Act («FOPA») (1986) [Электронный ресурс]. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-100/pdf/STATUTE-100-Pg449.pdf#page=12.

References

1. Lukashik A.O. Ugolovnaya otvetstvennost` za nezakonny`j oborot oruzhiya v zakonodatel`stve zarubezhny`x stran // Molodoj ucheny`j. 2022. № 47 (442). S. 244–247 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://moluch.ru/archive/442/96713.

2. Murkshtis M.J. Protivodejstvie nezakonnomu oborotu oruzhiya: ugolovno-pravovoe i kriminologicheskoe issledovanie: dis. … d-ra yurid. nauk. M., 2019.

3. Patrushev N.P. Transnacional`naya prestupnost`, vzaimosvyaz` naibolee opasny`x ee vidov – terrorizma, narkotrafika, nelegal`noj migracii, nezakonnogo oborota oruzhiya i radioaktivny`x materialov, piratstva // Pravo i bezopasnost`. 2010. № 4. S. 22.

4. Moiseenko A.G. Osobennosti pravovogo regulirovaniya oborota grazhdanskogo ognestrel`nogo oruzhiya v ryade zarubezhny`x stran // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. 2010. № 6. S. 35–36.

5. Law Controlling Possession, Etc. of Fire-Arms and Swords. 1978. Law № 6. Art 3. EHS Law Bulletin Series. № 3920.

6. Selezneva N.A. Pravovy`e osnovy` oborota oruzhiya v zarubezhny`x stranax // Slovak international scientific journal. STATE AND LAW. 2017. № 7. S. 72–77.

7. Zakon Kitaya «O kontrole nad ognestrel`ny`m oruzhiem» ot 24.04.2015 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/gun-control-law-20150424.

8. Ugolovny`j kodeks Kitajskoj Narodnoj Respubliki / pod red. A.I. Korobeeva; per. s kit.: D.V. Vichikov. SPb.: Yurid. centr Press, 2001.

9. Ugolovny`j kodeks RSFSR (utv. VS RSFSR 27.10.1960) // Svod zakonov RSFSR. T. 8. S. 497.

10. Kapsyul`ny`j revol`ver Kol`t Paterson (Colt Paterson Revolver) i ego raznovidnosti [E`lektronny`j resurs]. URL: http://historypistols.ru/blog/kapsyulnye-pistolety-i-revolvery/kapsyulnyj-revolver-kolt-paterson-colt-paterson.

11. Model 1873 Lever-Action Rifles [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.winchesterguns.com/products/rifles/model-1873.html.

12. Constitution of the United States [E`lektronny`j resurs]. URL: https://constitution.congress.gov/constitution/.

13. Nacional`ny`j zakon ob ognestrel`nom oruzhii – National Firearms Act [E`lektronny`j resurs]. URL: https://ru.wikibrief.org/wiki/National_Firearms_Act.

14. Firearm Owners Protection Act («FOPA») (1986) [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-100/pdf/STATUTE-100-Pg449.pdf#page=12.

Статья поступила в редакцию 26.04.2023; одобрена после рецензирования 29.04.2023; принята к публикации 29.04.2023.

The article was submitted 26.04.2023; approved after reviewing 29.04.2023; accepted for publication 29.04.2023.

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Мы рады представить вашему вниманию
ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

Деятельность нашего института направлена на разработку актуальных проблем юридической науки в евразийском правовом пространстве. Институт проводит фундаментальные и прикладные исследования в области государственно-правовых наук, международного права, адвокатуры и нотариата, социологии права, политологии, интерэкоправа, изучает закономерности правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности, разрабатывает на этой основе практические рекомендации, принимает участие в разработке законопроектов, содействует повышению профессионального уровня юристов, организует и участвует в проведении научных мероприятий, оказывает консультационные услуги в области права, а также редакционно-издательские услуги.

Приглашаем вас к сотрудничеству!

Контактная информация
Website: www.eurasniipp.ru E-mail: info@eurasniipp.ru WhatsApp: +7-917-40-61-340

Евразийская адвокатура. 2023. № 3 (62). С. 90.
Eurasian advocacy. 2023;(3(62)):90.

Правосудие и правоохранительная деятельность в евразийском пространстве

Научная статья
УДК 343.13
doi 10.52068/2304-9839_2023_62_3_90

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ СЛЕДОВАТЕЛЕМ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ, ПРИНИМАЕМЫХ ПРОКУРОРОМ ПО ИТОГАМ ИЗУЧЕНИЯ ПОСТУПИВШЕГО К НЕМУ С ОБВИНИТЕЛЬНЫМ ЗАКЛЮЧЕНИЕМ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

ГАЛЕЦКИЙ Виталий Сергеевич
Кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела по исследованию стратегических проблем управления научно-исследовательского центра Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации
125171, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8, Российская Федерация

Аннотация: Несмотря на достаточно длительный период существования в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации нормы, определяющей перечень процессуальных решений, которые может принять прокурор по итогам изучения поступившего к нему с обвинительным заключением уголовного дела, процедура пересоставления обвинительного заключения не имеет должного нормативного регулирования, что обусловливает высокую актуальность данной проблемы для правоприменительной практики.

Сформулированы предложения о внесении изменений в уголовно-процессуальное законодательство, которые позволят устранить различия в толковании оснований возвращения прокурором уголовного дела следователю и выработать единый подход к процедуре пересоставления обвинительных заключений.

Ключевые слова: органы внутренних дел, следователь, предварительное следствие, обвинительное заключение, основания возвращения уголовного дела прокурором, пересоставление обвинительного заключения

Для цитирования: Галецкий В.С. Актуальные проблемы, возникающие при реализации следователем процессуальных решений, принимаемых прокурором по итогам изучения поступившего к нему с обвинительным заключением уголовного дела // Евразийская адвокатура. 2023. № 3(62). С. 90. https:// doi.org/10.52068/2304-9839_2023_62_3_90

Justice and law-enforcement activity in the eurasian space

Original article

CURRENT PROBLEMS ARISING IN THE IMPLEMENTATION OF THE INVESTIGATOR PROCEDURAL DECISIONS MADE BY THE PROSECUTOR BASED ON THE RESULTS OF THE EXAMINATION OF THE CRIMINAL CASE THAT HAS COME TO HIM WITH THE INDICTMENT

GALETSKY Vitaly Sergeyevich
Candidate of Law, Senior Researcher of the Department for Strategic Management Research Center of Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
125171, Moscow, St. Zoya and Aleksandr Kosmodemyanskikh, 8, Russian Federation

Abstract: Despite the sufficiently long period of existence in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation of the norm defining the list of procedural decisions that can be taken by the prosecutor on the basis of the examination of the criminal case received by him with the indictment, the procedure for re-compilation of the indictment does not have proper normative regulation, which makes this problem highly relevant for law enforcement practice.

The study is based on general scientific and private scientific methods of cognition of phenomena and processes of objective reality. The empirical basis of the study consisted of statistical reporting data on criminal cases sent to prosecutors, which were prosecuted by investigators of internal affairs bodies, and procedural decisions taken on them, materials of criminal cases, as well as scientific publications on the analyzed subject.

Keywords: internal affairs bodies, investigator, preliminary investigation, indictment, grounds for return of a criminal case by a prosecutor, redrafting of indictment

For citation: Galetsky V.S. Current problems arising in the implementation of the investigator procedural decisions made by the prosecutor based on the results of the examination of the criminal case that has come to him with the indictment = Eurasian advocacy. 2023;3(62):90. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2023_62_3_90

© Галецкий В.С., 2023

Уже 15 лет в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации в статье 221 [5] изложен действующий в настоящее время перечень процессуальных решений, которые может принять прокурор по итогам изучения поступившего к нему с обвинительным заключением уголовного дела, а именно:

«1) об утверждении обвинительного заключения и о направлении уголовного дела в суд;

2) о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков со своими письменными указаниями;

3) о направлении уголовного дела вышестоящему прокурору для утверждения обвинительного заключения, если оно подсудно вышестоящему суду» (ч. 2 ст. 221 УПК РФ).

Если решения, предусмотренные пунктами 1 и 3 части 1 вышеуказанной статьи, не вызывают существенных затруднений и разногласий в науке и правоприменительной практике, то реализация полномочий, предусмотренных пунктом 2, является предметом многочисленных дискуссий в среде отечественных ученых-правоведов.

Так, В.Ю. Стельмах [4, с. 143–146], интерпретируя текст вышеописанного пункта статьи 221 УПК РФ, прибегая к расширительному толкованию норм закона, пришел к выводу, что в данном пункте законодатель описал два разных по своей сути решения прокурора о возвращении уголовного дела следователю: для производства дополнительного следствия и для пересоставления обвинительного заключения.

Каждое из этих решений предполагает свой собственный механизм их реализации следователем.

Л.Р. Муллагалеева [2, с. 165–167], кроме двух приведенных выше решений прокурора, выделяет в качестве самостоятельного третье – о возвращении уголовного дела для изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых. Правда, данный автор уточняет, что в ходе изучения соответствующих решений, принятых прокурорами различных субъектов Российской Федерации в порядке пункта 2 части 1 статьи 221 УПК РФ, ей не удалось встретить ни одного постановления о возвращении уголовного дела для изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых, что свидетельствует о практической невостребованности предусмотренной в законе формулировки.

При буквальном прочтении указанной статьи УПК РФ можно прийти к выводу о наличии пяти альтернативных оснований для возвращения прокурором уголовного дела следователю:

– для производства дополнительного следствия;

– для изменения объема обвинения;

– для изменения квалификации действий обвиняемых;

– для пересоставления обвинительного заключения;

– для устранения выявленных недостатков.

В частности, такой позиции придерживается в своем исследовании А.В. Осколков [3, с. 197–201].

Анализ приведенных положений статьи 221 УПК РФ во взаимосвязи с положениями пункта 15 части 2 статьи 37 УПК РФ также не позволяет прийти к более конкретному и однозначному пониманию позиции законодателя в изучаемом вопросе, поскольку в излагаемых полномочиях прокурора приведенные в пункте 2 части 1 статьи 221 УПК РФ основания возвращения уголовного дела следователю буквально дублируются без каких-либо разъяснений и уточнений.

Изученные нами 100 уголовных дел, возвращенные прокурорами следователям органов внутренних дел Российской Федерации по различным основаниям в период с 2018 по 2022 год, показали, что и среди прокуроров нет четко выраженной единой позиции относительно оснований для принятия указанных решений. Так, кроме превалирующих решений «о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия» и «о возвращении уголовного дела следователю для пересоставления обвинительного заключения» нами обнаружены постановления прокурора «о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия и пересоставления обвинительного заключения», а также постановления, в тексте которых прокурор, возвращая уголовное дело для дополнительного расследования, дает указания об изменении объема обвинения, изменении квалификации действий обвиняемых, устранении иных выявленных недостатков.

Кроме того, в изученных делах выявлены такие решения, когда уголовные дела возвращались прокурорами для пересоставления обвинительного заключения, в то время как в материалах дела имелись явные процессуальные нарушения, препятствующие направлению данного дела в суд. В связи с этим расследование по этим делам возобновлялось. Уголовное дело дополнялось новыми

следственными действиями (допросами, очными ставками, перепредъявлялось обвинение и т. д.). При этом прокурор, изучавший уголовное дело в течение десяти суток, выявил только формальные технические ошибки в тексте обвинительного заключения, что, на наш взгляд, выглядит несколько странным и подводит к мысли о проведении «определенных манипуляций со статистикой».

Среди показателей статистической отчетности МВД России, СК России, Прокуратуры Российской Федерации автору не удалось обнаружить позиции, отдельно учитывающие такие решения, как возвращение дел прокурором для:

– изменения объема обвинения;

– изменения квалификации действий обвиняемых;

– устранения выявленных недостатков.

Таким образом, государственная статистика различает и отдельно учитывает (например, в разделах 11 и 16 сводного отчета формы 1-Е) только решения прокурора «о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия» и «о возвращении уголовного дела следователю для пересоставления обвинительного заключения».

Для наглядности и понимания масштабов указанных решений прокурора относительно поступивших для проверки от следователей всех подразделений органов внутренних дел Российской Федерации уголовных дел с обвинительными заключениями приведем соответствующие данные статистической отчетности ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России» [6] за период с 2018 по 1 полугодие 2022 года (таблица 1).

Таблица 1

Сведения о направленных прокурорам уголовных делах, производство по которым осуществлялось следователями органов внутренних дел, и принятых по ним процессуальных решениях за период с 2018 по 2022 год

№ п/п	Название отчетной позиции	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	6 мес. 2022 г.
1.	Количество направленных уголовных дел прокурору (с повторными) с обвинительными заключениями	286 156	263 521	252 289	260 920	137 539
2.	Возвращено прокурором для пересоставления обвинительного заключения (с повторными)	3 806	4 131	3 937	4 398	1 921
3.	Возвращено прокурором для производства дополнительного расследования (с повторными)	17 791	18 543	17 663	17 507	8 123

Приведенные данные показывают, что ежегодно (в течение всего анализируемого периода) примерно 7 % всех поступивших от следователей МВД России прокурорам уголовных дел возвращается последними для дополнительного расследования, а примерно 1,5 % – для пересоставления обвинительного заключения. То есть решения прокурора о дополнительном расследовании и пересоставлении соотносятся примерно 4,67:1.

Применительно к ситуации, сложившейся с принятием аналогичных решений прокурорами в г. Москве, статистика выглядит несколько иначе [7], чем в среднем по России (таблица 2).

В целом соотношение количества принятых прокурорами г. Москвы решений о возвращении уголовных дел для пересоставления обвинительного заключения и для производства дополнительного расследования сложилось в пользу значительного количественного преимущества вторых (2021 г. – 11,6:1, 2022 г. – 6,4:1), но при этом следует отметить, что данные соотношения превышают усредненные общероссийские показатели, и, в отличие от последних, отличающихся стабильностью за последние пять лет, в г. Москве в 2022 году (по сравнению с аналогичным периодом прошлого года) количество «доследов» сократилось практически вдвое, а «пересоставлений» – почти в четыре раза.

На основании вышеописанных научных взглядов и отраженных в приведенной нами статистике результатов правоприменительной практики мы приходим к выводу, что в пункте 2 части 1 статьи 221 УПК РФ изложены два принципиально различающихся основания для возвращения прокурором уголовного дела:

– для производства дополнительного следствия, которое включает в себя изменение объема обвинения, изменение квалификации действий обвиняемых, устранение иных выявленных недостатков;

– для пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков.

При этом не ясна логика законодателя, акцентировавшего внимание именно на изменении объема обвинения и квалификации действий обвиняемых, но при этом оставившего открытым вопрос о перечне иных выявленных недостатков, без уточнения, какие именно из них считать существенными. В этой связи следует согласится с позицией А.А. Казакова и В.Н. Карагодина о не-

Таблица 2

Сведения о направленных прокурорам уголовных делах, производство по которым осуществлялось следственными подразделениями ГУ МВД России по г. Москве, и принятых по ним процессуальных решениях за период с 2021 по 2022 год

№ п/п	Название отчетной позиции	2021 г.	2022 г.
1.	Количество направленных уголовных дел прокурору (с повторными) с обвинительными заключениями	13 100	13 878
2.	Возвращено прокурором для пересоставления обвинительного заключения (с повторными)	182	53
3.	Возвращено прокурором для производства дополнительного расследования (с повторными)	1164	616

обходимости более четкого и детализированного изложения данного пункта анализируемой статьи УПК РФ [1, с. 60].

На наш взгляд, приемлемой редакцией пункта 2 части 1 статьи 221 УПК РФ могла бы стать следующая: «о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия либо о пересоставлении обвинительного заключения, с изложением в постановлении выявленных недостатков и письменных указаний».

Теперь перейдем к вопросу исполнения следователями вышеописанных решений прокурора. Процедура производства следствия по уголовному делу после его возвращения для производства дополнительного расследования достаточно подробно регламентирована в УПК РФ, и в целом изученные нами уголовные дела позволяют сделать вывод о вполне сложившейся в следственных подразделениях МВД России практике.

В то же время процессуальный порядок пересоставления обвинительного заключения, затрагивающий ежегодно по всей России более 4 000 уголовных дел (и это без учета дел, находящихся в производстве следственных подразделений СК и ФСБ России), в УПК РФ, несмотря на прошедшие полтора десятилетия существования данной нормы, практически не регламентирован.

Предполагаем, что, указав в пункте 2 части 1 статьи 221 УПК РФ на наличие возможности пересоставления обвинительного заключения, законодатель видел в данной процедуре исключительно необходимость технической работы следователя по внесению редакторских правок в ранее подготовленный им процессуальный документ (обвинительное заключение), вызвавший какие-либо нарекания у надзирающего прокурора в силу наличия в нем различного рода ошибок, препятствующих направлению дела в суд, поддержанию обвинения и, в конечном итоге, постановке приговора. Данные действия следователя, по логике законодателя (по убеждению автора), не требуют возобновления предварительного следствия, производства каких-либо иных следственных действий, кроме самого пересоставления, что соотносится с положениями статьи 6.1 УПК РФ и способствует уменьшению процессуальных сроков.

Однако в связи с отсутствием прямо предусмотренной уголовно-процессуальным законом процедуры пересоставления обвинительного заключения ее воплощение в жизнь вызывает сложности для правоприменительной практики.

Приведем наиболее типичные примеры процедур, к которым прибегали следователи и их руководители (по изученным нами уголовным делам), исполняя решения прокурора о возвращении уголовного дела для пересоставления обвинительного заключения.

1. Руководитель следственного органа, получив из прокуратуры уголовное дело с соответствующим постановлением прокурора (отметим, что в 86 % изученных нами дел прокуроры в своих постановлениях направляют уголовные дела не следователю, как этого требует положение пункта 2 части 1 статьи 221 УПК РФ, а руководителю следственного органа (34 %), либо непосредственно в следственный орган, не конкретизируя, кому (52 %)) и сопроводительным письмом, прилагает к данному письму (либо вносит непосредственно в письмо рукописную запись) свою резолюцию, в которой поручает конкретному следователю принять дело к производству и пересоставить обвинительное заключение. При этом в данной резолюции руководитель следственного органа устанавливает срок, в который необходимо исполнить указания прокурора по пересоставлению обвинительного заключения. Далее следователь расписывается об ознакомлении с данной резолюцией своего руководителя и заново составляет обвинительное заключение, указывая в справке в сроках расследования дополнительный срок, который был затрачен на указанную процедуру с момента его (следователя) ознакомления с резолюцией руководителя следствия (по всей видимости, заменяющей в описанной схеме про-

цедуры установления срока для пересоставления обвинительного заключения и принятия дела к производству следователем). После этого уголовное дело повторно направляется надзирающему прокурору.

2. Руководитель следственного органа, получив из прокуратуры уголовное дело с соответствующим постановлением прокурора, выносит свое постановление о возобновлении предварительного следствия, в котором поручает следователю производство расследования и устанавливает срок следствия. Далее следователь выносит постановление о принятии уголовного дела к производству, уведомляет об этом потерпевшего, обвиняемого и его защитника (иных лиц, в зависимости от конкретного уголовного дела) и тут же уведомляет их же об окончании расследования, повторно выполняет действия, предусмотренные статьями 215–217 УПК РФ. Затем следователь пересоставляет обвинительное заключение и направляет уголовное дело прокурору. Фактически какие-либо следственные действия по возобновленному делу следователем не выполняются, возобновление срока расследования проводится в нарушение требований части 6 статьи 162 УПК РФ и не согласуется с позицией прокурора, который в своем постановлении отражает тот факт, что предварительное следствие по делу проведено в полном объеме, и его возобновление не целесообразно. Однако данная схема получила наибольшее распространение в следственных подразделениях органов внутренних дел в г. Москве, поскольку позволяет избежать в дальнейшем возвращения уголовного дела из суда в порядке статьи 237 УПК РФ, хотя она и нивелирует различия между возвращением уголовного дела для производства дополнительного следствия и для пересоставления обвинительного заключения.

Два описанных способа практического решения задачи по пересоставлению обвинительного заключения можно считать базовыми, поскольку остальные проанализированные нами примеры уголовных дел являются своего рода интерпретацией и частичным использованием их элементов. К примеру, в некоторых следственных подразделениях Вологодской области вместо возобновления следствия практикуется вынесение руководителем следственного подразделения постановлений об установлении срока расследования для пересоставления обвинительного заключения, после чего дело принимается к производству следователем и составляется обвинительное заключение. Действия, предусмотренные статьями 215–217 УПК РФ, повторно не выполняются.

Такое многообразие способов пересоставления обвинительного заключения вызвано наличием пробелов в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве. При этом правоприменительная практика, пытаясь восполнить их самостоятельно, идет по пути проб и ошибок, которые приводят к возвращению уголовных дел судами в порядке статьи 237 УПК РФ [8] в связи с наличием нарушений требований статьи 220 УПК РФ, поскольку обвинительное заключение в итоге составляется с нарушениями, исключающими возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения на основании данного заключения.

Устранить сложившуюся ситуацию и избавить следователей от подобных «экспериментов» могло бы внесение в УПК РФ изменений, детально описывающих процедуру пересоставления обвинительного заключения, учитывающую следующее:

– в соответствии с частью 2 статьи 162 УПК РФ обвинительное заключение должно быть составлено в рамках срока предварительного следствия, в связи с чем вышеуказанную статью предлагаем дополнить частью 6.3 следующего содержания: «при возвращении уголовного дела прокурором для пересоставления обвинительного заключения руководитель следственного органа, в производстве которого находится уголовное дело, вправе устанавливать срок предварительного следствия, необходимый для пересоставления обвинительного заключения, в пределах десяти суток со дня поступления уголовного дела к следователю вне зависимости от того, сколько раз оно до этого возобновлялось, прекращалось либо возвращалось для производства дополнительного следствия, и вне зависимости от общей продолжительности срока предварительного следствия, без права дальнейшего продления указанного срока»;

– для пересоставления обвинительного заключения следователю необходимо его принять к производству. В связи с чем часть 2 статьи 156 УПК РФ предлагаем изложить в следующей редакции: «Если следователю или дознавателю поручается производство по уже возбужденному уголовному делу либо по уголовному делу, возвращенному прокурором для пересоставления обвинительного заключения, то он выносит постановление о принятии его к своему производству, копия которого в течение 24 часов с момента его вынесения направляется прокурору»;

– с учетом того, что при пересоставлении обвинительного заключения какие-либо следственные действия не проводятся, необходимость в повтор-

ном выполнении требований статей 215–217 УПК РФ фактически отсутствует, полагаем возможным дополнить УПК РФ статьей 220.1 следующего содержания: «При поступлении уголовного дела с постановлением прокурора о пересоставлении обвинительного заключения следователь в установленный руководителем следственного органа срок повторно составляет обвинительное заключение и направляет уголовное дело прокурору в соответствии с требованиями статьи 220 настоящего Кодекса».

Подводя итог всему вышеизложенному, сформулируем следующие выводы:

1. Положение пункта 2 части 1 статьи 221 УПК РФ нуждается в пересмотре и изложении в иной редакции, более конкретизированной и исключающей возможности ее различных интерпретаций, что будет способствовать формированию единой практики ее применения прокурорами различных субъектов Российской Федерации.

2. В УПК РФ необходимо внести ряд изменений для закрепления четкого механизма пересоставления обвинительного заключения с целью реализации следователями соответствующих решений прокуроров в порядке пункта 2 части 1 статьи 221 УПК РФ.

Список источников

1. Карагодин В.Н., Казаков А.А. Регулирование отношений прокурора и следователя в уголовном судопроизводстве // Библиотека криминалиста. 2017. № 6. С. 60.

2. Муллагалеева Л.Р. Проблемы обоснования прокурором решений о возвращении уголовного дела следователю //Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2020. № 1. С. 165–167.

3. Осколков А.В. Некоторые аспекты процессуального характера по делам, направленным в прокуратуру, для принятия решения в порядке статьи 221 УПК РФ // Пенитенциарная система, государство и общество: проблемы взаимодействия: Материалы Международной научно-практической конференции. Псков, 2022. С. 197–201.

4. Стельмах В.Ю. Возвращение прокурором уголовного дела для пересоставления обвинительного заключения // Тенденции развития современного уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации: сборник научных трудов. Екатеринбург, 2021. С. 143–146.

5. Федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Сборники ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России» «Сведения о следственной работе и дознании органов внутренних дел. Сводный отчет по России» за январь–декабрь 2018, 2019, 2020, 2021, январь–июнь 2022.

7. Сборники ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России» «Сведения о следственной работе и дознании органов внутренних дел. Сводный отчет по г. Москве» за январь–декабрь 2021, 2022.

8. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Красноярского краевого суда от 10 марта 2022 года по делу № 22-1636/2022 // Официальный сайт Красноярского краевого суда [Электронный ресурс]. URL: https://kraevoy--krk.sudrf.ru.

References

1. Karagodin V.N., Kazakov A.A. Regulirovanie otnoshenij prokurora i sledovatelya v ugolovnom sudoproizvodstve // Biblioteka kriminalista. 2017. № 6. S. 60.

2. Mullagaleeva L.R. Problemy` obosnovaniya prokurorom reshenij o vozvrashhenii ugolovnogo dela sledovatelyu //Rassledovanie prestuplenij: problemy` i puti ix resheniya. 2020. № 1. S. 165–167.

3. Oskolkov A.V. Nekotory`e aspekty` processual`nogo xaraktera po delam, napravlenny`m v prokuraturu, dlya prinyatiya resheniya v poryadke stat`i 221 UPK RF // Penitenciarnaya sistema, gosudarstvo i obshhestvo: problemy` vzaimodejstviya: Materialy` Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Pskov, 2022. S. 197–201.

4. Stel`max V.Yu. Vozvrashhenie prokurorom ugolovnogo dela dlya peresostavleniya obvinitel`nogo zaklyucheniya // Tendencii razvitiya sovremennogo ugolovno-processual`nogo zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii: sbornik nauchny`x trudov. Ekaterinburg, 2021. S. 143–146.

5. Federal`ny`j zakon ot 05.06.2007 № 87-FZ «O vnesenii izmenenij v Ugolovno-processual`ny`j kodeks Rossijskoj Federacii i Federal`ny`j zakon «O prokurature Rossijskoj Federacii»». Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus».

6. Sborniki CzSI FKU «GIACz MVD Rossii» «Svedeniya o sledstvennoj rabote i doznanii organov vnutrennix del. Svodny`j otchet po Rossii» za yanvar`–dekabr` 2018, 2019, 2020, 2021, yanvar`–iyun` 2022.

7. Sborniki CzSI FKU «GIACz MVD Rossii» «Svedeniya o sledstvennoj rabote i doznanii organov vnutrennix del. Svodny`j otchet po g. Moskve» za yanvar`–dekabr` 2021, 2022.

8. Apellyacionnoe opredelenie Sudebnoj kollegii po ugolovny`m delam Krasnoyarskogo kraevogo suda ot 10 marta 2022 goda po delu № 22-1636/2022 // Oficial`ny`j sajt Krasnoyarskogo kraevogo suda [E`lektronny`j resurs]. URL: https://kraevoy--krk.sudrf.ru.

Статья поступила в редакцию 11.05.2023; одобрена после рецензирования 16.05.2023; принята к публикации 16.05.2023.

The article was submitted 11.05.2023; approved after reviewing 16.05.2023; accepted for publication 16.05.2023.

Евразийская адвокатура. 2023. № 3 (62). С. 96.
Eurasian advocacy. 2023;(3(62)):96.

Правосудие и правоохранительная деятельность в евразийском пространстве

Научная статья
УДК 343.3
doi 10.52068/2304-9839_2023_62_3_96

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ЗА ВНЕСЕНИЯ В ЕДИНЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РЕЕСТРЫ ЗАВЕДОМО НЕДОСТОВЕРНЫХ СВЕДЕНИЙ

ШАЙХУТДИНОВ Фанис Фаритович
Аспирант 2-го курса Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, старший следователь Следственного управления по Северо-Восточному административному округу Следственного комитета Российской Федерации по городу Москве, подполковник юстиции
125080, г. Москва, ул. Врубеля, д. 12, Российская Федерация

Аннотация: Проведен анализ особенностей действующего законодательства РФ, предусматривающего уголовную ответственность должностных лиц за внесение в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений, а также сложившейся на настоящее время судебно-следственной практики по рассматриваемому виду преступлений. Показаны возможные варианты совершенствования норм уголовного права, призванных защитить единые государственные реестры от криминальных посягательств со стороны должностных лиц.

Ключевые слова: преступление, уголовная ответственность, должностное лицо, государственный реестр, недостоверные сведения

Для цитирования: Шайхутдинов Ф.Ф. Некоторые аспекты уголовной ответственности должностных лиц за внесения в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений // Евразийская адвокатура. 2023. № 3(62). С. 96. https:// doi.org/10.52068/2304-9839_2023_62_3_96

Justice and law-enforcement activity in the eurasian space

Original article

CERTAIN ASPECTS OF THE CRIMINAL LIABILITY OF OFFICIALS FOR KNOWINGLY ENTERING MISLEADING INFORMATION INTO THE UNIFIED STATE REGISTERS

SHAIKHUTDINOV Fanis Faritovich
Postgraduate student of the 2nd year of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Senior Investigator of the Investigative Department of the North-Eastern Administrative District of the Investigative Committee of the Russian Federation for Moscow, Lieutenant Colonel of Justice
125080, Moscow, Vrubel str., 12, Russian Federation

Abstract: An analysis of the current legislation of the Russian Federation, which provides for criminal liability of officials for entering knowingly false information in the unified state registers, as well as the current judicial and investigative practice for this type of crime, has been conducted. Possible options for improving the criminal law provisions designed to protect unified state registries from criminal attacks by officials are shown.

Keywords: crime, criminal responsibility, official, public register, false information

For citation: Shaikhutdinov F.F. Certain aspects of the criminal liability of officials for knowingly entering misleading information into the unified state registers = Eurasian advocacy. 2023;3(62):96. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2023_62_3_96

Система государственных реестров представляет собой один из жизненно необходимых элементов современного правового государства. В эпоху глобальной информатизации названные государственные информационные ресурсы, включающие в себя сведения, имеющие особую юридическую значимость, призваны обеспечить и обеспечивают законные интересы как граждан, так и государства. В этой связи правовая регламентация деятельности государственных реестров и уголовно-правовая защита точности и актуальности зафиксированной в них информации оста-

© Шайхутдинов Ф.Ф., 2023

ется в приоритетном поле зрения законодателя. К числу ключевых нормативных актов, имеющих самое непосредственное отношение к правовому регулированию деятельности единых государственных реестров, следует отнести Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» и др.

В свое время формирование системы единых государственных реестров в РФ имело целью создать надежные барьеры на пути неправомерных действий со стороны злоумышленников. Необходимой составляющей названной системы, безусловно, являются установленные в России меры уголовно-правовой защиты от преступлений, в которых так или иначе задействуются информационные ресурсы государственных реестров.

В настоящее время в РФ приняты нормы уголовного законодательства, призванные под страхом уголовного наказания не допустить со стороны должностных лиц действий по фальсификации единых государственных реестров. Надо признать, что эти нормы не в полной мере соответствуют реалиям сегодняшнего дня и нуждаются в дальнейшем совершенствовании.

Заметное место среди так называемых отечественных антирейдерских уголовно-правовых мер в свое время заняла ст. 285.3 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за внесение в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений. В данной статье Уголовного кодекса РФ в качестве субъекта преступления определено должностное лицо, которое, намеренно используя свой должностной статус, вносит в один из единых государственных реестров РФ заведомо недостоверные сведения, а равно умышленно уничтожает или совершает подлог документов, на основании которых были внесены запись или изменение в единые государственные реестры, если обязательность хранения этих документов предусматривается законодательством РФ.

Законодатель увидел в криминальной фальсификации должностными лицами сведений единых государственных реестров особую общественную опасность и посчитал необходимым наряду с уголовно-правовыми запретами, предусмотренными ст. 170.1. УК РФ, установившими уголовную ответственность за фальсификацию единого государственного реестра юридических лиц, ввести самостоятельную статью в главу 30 УК РФ, регламентирующую ответственность за преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

Появление в УК РФ ст. 285.3 УК РФ относится к периоду, когда российское государство формировало более совершенную правовую основу для противодействия рейдерским захватам, всплеск которых, как известно, пришелся на нулевые и десятые годы XXI века. Появление «адресной» нормы, позволяющей привлекать к уголовной ответственности должностных лиц за внесение в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений, создавало предпосылки для уголовного преследования тех, кто, пользуясь своим должностным статусом, в той или иной степени помогал рейдерам реализовывать их криминальные замыслы. Причем, что особенно важно, благодаря нововведениям у правоохранителей РФ уже на начальных этапах криминального захвата собственности появились возможности не допускать реализацию самых негативных сценариев, при которых истребование захваченного имущества ограничивается институтом защиты добросовестного приобретателя [8].

В юридической литературе высказано вполне обоснованное мнение о том, что ст. 285.3 УК РФ можно считать ведущей нормой, ориентированной на противодействие посягательствам на единые государственные реестры, так как предметом данного криминального деяния выступают только названные реестры, а другие нормы российского уголовного законодательства обеспечивают охрану единых государственных реестров лишь наряду с другими предметами [6, с. 77].

Нельзя не согласиться и с тем, что ст. 285.3 УК РФ стала неотъемлемой частью комплекса уголовно-правовых норм об ответственности за преступления коррупционной направленности, сопряженные с криминальными рейдерскими захватами, совершаемые лицами путем использования их служебного положения в целях незаконного перехода права собственности и облегчения такого перехода [1, с. 7].

После завершения периода высокой активности криминальных рейдеров в России положения ст. 285.3 УК РФ не потеряли актуальности в правоприменительной практике. Согласно опубликованным данным, количество преступлений, предусмотренных ст. 285.3 УК РФ, в последнее время имеет заметную тенденцию к росту. По сравнению с 2017 годом в 2022 году количество зарегистрированных фактов внесения должностными лицами в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений увеличилось практически в два раза [5, с. 21].

Как известно, законодатель посчитал необходимым сгруппировать в ст. 285.3 УК РФ два самостоятельных состава преступления. В одной статье сосуществуют внесение должностным лицом недостоверных сведений и умышленное уничтожение или подлог документов должностным лицом, на основании которых были внесены запись или изменение в единые государственные реестры, если обязательное хранение названных документов предусмотрено действующим законодательством.

Анализ особенностей квалификации преступлений по ст. 285.3 УК РФ достаточно широко представлен в юридической литературе [6]. Одним из наиболее основательных, развернутых и актуальных научных исследований в этой области можно назвать проведенное П.С. Яни [13].

В науке уголовного права высказывались различные точки зрения по поводу эффективности ст. 285.3 УК РФ. Разброс мнений специалистов колеблется в пределах от в основном позитивной оценки нормы, но с предложениями возможных вариантов по ее изменению и дополнению [4], до декриминализации в той или иной степени деяния, предусмотренного рассматриваемой статьей УК РФ. Так, в юридической литературе было высказано мнение о целесообразности квалификации в случае внесения должностными лицами заведомо недостоверных сведений в единые государственные реестры без наступления от данных деяний общественно опасных последствий по общим нормам, предусмотренным ст. 285 и 286 УК [7].

Предпочтительней выглядит позиция, согласно которой уголовно-правовые запреты, предусмотренные ст. 285.3 УК РФ, являются достаточно эффективными, но вместе с тем, безусловно, не исключают перспектив их дальнейшего совершенствования для соответствия актуальным вызовам настоящего времени.

Новые редакции ст. 285.3 УК РФ были предложены в ряде научных исследований [4, 12]. Авторы предложенных вариантов редакций рассматриваемой статьи УК РФ основной акцент делают на уточнениях объективной стороны рассматриваемого криминального деяния, а также на возможных изменениях его названия (например, искажение сведений федерального реестра).

Среди предложений по изменению и дополнению ст. 285.3 УК РФ, прежде всего, нужно отметить те, которые направлены на более точное определение перечня единых государственных реестров, которые должны подлежать уголовно-правовой защите, например, предложено ограничить их лишь такими реестрами, как ЕГРЮЛ, ЕГРИП, ЕГРП [7].

Особую ценность для следователей и судей будут иметь те изменения в законодательстве, которые позволят им более точно ориентироваться в системе действующих государственных реестров (на основе официально установленного исчерпывающего перечня единых государственных реестров). Это во многом упрощает правоприменителю решение задачи по определению субъекта преступления. Надо признать, что по данному направлению законодатель проявляет определенную активность, и в ближайшее время в РФ возможно появление новых государственных реестров, которые будут отнесены к разряду единых (единый реестр военнообязанных) [3].

Для иллюстрации сложностей при определении субъекта преступления в сфере действия государственных реестров можно отметить функционирование государственного реестра транспортных средств, который фактически действует в формате единого реестра на всей территории РФ. Ответственными за ведение названного государственного реестра являются сотрудники Главного управления обеспечения безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации. Хотя отечественная судебно-следственная практика складывается таким образом, что к уголовной ответственности по различным статьям главы 30 УК РФ привлекаются сотрудники ГИБДД за всякого рода криминальные фальсификации при регистрации транспортных средств, но целесообразнее было бы в этих случаях применение специальной нормы – ст. 285.3 УК РФ. Известно, что, согласно диспозиции ст. 285.3 УК РФ применительно к действиям по непосредственному внесению недостоверных сведений, субъектом преступления является должностное лицо, ответственное за внесение такого рода сведений. Сложнее ситуация выглядит для правоприменителя при квалификации умышленного уничтожения или подлога документов, на основании которых были внесены запись или изменение в единые государственные реестры, если обязательное хранение этих документов предусмотрено законодательством Российской Федерации. В данном случае от законодателя также можно ожидать соответствующих уточнений.

Возможно, законодателю стоит более дифференцированно подойти и к установлению уголовной ответственности в рамках статьи 285.3 УК РФ в зависимости от статуса должностного лица в едином государственном реестре. Как показывает судебно-следственная практика, среди должност-

ных лиц могут фигурировать в качестве обвиняемых по рассматриваемой статье УК РФ лица, обладающие потенциально неодинаковыми «возможностями» для совершения преступлений. Вариации должностного положения у субъекта преступления возможны от начальника межмуниципального отдела Управления Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по субъекту РФ, заместителя начальника отдела подготовки сведений филиала ФФГБУ ФКП до главного специалиста-эксперта Управления государственной регистрации права [2, 8, 9, 10].

Вводя в УК РФ ст. 285.3 УК РФ, законодатель вполне логично выстраивал систему уголовно-правовых запретов для защиты от преступных посягательств единых государственных реестров, что называется, изнутри, в случае противоправных деяний должностных лиц, уполномоченных контролировать оборот названных реестров [12, с. 3]. Но после принятия Федерального закона «О внесении изменений в статьи 201 и 285 Уголовного кодекса Российской Федерации» от 24.02.2021 № 16-ФЗ перечень должностных лиц в статьях главы 30 УК РФ заметно расширился. Если раньше в качестве субъекта преступления, прежде всего, рассматривались должностные лица, непосредственно обеспечивающие функционирование единых государственных реестров, то в настоящее время субъектами внесения в единые государственные реестры могут стать и должностные лица, не работающие в системе государственных реестров РФ. Например, если в качестве заявителя на регистрацию юридического лица выступает лицо, статус которого приравнен к должностному лицу после расширения перечня таковых в ст. 285 УК РФ. Соответственно, законодателю в связи с названными обстоятельствами есть смысл модифицировать положения ст. 285.3 УК РФ.

Действующее законодательство РФ, предусматривающее уголовную ответственность за внесение должностными лицами в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений, успешно применяется на практике и в целом способно решать те задачи, которые поставил перед правоохранительными и судебными органами законодатель. Вместе уголовно-правовые запреты рассматриваемой разновидности могут совершенствоваться по нескольким направлениям. Наиболее актуальными из них можно признать внесение законодателем большей определенности в отношении перечня действующих единых государственных реестров РФ, а также уточнение круга должностных лиц, которые должны привлекаться к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 285.3 УК РФ.

Список источников

1. Абдулмуслимов М.А. Противодействие коррупции в сфере недружественных корпоративных слияний и поглощений (рейдерских захватов): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.
2. Апелляционное постановление Московского областного суда № 22-3452/2019 от 25 июля 2019 г. по делу № 22-3452/2019.
3. В Госдуме объяснили новое правило получения повестки в военкомат // Взгляд. 2023. 11 апреля [Электронный ресурс]. URL: https://m.vz.ru/news/2023/4/11/1207017.html.
4. Горлов А.С. Уголовно-правовая охрана отношений в сфере ведения единых государственных реестров: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013.
5. Данные из формы 1-ЕГС (за 2012, 2017 и 2022 годы). Материал подготовлен старшим научным сотрудником отдела правовой статистики и информационного обеспечения прокурорской деятельности Университета прокуратуры Российской Федерации Колесниковой Н.В. С. 21 [Электронный ресурс]. URL: https://docviewer.yandex.com.
6. Ильяшенко А.Н. Объективная сторона состава внесения в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений (статья 253.3 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Общество и право. 2014. № 4 (50). С. 77–81.
7. Никитин Е.В., Черепашкин А.С. Система преступлений, связанных с фальсификацией единых государственных реестров и систем учета прав владельцев ценных бумаг: уголовно-правовой аспект // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6 [Электронный ресурс]. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=8083.
8. Председатель СК России принял участие в работе международной научно-практической конференции // Следственный комитет Российской Федерации: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: http://sledcom.ru/press/events/item/1114100/.
9. Постановление Ленинского районного суда г. Грозного Чеченской Республики № 1-144/2018 1-5/2019 от 17 мая 2019 г. по делу № 1-144/2018.
10. Постановление Апелляционного суда города Севастополя № 44У-13/2019 4У-98/2019 от 3 июля 2019 г. по делу № 1-336/2018.
11. Приговор Люберецкого городского суда Московской области № 1-623/2019 1-7/2020 от 26 февраля 2020 г.
12. Струкова-Сивой М.А. Уголовно-правовая охрана оборота единых государственных реестров в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
13. Яни П. Фальсификация единых государственных реестров (ст. 285.3 УК): вопросы квалификации // Законность. 2021. № 8(1042). С. 38–43.

References

1. Abdulmuslimov M.A. Protivodejstvie korrupcii v sfere nedruzhestvenny`x korporativny`x sliyanij i pogloshhenij (rejderskix zaxvatov): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2015.

2. Apellyacionnoe postanovlenie Moskovskogo oblastnogo suda № 22-3452/2019 ot 25 iyulya 2019 g. po delu № 22-3452/2019.

3. V Gosdume ob``yasnili novoe pravilo polucheniya povestki v voenkomat // Vzglyad. 2023. 11 aprelya [E`lektronny`j resurs]. URL: https://m.vz.ru/news/2023/4/11/1207017.html.

4. Gorlov A.C. Ugolovno-pravovaya oxrana otnoshenij v sfere vedeniya ediny`x gosudarstvenny`x reestrov: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Krasnodar, 2013.

5. Danny`e iz formy` 1-EGS (za 2012, 2017 i 2022 gody`). Material podgotovlen starshim nauchny`m sotrudnikom otdela pravovoj statistiki i informacionnogo obespecheniya prokurorskoj deyatel`nosti Universiteta prokuratury` Rossijskoj Federacii Kolesnikovoj N.V. S. 21 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://docviewer.yandex.com.

6. Il`yashenko A.N. Ob``ektivnaya storona sostava vneseniya v ediny`e gosudarstvenny`e reestry` zavedomo nedostoverny`x svedenij (stat`ya 253.3 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii) // Obshhestvo i pravo. 2014. № 4 (50). S. 77–81.

7. Nikitin E.V., Cherepashkin A.S. Sistema prestuplenij, svyazanny`x s fal`sifikaciej ediny`x gosudarstvenny`x reestrov i sistem ucheta prav vladel`cev cenny`x bumag: ugolovno-pravovoj aspekt // Sovremenny`e problemy` nauki i obrazovaniya. 2012. № 6 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=8083.

8. Predsedatel` SK Rossii prinyal uchastie v rabote mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii // Sledstvenny`j komitet Rossijskoj Federacii: oficial`ny`j sajt [E`lektronny`j resurs]. URL: http://sledcom.ru/press/events/item/1114100/.

9. Postanovlenie Leninskogo rajonnogo suda g. Groznogo Chechenskoj Respubliki № 1-144/2018 1-5/2019 ot 17 maya 2019 g. po delu № 1-144/2018.

10. Postanovlenie Apellyacionnogo suda goroda Sevastopolya № 44U-13/2019 4U-98/2019 ot 3 iyulya 2019 g. po delu № 1-336/2018.

11. Prigovor Lyubereczkogo gorodskogo suda Moskovskoj oblasti № 1-623/2019 1-7/2020 ot 26 fevralya 2020 g.

12. Strukova-Sivoj M.A. Ugolovno-pravovaya oxrana oborota ediny`x gosudarstvenny`x reestrov v Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2013.

13. Yani P. Fal`sifikaciya ediny`x gosudarstvenny`x reestrov (st. 285.3 UK): voprosy` kvalifikacii // Zakonnost`. 2021. № 8(1042). S. 38–43.

Статья поступила в редакцию 17.05.2023; одобрена после рецензирования 26.05.2023; принята к публикации 26.05.2023.

The article was submitted 17.05.2023; approved after reviewing 26.05.2023; accepted for publication 26.05.2023.

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

Jus est ars boni et aequi

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Мы рады представить вашему вниманию
ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

Деятельность нашего института направлена на разработку актуальных проблем юридической науки в евразийском правовом пространстве. Институт проводит фундаментальные и прикладные исследования в области государственно-правовых наук, международного права, адвокатуры и нотариата, социологии права, политологии, интерэкоправа, изучает закономерности правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности, разрабатывает на этой основе практические рекомендации, принимает участие в разработке законопроектов, содействует повышению профессионального уровня юристов, организует и участвует в проведении научных мероприятий, оказывает консультационные услуги в области права, а также редакционно-издательские услуги.

Приглашаем вас к сотрудничеству!

Контактная информация

Website: www.eurasniipp.ru E-mail: info@eurasniipp.ru WhatsApp: +7-917-40-61-340

Евразийская адвокатура. 2023. № 3 (62). С. 101.
Eurasian advocacy. 2023;(3(62)):101.

Правосудие и правоохранительная деятельность в евразийском пространстве

Научная статья
УДК 343.985.2
doi 10.52068/2304-9839_2023_62_3_101

ИНДЕКСАЦИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ СООБЩЕНИЙ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

ПЕЧНИКОВА Розалия Багдуевна
Аспирант кафедры криминалистики юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13, Российская Федерация

Аннотация: Статья посвящена вопросам электронной переписки. В настоящее время электронная переписка занимает важное место в жизни людей и является наиболее популярным инструментом для обмена информацией. Поэтому электронные сообщения являются важной составляющей доказательной базы.

Большая значимость электронной переписки и распространение мобильных устройств предъявляют все новые и новые требования к ученым, юристам, криминалистам и следователям. Требуется освещение базовых особенностей и специфики электронной переписки, а также методов поиска относимых сообщений.

Статья посвящена исследованию большого массива электронных сообщений путем индексации. В статье описаны методы поиска по электронной переписке. Из-за популярности такого способа обмена информацией электронная переписка может быть довольно объемной и не всегда относимой к предмету доказывания. Для того чтобы отграничить круг относимых к доказыванию сообщений, необходимо применять индексацию электронных сообщений. Это один из способов поиска нужной информации. Индексация заключается в поиске по ключевым словам. В статье описаны инструменты и механизмы такого поиска, необходимое программное обеспечение. Также описывается алгоритм выявления наиболее полезных для поиска ключевых слов и порядок применения такого алгоритма для составления списка ключевых слов следователем.

Ключевые слова: расследование, индексация, электронные сообщения, цифровые доказательства, цифровые сообщения

Для цитирования: Печникова Р.Б. Индексация электронных сообщений в ходе расследования преступлений // Евразийская адвокатура. 2023. № 3(62). С. 101. https:// doi.org/10.52068/2304-9839_2023_62_3_101

Justice and law-enforcement activity in the eurasian space

Original article

INDEXING OF ELECTRONIC MESSAGES DURING THE INVESTIGATION OF CRIMES

PECHNIKOVA Rozaliia Bagduevna
Postgraduate student of Department of Criminalistics of Law faculty of Moscow State University
119991, Moscow, Leninskiye gory, 1, b. 13, Russian Federation

Abstract: The article is devoted to the issues of electronic correspondence. Currently, electronic correspondence occupies an important place in people's lives and is the most popular tool for information exchange. Therefore, electronic messages are an important component of the evidence base. The great importance of electronic correspondence and the spread of the use of mobile devices by people places new and new demands on scientists, lawyers, criminologists and investigators. It requires coverage of the basic features and specifics of electronic correspondence, as well as methods of searching for relevant messages.

The article is devoted to the study of a large array of electronic messages by indexing. The article describes the methods of searching by e-mail. Due to the popularity of this method of information exchange, electronic correspondence can be quite voluminous and not always relevant to the subject of proof. In order to delineate the range of messages related to proof, it is necessary to use indexing of electronic messages. This is one of the ways to find the right information. Indexing consists in keyword search. The article describes the tools and mechanisms of such a search, the necessary software. The article also describes an algorithm for identifying the most useful keywords for searching and the use of such an algorithm for compiling a list of keywords by an investigator.

Keywords: Investigation, indexation, e-messages, digital evidence, digital messages

For citation: Pechnikova R.B. Indexing of electronic messages during the investigation of crimes = Eurasian advocacy. 2023;3(62):101. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2023_62_3_101

© Печникова Р.Б., 2023

Technological progress does not stand still, modern technical achievements play a big role in people's lives. Currently, few people can live without a smartphone, almost everyone has a social media account and uses a computer. There has been a transformation from analog devices to digital ones, thus, some scientists argue about the emergence of a completely new and specific forensic category – «virtual traces». Unfortunately, such progress serves not only good purposes, but also helps to develop crime, creating new ways and means of committing a crime, ways of communication and interaction of criminals among themselves, the interaction of the criminal with the victim.

One of the results of this transformation was the increase in information exchange between people using electronic devices. It's not just about verbal communication, but about the exchange of thoughts expressed in a letter – about correspondence. The importance of the information stored in the correspondence cannot be underestimated. Nowadays, people communicate by correspondence even more often than live communication. Through electronic messages, people communicate, arrange meetings and even conduct business.

Today, the Internet network plays a huge role in people's communication. Such communication is also used to commit crimes. We are not talking about crimes in the field of computer information, but about absolutely any crime. Attackers plan crimes using the Internet, communicate and keep in touch with each other using electronic messages. Electronic messages contain a large number of forensic important traces of a crime, which can and should be used in the investigation, as well as in proving.

Electronic messages are a huge array of information. It is quite difficult to find the necessary data in it that will be relevant to the case. For these purposes, keyword search or indexing is used. A keyword is a word that is contained in the desired message or characterizes it and allows you to find the desired message. An index is a number, letters, word, or other combination of characters, a data structure that contains information about a document (in our case, a message) and allows you to quickly and accurately search for the necessary information.

Continuous viewing of messages that have been compiled for a long time will take a lot of time, may lead to disruption of procedural deadlines. Therefore, software tools have been developed to solve this problem. At the moment, there is no more effective tool for finding relevant messages than indexing – keyword search. A keyword is a word that is contained in the desired message or characterizes it, so that the message can be highlighted and marked as having significance for the investigation.

The first stage of the indexed search begins with determining the circle of persons, e-mail addresses, correspondence with which may potentially contain the necessary information. With the help of already available data, the time interval to which correspondence containing the required information can relate is limited. After that, there is a search for correspondence directly (with certain persons and in a certain period of time). The found correspondence is already being searched by keywords.

The search is carried out using special software. Firstly, these are commercial software complexes designed for the study of electronic devices in general, such as AccessData FTK, EnCase, BelkaSoft and Archivist, Oxiom, BlackBag and others. These programs have an option to search using keywords, but this is only one of the tasks. Secondly, these are software complexes that allow you to search for keywords in large data arrays and such a search is their main task, and in addition, they have some analytical functions with which you can filter files by subject. Such programs include: ZyLAB, Relativity, Nuix, Ringtone and others. They are distinguished by the presence of great features, such as searching in files of various formats, searching for similar words, etc.

The search takes place as follows: the operator loads the volume of messages to be examined into the program, forms a list of keywords, sets them for search, and then checks the results issued by the software tool.

Of course, the software does not perform a primitive search for a combination of letters. For example, spelling mistakes, unfinished words, synonyms and consonant words with keywords – all this will be found. However, the list of keywords itself should be compiled by a person, in our case, an investigator or an expert.

Keyword compilation should be carried out in accordance with the following algorithm:

1. Formulation of the goal. At this stage, an idea is formed about the actual circumstances that can be reflected in the correspondence, and which can be used in proving the case. This stage helps to avoid unjustified viewing of messages that are not relevant to the case, which in one way or another is a violation of the secrecy of correspondence, which should be avoided unnecessarily.

So, in the USA there is a reservation to the Fourth Amendment to the US Constitution, which is called «plain view doctrine» – «open view theory». It allows police officers to inspect and seize only those evidences that are in plain sight, or those directly targeted by

the search. In the case of USA v. Carey [2], the police had a warrant that provided for their search during the search of computer files containing names, addresses, phone numbers related to the distribution of prohibited substances. During the search, one of the police officers began to look through all the files on the computer in general, and found child pornography. During the proceedings, the court for the first time applied the theory of an open view to the search of a computer and ruled that only those files and data that are relevant to the event under investigation should be seized. Part 1 of Article 88 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation contains a requirement on the relevance of evidence. In the Comments to the CPC, it is said that a sign of the relevance of evidence in criminal proceedings is their logical connection with the circumstances listed in Article 73 of the CPC that are subject to proof, i.e. with the subject of proof. However, often, the data array in the correspondence is so large that it can be quite difficult to identify relevant messages.

In Russian criminal proceedings, information on devices is often obtained by investigators during an inspection of physical evidence (for example, an inspection of a smartphone). The procedure for such an inspection does not impose restrictions on the investigator as to which files he can view and what information he can receive. In our opinion, the messages examined by the investigator should be relevant to the event under investigation, by analogy with the US experience. And it is the correct indexing of electronic messages during the investigation that will help to limit the range of messages considered by law enforcement agencies, narrowing them to those related to the specific information sought.

2. Assessment of available information. At this stage, the investigator should analyze all the available information. Special attention should be paid to names, addresses, phone numbers, nicknames (if any), the age of the recipients, their education. Also, a valuable source of data can be interrogation recordings or materials of operational investigative measures that can help establish peculiar speech patterns, conditional expressions, words used in live speech by the person whose correspondence is being investigated. As a result, we get a reasonable idea about the intellectual level of development of the participants in the correspondence, about the vocabulary they use, etc.

3. Comparison of available and required information. According to Koldin V.Ya. [1, c. 3], investigative actions «without an information search model of the desired and a clear representation of the tasks of the investigative action, as a rule, do not lead to the goal, but most often cause tactical harm.» This also applies to the indexing of electronic messages during the investigation process. It is the comparison and comparison of the available information with the desired one that will determine the further tasks of the investigator on the way to the formulation of keywords. So, for example, the investigator knows that he does not have enough evidence about the transfer of a bribe, at this stage he compares the available data (testimony that the bribe was transferred to a certain person, documents confirming the performance of certain actions by a person) with the missing ones (the amount of the bribe, confirmation of the fact of its transfer, an agreement on the performance of actions, the person's ability to perform these actions, etc.), after which he will get a clearer idea of the information he is looking for: he will have to find messages confirming the meeting or agreement. This will allow the investigator to identify gaps in the array of evidence and understand whether potential messages will be able to fill them.

4. Identification of the main words and phrases. Having determined what evidentiary information the investigator expects to find in the correspondence, he, to begin with, in general terms, forms a list of words and phrases that may be contained in the alleged information, and which indicate the circumstances of interest to the investigation.

5. Identification of features and formulation of synonyms. Modern software is capable not only of searching for specific words, but also of searching for messages that include similar words or synonyms. However, any search for such words is based on the database of a specific program, which includes words and their synonyms. Such programs cannot take into account, for example, all the slang of the criminal world or certain ciphers. That is why, during the formulation of keywords for the investigator, the social group to which the addressees of the messages belong, and even the individual features of the vocabulary of the participants in the correspondence, phraseological phrases that are used, or can be used by them, in relation to the event under investigation, are also of great importance. For example, if we are talking about indexing corporate email messages, we should not forget about corporate slang. So, the word «bribe» in corporate language is often replaced by the word «kickback», «fit», «kick-back».

6. Formation of the final list of keywords. At this stage, the investigator, having summarized his ideas about the terminology used in the correspondence and its place in the event under investigation, makes a complete list of keywords, taking into account all the existing gaps and features.

The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation provides for the possibility of attracting a specialist. During the formulation of keywords for indexing, we suggest not to neglect the involvement of a specialist, if required. So, it is possible to involve a data encryption specialist, a linguist or, for example, a translator.

Modern indexing software tools are based on logical search operators. Some, for example, allow you to search for several keywords simultaneously, which allows you to exclude possible omissions related to spelling errors or abbreviations made when composing the messages themselves, as well as expand the search by using synonyms. For example, to search for information about a bribe in messages using the ZyLAB program, the following keywords can be used: kickback OR bribery OR «on the paw»…

The indisputable advantage of the ZyLAB program is the ability to search for words in embedded files, including not only text, but also graphic ones. But, at present, this program is not always available to employees of the investigative apparatus.

The results of the survey conducted within the framework of this dissertation research showed that most law enforcement officials are not familiar with the concept of indexing electronic messages and do not apply it in practice. However, there are also those who are familiar with and successfully use indexing during the investigation. They use the following software: ZyLAB, dtSearch Desktop, Archivist.

Search by keywords in electronic correspondence can be carried out both as part of a computer-technical examination, and directly to investigators as part of an inspection of the device. To do this, the investigator needs to install a program that provides indexed search on his work computer, connect the device under investigation to it and use the program to download the array of messages to be investigated to his computer, after which he will conduct his research by indexing. Modern programs have a fairly user-friendly interface that is understandable to everyone, and do not require special knowledge that goes beyond the skills of an ordinary user. Of course, such actions cannot always be carried out by an investigator, since access to the data on the device is not always easy to obtain, and if this requires special knowledge, the device must be sent for examination. The found messages should be recorded in the inspection report or in the expert's opinion. The electronic messages themselves must be transferred to an electronic medium and attached to the case materials.

Indexing of electronic messages can greatly facilitate the search for the necessary information and reduce the time for this search. Modern indexing software does have serious capabilities, however, human participation is still the most important aspect, since it is the person who makes the list of keywords. Such compilation should be built in accordance with a clear algorithm so as not to miss important words and information. Limiting the range of words, you are looking for will not only help you focus on important evidentiary information, but will also help you avoid violating the rights of the author of the investigated messages.

Список источников

1. Вещественные доказательства: Информационные технологии процессуального доказывания / под. общ. ред. В.Я. Колдина. М.: НОРМА, 2002.

2. США против Кери, 110 (Список дел Верховного Суда США) 51(1884) [Электронный ресурс]. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/110/51/.

References

1. Veshhestvenny`e dokazatel`stva: Informacionny`e texnologii processual`nogo dokazy`vaniya / pod. obshh. red. V.Ya. Koldina. M.: NORMA, 2002.

2. SShA protiv Keri, 110 (Spisok del Verxovnogo Suda SShA) 51(1884) [E`lektronny`j resurs]. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/110/51/.

Статья поступила в редакцию 16.05.2023; одобрена после рецензирования 26.05.2023; принята к публикации 26.05.2023.

The article was submitted 16.05.2023; approved after reviewing 26.05.2023; accepted for publication 26.05.2023.

Евразийская адвокатура. 2023. № 3 (62). С. 105.
Eurasian advocacy. 2023;(3(62)):105.

Актуальные проблемы юридической науки и практики

Научная статья
УДК 34.096
doi 10.52068/2304-9839_2023_62_3_105

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА, СВЯЗАННОГО С ПРАВОВЫМ РЕГУЛИРОВАНИЕМ КИБЕРПРОСТРАНСТВА

ОСТРОУШКО Александр Владимирович[1], БУКАЛЕРОВА Людмила Александровна[2], ШАГИЕВА Розалина Васильевна[3]
[1]Кандидат юридических наук, доцент, доцент Департамента международного и публичного права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
125167, г. Москва, Ленинградский пр., д. 49/2, Российская Федерация
[2]Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры частного права Государственного университета управления
109542, г. Москва, Рязанский пр., д. 99, Российская Федерация
[3]Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Российской таможенной академии
140015, г. Люберцы, Комсомольский пр., д. 4, Российская Федерация

Аннотация: Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета. В статье исследованы различные определения термина «киберпространство» в юридической теории и практике. Выделены положительные и негативные характеристики различных подходов. Рассмотрена возможность использования на современном этапе понятия информационного пространства как идентичного исследуемой категории.

Ключевые слова: киберпространство, информационное пространство, дефиниция, проблемы, правовое регулирование, совершенствование

Для цитирования: Остроушко А.В., Букалерова Л.А., Шагиева Р.В. Совершенствование понятийного аппарата, связанного с правовым регулированием киберпространства // Евразийская адвокатура. 2023. № 3(62). С. 105. https:// doi.org/10.52068/2304-9839_2023_62_3_105

Actual problems of law science and practice

Original Article

IMPROVEMENT OF THE CONCEPT ASSOCIATED WITH THE LEGAL REGULATION OF CYBERSPACE

OSTROUSHKO Alexander Vladimirovich[1], BUKALEROVA Lyudmila Alexandrovna[2], SHAGIEVA Rosalina Vasilevna[3]
[1]Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of International and Public Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation
125167, Moscow, Leningradsky prospect, 49/2, Russian Federation
[2]Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Private Law of the State University of Management
109542, Moscow, Ryazan Ave., 99, Russian Federation
[3]Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Russian Customs Academy
140015, Lyubertsy, Komsomolsky Prospekt, 4, Russian Federation

Abstract: The article explores various definitions of the term «cyberspace» in legal theory and practice. Positive and negative characteristics of various approaches are highlighted. The possibility of using the concept of information space at the present stage as identical to the category under study is considered.

Keywords: cyberspace, information space, definition, problems, legal regulation, improvement

For citation: Ostroushko A.V., Bukalerova L.A., Shagieva R.V. Improvement of the concept associated with the legal regulation of cyberspace = Eurasian advocacy. 2023;3(62):105. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2023_62_3_105

© Остроушко А.В., Букалерова Л.А., Шагиева Р.В., 2023

Цифровое пространство сегодня содержит много потенциальных угроз для глобальной безопасности, а также для суверенитета и национальных интересов отдельных стран. Это отмечал еще в 2021 году Президент РФ Владимир Путин. Цифровую среду используют международные террористы, организованная преступность, здесь много потенциальных угроз для общей глобальной безопасности и для отдельных стран, их суверенитета и национальных интересов. «Необходимо реформировать государственную политику в области международной информационной безопасности. XXI век по праву называют временем прорывного развития информационных технологий, они завоевывают буквально все сферы жизни: это новые системы связи, глобальных коммуникаций, так называемый интернет вещей, искусственный интеллект, электронные государственные услуги, цифровая медицина. Кардинальную трансформацию проходят традиционные сферы деятельности государства, общества, бизнеса, создаются принципиально новые возможности для экономики и рынка труда, для повышения качества жизни людей» [1].

В процессе повсеместного внедрения компьютеров во все сферы жизни, которое продолжается в течение многих лет, прослеживается тенденция заимствования терминологии, используемой в сфере функционирования цифровых технологий, что влияет на институты всех смежных отраслей. Так произошло с терминами «киберпространство», «кибербезопасность» и иными с приставкой «кибер». Применительно к тематике нашего исследования прослеживается множественное использование подобных терминов, в том числе в «документе стратегического планирования Национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации» (киберугрозы, кибербезопасность, киберполигон, киберустойчивость и др.) при полном отсутствии легального определения таковых» [2, с. 54]. Опасность такого подхода в том, что «некорректное обращение с терминами порождает несогласованность определений и неопределенность в правоприменении и вынуждает заниматься зачастую их противоречивым и инвариантным толкованием» [3, с. 33]. Если обратиться к истории и этимологии термина, то считается, что он был заимствован из произведения писателя-фантаста У. Гибсона, который описал киберпространство как «консенсуальную галлюцинацию, которую трудно отличить от реальности и в которой компьютерные системы являются своего рода заменой реального мира, существующего только в памяти компьютеров и умах его пользователей» [4], или из более ранних комиксов, где под таким пространством понималась область вне какого-либо регулирования.

В российскую правовую сферу английское «cyber» было перенесено без учета того, что оно является не самостоятельным словом, а префиксом, то есть начальным элементом сложных английских слов, и на русский язык переводится как «связанный с компьютерами, информационными технологиями, Интернетом». Это значение прослеживается в официальном переводе названия Будапештской конвенции «The Convention on Cybercrime» (CETS No. 185) (2002) [5], которая была принята в 2001 году Советом Европы как Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации.

В настоящее время нет единого подхода к пониманию сущности киберпространства, как и его четкого определения. По данным американского эксперта Ф.Д. Крамера, «в зарубежной научной доктрине насчитывается порядка 28 определений киберпространства» [6]. Отечественные ученые также не имеют четко выработанного определения понятия «киберпространство».

По мнению Р.И. Вылкова, «киберпространство – это принципиально новый вид проективного пространства культуры, который соединяет знаковую реальность и современную технологию, облегчающую и существенно ускоряющую мыслительную деятельность людей» [7, с. 128]. Есть мнение, что данный термин «является самым оптимальным из всех существующих, а использование данного термина позволит в полной мере раскрыть природу явлений, происходящих в информационных сетях» [8].

Исследуя всю совокупность доктринальных определений понятия «киберпространство», можно сделать вывод, что они базируются на трех основных подходах. Согласно первому подходу, «понимание слова «киберпространство» дается через систему обычного метрического пространства, включая его в геополитический дискурс. Второй подход трактует киберпространство как пространство информационных взаимодействий, при этом понятие «киберпространство» используется как синоним понятия «информационное пространство», «информационное поле» и т. д.

Наконец, возможен третий подход – социальный, в котором киберпространство выражается совокупностью находящихся в информационных отношениях структур [9].

Мы не ставим цель проанализировать всю совокупность определений киберпространства, но позволим остановиться на наиболее значимых

из них, а также типичных, по нашему мнению, ошибках при разработке данной дефиниции и, используя эти данные, выразить свою позицию.

Мы не можем согласиться с позицией авторов, которые отрывают понятие киберпространства от действительности реального мира и подразумевают, что «это одна из множества форм виртуальной реальности» [9, с. 56], при этом виртуальная реальность – созданный техническими средствами мир, передаваемый человеку через его ощущения: зрение, слух, осязание и другие; термин, давно устоявшийся в научном обиходе. Хочется заметить, что киберпространство создается и существует в пространстве действия современных информационных и цифровых технологий, но это «не иллюзорный, а вполне реальный мир, отличие которого от действительности состоит лишь в способе связи между субъектами – посредством широкого использования информационно-телекоммуникационных технологий, выходящих за рамки одного государства» [11]. Киберпространство – это социальная среда, где люди находятся в не менее тесном взаимодействии друг с другом, имеют те же права и обязанности, что и в действительности.

Позволим себе также не согласиться с позицией, когда под киберпространством понимается «искусственно созданная среда, существование которой ограничено информационно-телекоммуникационной сетью, пользователи которой могут свободно вступать в административные, гражданские, уголовные и другие правоотношения. Киберпространство может появиться в любой информационно-телекоммуникационной сети» [8]. По нашему мнению, тут происходит подмена понятий, и киберпространством называется то, что является виртуальной средой (пространством) чего-либо.

Не стоит обращаться при определении киберпространства к науке кибернетике, которая, несмотря на этимологическую схожесть терминов, изучает «общие закономерности процессов управления и передачи информации в машинах, живых организмах и обществе» [12].

В научной литературе киберпространство достаточно часто «ошибочно ассоциируется только с информационно-телекоммуникационной сетью Интернет» [13]. Или с более широким толкованием, согласно которому киберпространство есть «продукт функционирования любых информационно-коммуникационных технологий (в том числе и Интернета)» [14, с. 56]. Мы поддерживаем в данном случае позицию А.А. Данельян о том, что киберпространство – «это сочетание компьютеров, мобильных устройств и пользователей, которые вступают между собою во взаимодействие на расстоянии. Интернет, в свою очередь, используется для подключения этих компьютеров и мобильных устройств. Киберпространство шире Интернета, Интернет находится в киберпространстве» [13].

В современных условиях немного некорректно говорить о так называемом «цифровом киберпространстве» [15, с. 101], так как национальной целью является цифровая трансформация общественных отношений. Такие цифровые технологии давно и прочно заместили аналоговые технологии в сфере передачи информации. Однако считаем допустимым использовать формулировку «информационные и цифровые технологий» в киберпространстве, чтобы подчеркнуть их важность и уникальность на теоретическом уровне.

Довольно неоднозначной является позиция, в рамках которой проводится знак равенства между киберпространством и информационным пространством. Так, Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» ввел значительное количество новых терминов, таких как «облачные вычисления», «интернет вещи», в нем прослеживается автоматический перенос дефиниции «информационное пространство» на определение киберпространства [16].

Если рассматривать легальное определение информационного пространства, где под ним понимают совокупность информационных ресурсов, созданных субъектами информационной сферы, средств взаимодействия таких субъектов, их информационных систем и необходимой информационной инфраструктуры [17], то мы видим, что оно перекликается с определением киберпространства из модельного закона о киберпреступности Международного союза электросвязи: «физическое и нефизическое пространство, созданное и (или) сформированное следующим образом: компьютеры, компьютерные системы, сети, их компьютерные программы, компьютерные данные, данные контента, движение данных и пользователи» [18]. Киберпространство при современном уровне развития информационно-телекоммуникационных технологий – это основной доминирующий составной элемент информационного пространства [19]. Это позволяет нам сделать вывод о возможном тождестве данных двух определений при использовании термина в условиях отсутствия единой позиции и до момента, пока дефиниция кибер-

пространства не получит официального закрепления.

Определенный интерес может представлять определение киберпространства из проекта Концепции Стратегии кибербезопасности Российской Федерации: «сфера деятельности в информационном пространстве, образованная совокупностью коммуникационных каналов Интернета и других телекоммуникационных сетей, технологической инфраструктуры, обеспечивающей их функционирование, и любых форм осуществляемой посредством их использования человеческой активности (личности, организации, государства)» [20].

Однако не стоит забывать, что данное определение было разработано десятилетие назад, что при нынешнем развитии информационных технологий – довольно большой срок, связанный с развитием информационного общества, в отсутствие базовых определений, данных позднее в Доктрине информационной безопасности и Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации. Поэтому мы не можем принять его за основу для целей информационного и других отраслей права.

Рассматривая действующую правовую доктрину, мы можем констатировать, что в Российской Федерации нет нормативных правовых актов, определяющих понятие «киберпространство». Анализ базы Официального интернет-портала правовой информации показал упоминание о киберпространстве только в 13 подзаконных актах. Исследуя программные документы в области национальной безопасности (раздел «Информационная безопасность»), мы видим, что государственная политика ориентирована на развитие информационно-коммуникационных технологий и средств, формирующих информационное пространство, а также на обеспечение его безопасности.

Таким образом, мы делаем вывод, что мы будем руководствоваться гипотезой о равнозначности понятий информационного пространства и киберпространства. Аналогичный подход обозначен Советом при Президенте РФ по правам человека в Концепции обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина в цифровом пространстве Российской Федерации.

При этом следует учитывать, что киберпространство, возможно, – новая правовая категория, которая до настоящего времени не получила должного правового оформления на универсальном уровне. Формирование правовых подходов к понятию киберпространства и кибербезопасности – насущная задача, в том числе для юридической науки [21], которая в полной мере не поддержана законодателем. В связи с чем предлагаем государству в ближайшее время обозначить свою позицию по данному вопросу и закрепить в нормативном правовом акте необходимые определения.

В то же время расплывчатость и неопределенность определения киберпространства не должны приводить к ошибочному выводу о невозможности правового регулирования данной сферы.

Список источников

1. Дружинин А. Путин: В киберпространстве много угроз для глобальной безопасности и суверенитета стран [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/politika/11006783?ysclid=lgtc7mida423452426.
2. Остроушко А.В. О необходимости совершенствования понятийного аппарата в сфере регулирования информационной инфраструктуры // Юридические исследования. 2022. № 9. С. 52–61.
3. Наумов В.Б. Негативные закономерности формирования понятийного аппарата в сфере регулирования Интернета и идентификации // Информационное право. 2018. № 1. С. 32–39.
4. Gibson, William (29 July 2003). Burning Chrome.
5. Convention on Cybercrime, 23.XI.2001 European Treaty Series. No. 185 Council of Europe [Электронный ресурс]. URL: http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2014_2019/documents/libe/dv/7_conv_budapest_/7_conv_budapest_en.pdf.
6. Киберпространство как стратегический инструмент социальной инженерии [Электронный ресурс]. URL: https://whatisgood.ru/theory/analytics/kiberprostranstvokak-strategicheskiy-instrument.
7. Вылков Р.И. Киберпространство как социокультурный феномен, продукт технологического творчества и проективная идея: дис. … канд. фил. наук. Екатеринбург, 2009. С. 128, 129.
8. Простосердов М.А. Экономические преступления, совершаемые в киберпространстве, и меры противодействия им: дис. … канд. юрид. наук. М., 2016.
9. Дзялошинский И. Права человека в киберпространстве // Право знать: история, теория, практика. 2003. № 11–12 [Электронный ресурс]. URL: http://www.dzyalosh.ru/02- dostup/pravo/2003_83_84%2811_12%29/dz_ 11_12.html.
10. Барышев Р.А. Киберпространство и проблема отчуждения: дис. … канд. фил. наук. Красноярск, 2009. С. 56.
11. Панкратова М.Е., Васильева А.А. Ограничения прав человека в киберпространстве: конституционно-правовые аспекты // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2021. № 2. Т. 1.
12. Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине / пер. с англ. И.В. Соловьева и Г.Н. Поварова; под ред. Г.Н. Поварова. 2-е изд. М.: Наука; Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983.
13. Данельян А.А. Международно-правовое регулирование киберпространства // Образование и право. 2020. № 1.

14. Добринская Д.Е. Киберпространство: территория современной жизни // Вестник Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политика. 2018. Т. 24. № 1. С. 58.

15. Карцхия А.А. Гражданский оборот и цифровые технологии: монография. М.: Филинъ, 2019. С. 101.

16. Актуальные проблемы эффективности частного права: монография / отв. ред. А.Н. Левушкин, Э.Х. Надысева. М.: Юстицинформ, 2022.

17. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы».

18. ITU Toolkit For Cybercrime Legislation. ITU, 2009.

19. Ковригин Д.Э. Границы государственного суверенитета национального сегмента киберпространства // Власть. 2023. Т. 31. № 1. С. 124–129.

20. Концепция Стратегии кибербезопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.council.gov.ru/media/files/41d4b3dfbdb25cea8a73.pdf.

21. Киберпространство БРИКС: правовое измерение: монография / И.И. Шувалов, Т.Я. Хабриева, Фэн Цзинжу и др.; отв. ред.: Дэн Руйпин, Т.Я. Хабриева; сост.: Жун Фу, Н.М. Бевеликова. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2017.

References

1. Druzhinin A. Putin: V kiberprostranstve mnogo ugroz dlya global`noj bezopasnosti i suvereniteta stran [E`lektronny`j resurs]. URL: https://tass.ru/politika/11006783?ysclid=lgtc7mida423452426.

2. Ostroushko A.V. O neobxodimosti sovershenstvovaniya ponyatijnogo apparata v sfere regulirovaniya informacionnoj infrastruktury` // Yuridicheskie issledovaniya. 2022. № 9. S. 52–61.

3. Naumov V.B. Negativny`e zakonomernosti formirovaniya ponyatijnogo apparata v sfere regulirovaniya Interneta i identifikacii // Informacionnoe pravo. 2018. № 1. S. 32–39.

4. Gibson, William (29 July 2003). Burning Chrome.

5. Convention on Cybercrime, 23.XI.2001 European Treaty Series. No. 185 Council of Europe [E`lektronny`j resurs]. URL: http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2014_2019/documents/libe/dv/7_conv_budapest_/7_conv_budapest_en.pdf.

6. Kiberprostranstvo kak strategicheskij instrument social`noj inzhenerii [E`lektronny`j resurs]. URL: https://whatisgood.ru/theory/analytics/kiberprostranstvokak-strategicheskiy-instrument.

7. Vy`lkov R.I. Kiberprostranstvo kak sociokul`turny`j fenomen, produkt texnologicheskogo tvorchestva i proektivnaya ideya: dis. … kand. fil. nauk. Ekaterinburg, 2009. S. 128, 129.

8. Prostoserdov M.A. E`konomicheskie prestupleniya, sovershaemy`e v kiberprostranstve, i mery` protivodejstviya im: dis. … kand. yurid. nauk. M., 2016.

9. Dzyaloshinskij I. Prava cheloveka v kiberprostranstve // Pravo znat`: istoriya, teoriya, praktika. 2003. № 11–12 [E`lektronny`j resurs]. URL: http://www.dzyalosh.ru/02-dostup/pravo/2003_83_84%2811_12%29/dz_ 11_12.html.

10. Bary`shev R.A. Kiberprostranstvo i problema otchuzhdeniya: dis. … kand. fil. nauk. Krasnoyarsk, 2009. S. 56.

11. Pankratova M.E., Vasil`eva A.A. Ogranicheniya prav cheloveka v kiberprostranstve: konstitucionno-pravovy`e aspekty` // Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishheva. 2021. № 2. T. 1.

12. Viner N. Kibernetika, ili Upravlenie i svyaz` v zhivotnom i mashine / per. s angl. I.V. Solov`eva i G.N. Povarova; pod red. G.N. Povarova. 2-e izd. M.: Nauka; Glavnaya redakciya izdanij dlya zarubezhny`x stran, 1983.

13. Danel`yan A.A. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie kiberprostranstva // Obrazovanie i pravo. 2020. № 1.

14. Dobrinskaya D.E. Kiberprostranstvo: territoriya sovremennoj zhizni // Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 18. Sociologiya i politika. 2018. T. 24. № 1. S. 58.

15. Karczxiya A.A. Grazhdanskij oborot i cifrovy`e texnologii: monografiya. M.: Filin``, 2019. S. 101.

16. Aktual`ny`e problemy` e`ffektivnosti chastnogo prava: monografiya / otv. red. A.N. Levushkin, E`.X. Nady`seva. M.: Yusticinform, 2022.

17. Ukaz Prezidenta RF ot 09.05.2017 № 203 «O Strategii razvitiya informacionnogo obshhestva v Rossijskoj Federacii na 2017–2030 gody`».

18. ITU Toolkit For Cybercrime Legislation. ITU, 2009.

19. Kovrigin D.E`. Granicy gosudarstvennogo suvereniteta nacional`nogo segmenta kiberprostranstva // Vlast`. 2023. T. 31. № 1. S. 124–129.

20. Koncepciya Strategii kiberbezopasnosti Rossijskoj Federacii [E`lektronny`j resurs]. URL: http://www.council.gov.ru/media/files/41d4b3dfbdb25cea8a73.pdf.

21. Kiberprostranstvo BRIKS: pravovoe izmerenie: monografiya / I.I. Shuvalov, T.Ya. Xabrieva, Fe`n Czzinzhu i dr.; otv. red.: De`n Rujpin, T.Ya. Xabrieva; sost.: Zhun Fu, N.M. Bevelikova. M.: Institut zakonodatel`stva i sravnitel`nogo pravovedeniya pri Pravitel`stve Rossijskoj Federacii, 2017.

Статья поступила в редакцию 02.05.2023; одобрена после рецензирования 06.05.2023; принята к публикации 06.05.2023.

The article was submitted 02.05.2023; approved after reviewing 06.05.2023; accepted for publication 06.05.2023.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Евразийская адвокатура. 2023. № 3 (62). С. 110.
Eurasian advocacy. 2023;(3(62)):110.

Политика и экономика Евразии

Научная статья
УДК 34.09
doi 10.52068/2304-9839_2023_62_3_110

ТЕЗИСНО О ГИПОТЕЗЕ КАТАКЛИЗМОВ И КРУГОВОРОТА ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

ЗАХАРЦЕВ Сергей Иванович[1], САЛЬНИКОВ Виктор Петрович[2]
[1]Доктор юридических наук, член-корреспондент Российской академии ракетных и артиллерийских наук, профессор Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск Национальной гвардии Российской Федерации
198206, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1, Российская Федерация
[2]Доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии ракетных и артиллерийских наук, профессор Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск Национальной гвардии Российской Федерации
198206, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1, Российская Федерация

Аннотация: С позиции современного дня тезисно рассматривается разработанная авторами ранее гипотеза катаклизмов и круговорота жизни на Земле, показывается ее актуальность и востребованность.

Ключевые слова: человечество, катастрофа, философия, гипотеза, Земля

Для цитирования: Захарцев С.И., Сальников В.П. Тезисно о гипотезе катаклизмов и круговорота жизни на Земле в контексте современности // Евразийская адвокатура. 2023. № 3(62). С. 110. https:// doi.org/10.52068/2304-9839_2023_62_3_110

Policy and economy of Eurasia

Original article

THESIS ON THE HYPOTHESIS OF CATACLYSMS AND THE CYCLE OF LIFE ON EARTH IN THE CONTEXT OF MODERNITY

ZAKHARTSEV Sergey Ivanovich[1], SALNIKOV Viktor Petrovich[2]
[1]Doctor of Law, Corresponding Member of the Russian Academy of Rocket and Artillery Sciences, Professor of the St. Petersburg Military Institute of Troops National Guard of the Russian Federation
198206, St. Petersburg, Pilyutov Pilot str., 1, Russian Federation
[2]Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher professional education Education of the Russian Federation, Corresponding member of the Russian Academy of Rocket and Artillery Sciences, Professor of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of Troops National Guard of the Russian Federation
198206, St. Petersburg, Pilyutov Pilot str., 1, Russian Federation

Abstract: From the perspective of the modern day, the hypothesis of cataclysms and the cycle of life on Earth, developed by the authors earlier, is considered theses, its relevance and relevance is shown.

Keywords: humanity, catastrophe, philosophy, hypothesis, Earth

For citation: Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Thesis on the hypothesis of cataclysms and the cycle of life on Earth in the context of modernity = Eurasian advocacy. 2023;3(62):110. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2023_62_3_110

В 2015 году мы обосновали и впервые опубликовали гипотезу катаклизмов и круговорота человеческой жизни на Земле [1, с. 38–47]. Настоящей публикацией, с учетом современного обострения обстановки в мире, хотим тезисно о ней напомнить. Сущность выдвинутой гипотезы в том, что человечество своими действиями периодически достигает определенного рубежа, после кото-

© Захарцев С.И., Сальников В.П., 2023

рого не в состоянии в полном составе находиться на планете. В результате достижения рубежа происходят катастрофы или катаклизмы, затрагивающие (умертвляющие) абсолютно большую часть населения планеты. После чего оставшиеся в живых после катаклизмов люди начинают новую жизнь. Эта жизнь, вполне вероятно, начнется практически с нуля, так как во время катастроф, несомненно, теряется значительный багаж накопленных человечеством знаний, достижений, пропадает жизненный опыт. Но решаются проблемы с перенаселением, постепенно восстанавливаются экология, энергоресурсы и т. д. Далее человечество развивается, вновь достигает перенаселения, нарушает экологию, изобретает смертоносные виды вооружений, воюет, в процессе своей деятельности достигает нового рубежа, происходит катаклизм и затем – новый виток жизни, очищенный от многих изобретенных технологий, опыта, знаний.

В подтверждение правомочности выдвижения этой гипотезы можно сказать, что, несмотря на накопленный массив знаний, ученые так и не смогли прийти к выводу о том, откуда образовалось бытие и человечество на планете Земля. Утверждается, например, что нашей Земле много миллионов лет. Источники мы умышленно не приводим по той причине, что, во-первых, они все противоречивы, а во-вторых, тоже являются гипотезами. Если исходить из того, что Земля сформировалась за миллионы, если не десятки миллионов лет, в результате случайных воздействий сил природы и космоса, то возникает логичный вопрос о человеческом населении этой Земли. Вполне резонно предположить, что это население было и, возможно, было неоднократно.

Исходить из того, что мир создан Господом Богом, наверное, не вполне верно, поскольку на момент появления Иисуса Христа бытие на Земле, очевидно, уже имелось. Господь – Иисус Христос – если исходить из православной веры, сильно изменил мир и бытие. Но мир и бытие на планете Земля уже, несомненно, существовали. И вполне возможно то, что Пришествие и Воскресение Христа как раз являются одним из витков жизни человечества.

При этом ученые, несмотря на современную развитость науки, по-прежнему находят непонятные и неизвестные предметы, которые не в состоянии объяснить и даже назвать их возраст. Есть специалисты, которые предполагают у обнаруженных ими предметов внеземное происхождение. Но может быть, это земные предметы существовавших на Земле ранее, но уже уничтоженных цивилизаций?

И здесь важно задаться вопросом: кто уничтожал эти цивилизации? Нам приходит только один ответ: человек уничтожал себя сам.

Надо объективно признать, что люди постоянно всю свою жизнь занимаются уничтожением друг друга. Вдумайтесь, в каждом столетии постоянно происходит как минимум две страшнейших войны, значительно сокращающих население планеты. Россия как никто другой ощущает справедливость этого утверждения. Кстати, наше утверждение о двух тяжелейших войнах в столетие, казалось бы, всем очевидное, стало достаточно популярным. Опыт убедительно показывает, что человечество, сформировавшееся в государства, не может долго созидать. Оно стремится к разрушению, убийству и самоликвидации. Суждение о том, что человечество становится или когда-то будет добрее, мудрее, умнее, себя не оправдывает. Исторический опыт убедительно показывает, что человеку и человечеству, помимо добродетелей, свойственны зависть, алчность, агрессия. Вспоминается великий русский мыслитель Л. Толстой, говоривший, что войн не будет тогда, когда в человека вместо крови зальют воду.

Увы, самоуничтожение есть свойство человечества. Почему не предположить, что таких самоликвидаций было несколько?

Сюда следует добавить то, что мы научную деятельность в области юриспруденции и философии всегда совмещали с военной и научной службой государству. Мы являемся членкорреспондентами Российской академии ракетных и артиллерийских наук – единственной из государственных академий наук, непосредственно связанной с обороной страны и вооружением. Знакомясь в ходе заседаний Академии с достижениями ракетостроителей, понимаешь, что накопленный запас вооружения позволяет человечеству не единожды себя уничтожить. А настрой на полное уничтожение противника и создание супермощного оружия объективно всегда имелся у армий всех государств.

Однако кроме войн перед человечеством стоят и другие риски самоуничтожения.

Мы особо выделим несколько. Во-первых, техногенные катастрофы. Задумайтесь, сколько атомных объектов на территории США, России, Китая, других стран? Сколько военных производств не только с ядерным, но и с химическим, бактериологическим, прочим оружием массового поражения находится в мире? И в любой момент может произойти техногенная катастрофа.

Другой глобальной нерешенной проблемой человечества является экологическая безопас-

ность. Экология, как уже давно доказано специалистами, губительно влияет на здоровье, приводит к новым заболеваниям. Помимо этого, известными фактами являются сокращение озонового слоя Земли, проблема с питьевой водой, чистым воздухом, натуральной пищей. Есть обоснованные мнения, что основной причиной новой мировой войны станет борьба за питьевую воду. С экологической проблемой взаимосвязан вопрос исчерпания энергоресурсов. Что характерно, даже если отдельные ученые выходят с законодательной инициативой, направленной на улучшение обстановки, их законопроекты нередко где-то теряются или не рассматриваются длительное время [2, с. 81–84; 3, с. 20–23].

Отдельной проблемой является перенаселение планеты и продолжающийся дальнейший прирост. Ученые спорят относительно оптимальной численности населения на планете Земля. Например, утверждается, что максимальная численность людей не должна превышать одного миллиарда человек. Сейчас население Земли составляет уже более 7 миллиардов человек. По прогнозам, к 2025 г. людей будет уже более 8 миллиардов. Перенаселение опять же ставит вопросы: чем людям дышать, что есть и пить, чем согреваться?

При этом достаточно физиков, биологов и других ученых считают, что Земля и человечество прошли так называемую точку возврата и движутся к погибели. Явное перенаселение планеты в сочетании с развитием и эскалацией ядерного и другого оружия массового поражения, экологической загрязненностью, продолжающимся разрушением озонового слоя, эпидемиями и другими проблемами позволяет считать такой вывод обоснованным. И здесь важно понимать, что для разрушения планеты и ликвидации жизни достаточно, по сути, реализации любой из имеющихся проблем. Собственно, все названные проблемы непосредственно связаны между собой, и одна может вызвать другую.

Надо сказать, размышления о том, что какой-либо из глобальных рисков человеческого существования реализуется, иногда встречаются в философской и научной литературе. Например, известный философ, академик РАН В.С. Степин писал, что, по-видимому, в третьем тысячелетии по христианскому летосчислению человечество должно осуществить радикальный поворот к каким-то новым формам цивилизованного прогресса. Некоторые философы и футурологи сравнивают современные процессы с изменениями, которые пережило человечество при переходе от каменного к железному веку. Эта точка зрения имеет глубокие основания, если учесть, что решения глобальных проблем предполагают коренную трансформацию ранее принятых стратегий человеческой жизнедеятельности. Необходимы пересмотр прежнего отношения к природе, идеалов господства, ориентированных на силовое преобразование природного и социального мира, выработка новых идеалов человеческой деятельности, нового понимания перспектив человека [4, с. 104].

Такая точка зрения более оптимистична, чем наша, хотя тоже аккуратно указывает на неизбежность катаклизмов. Признаемся, мы не сильно верим в то, что человечество и руководство государств внезапно прозреют, осознают и разом предпримут все необходимые шаги для минимизации рисков возможной катастрофы. Современная политика западных стран на Украине – яркое тому подтверждение.

Однако указанный вывод позволяет нам взглянуть на ситуацию с другой стороны. Ведь накопленный людьми опыт и известные исторические факты позволяют утверждать, что человечество выживало всегда – при любых катастрофах и катаклизмах. Уверены, что выживет и сейчас, утратив, правда, запас знаний и технологий [5, с. 52–53]. А пока не утратит, человечество, к сожалению, будет технологиями и имеющимся оружием додавливать друг друга.

Гипотезу катаклизмов и круговорота жизни на Земле мы впервые опубликовали в монографии «Философия. Философия права. Юридическая наука» в 2015 году [1]. Книга была высоко оценена [6, с. 68–73; 7, с. 206–208; 8, с. 304–307; 9, с. 184-189; 10, с. 168–172; 11, с. 188–192]. А гипотеза, размещенная в философском разделе книги, вызвала интерес даже за рубежом и, несмотря на современную нелюбовь ко всему российскому, переведена на несколько иностранных языков. Мы из разных уголков планеты получали отклики на гипотезу. Причем, что характерно, она обсуждалась, но никогда не отвергалась и жестко не оспаривалась. До современного обострения отношений было еще относительно далеко. Сейчас ее актуальность заметно возросла…

Список источников

1. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука: монография. М. 2015.
2. Виноградова Е.В., Захарцев С.И. Дормантские законопроекты, и не только // Евразийская адвокатура. 2022. № 4 (59). С. 81–84.
3. Захарцев С.И., Виноградова Е.В., Сальников В.П. Дормантские законопроекты. Летаргия законодатель-

ных инициатив // Право и государство: теория и практика. 2022. № 7 (211). С. 20–23.

4. Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы. М.: Гардарики, 2008.

5. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия и юридическая наука: монография. М. 2019.

6. Керимов Д.А. В развитие дискуссии о философии и праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука». – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с. // Правовое поле современной экономики. 2015. № 1. С. 68–73.

7. Галиев Ф.Х., Раянов Ф.М. Когда рецензию писать не только приятно, но и почетно. О книге С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука», переведенной на английский язык и изданной в Кембридже: Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p. // Правовое государство: теория и практика. 2018. Т. 2. № 52. С. 206–208.

8. Баранов В.М. Российская книга по философии права и юриспруденции на английском языке. Рецензия-презентация монографии С.И. Захарцева и В.П. Сальникова (The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p.) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 1 (41). С. 304–307.

9. Дворецкая Е.В., Масленников Д.В., Гук А.И. Вышла интересная книга о философии и праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» (М.: Юрлитинформ, 2015. 264 с.) // Мир политики и социологии. 2016. № 3. С. 184–189.

10. Керимова Т.В. Классическая монография о философии и праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» М.: Юрлитинформ, 2015. 264 с. // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 5. С. 168–172.

11. Борзова Е.П., Покровский И.Ф. Замечательная публикация в Кембридже уникальной книги. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» (М.: Юрлиинформ, 2015. 264 с.) и ее перевод: (S.I. Zakhartsev, V.P. Salnikov. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018) // Мир политики и социологии. 2018. № 2. С. 188–192.

References

1. Zaxarcev S.I., Sal`nikov V.P. Filosofiya. Filosofiya prava. Yuridicheskaya nauka: monografiya. M. 2015.

2. Vinogradova E.V., Zaxarcev S.I. Dormantskie zakonoproekty`, i ne tol`ko // Evrazijskaya advokatura. 2022. № 4 (59). S. 81–84.

3. Zaxarcev S.I., Vinogradova E.V., Sal`nikov V.P. Dormantskie zakonoproekty`. Letargiya zakonodatel`ny`x iniciativ // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2022. № 7 (211). S. 20–23.

4. Stepin V.S. Filosofiya nauki. Obshhie problemy`. M.: Gardariki, 2008.

5. Zaxarcev S.I., Sal`nikov V.P. Filosofiya i yuridicheskaya nauka: monografiya. M. 2019.

6. Kerimov D.A. V razvitie diskussii o filosofii i prave. Recenziya na monografiyu S.I. Zaxarceva i V.P. Sal`nikova «Filosofiya. Filosofiya prava. Yuridicheskaya nauka». – M.: Yurlitinform, 2015. – 264 s. // Pravovoe pole sovremennoj e`konomiki. 2015. № 1. S. 68–73.

7. Galiev F.X., Rayanov F.M. Kogda recenziyu pisat` ne tol`ko priyatno, no i pochetno. O knige S.I. Zaxarceva i V.P. Sal`nikova «Filosofiya. Filosofiya prava. Yuridicheskaya nauka», perevedennoj na anglijskij yazy`k i izdannoj v Kembridzhe: Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p. // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. 2018. T. 2. № 52. S. 206–208.

8. Baranov V.M. Rossijskaya kniga po filosofii prava i yurisprudencii na anglijskom yazy`ke. Recenziya-prezentaciya monografii S.I. Zaxarceva i V.P. Sal`nikova (The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p.) // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2018. № 1 (41). S. 304–307.

9. Dvoreczkaya E.V., Maslennikov D.V., Guk A.I. Vy`shla interesnaya kniga o filosofii i prave. Recenziya na monografiyu S.I. Zaxarceva i V.P. Sal`nikova «Filosofiya. Filosofiya prava. Yuridicheskaya nauka» (M.: Yurlitinform, 2015. 264 s.) // Mir politiki i sociologii. 2016. № 3. S. 184–189.

10. Kerimova T.V. Klassicheskaya monografiya o filosofii i prave. Recenziya na monografiyu S.I. Zaxarceva i V.P. Sal`nikova «Filosofiya. Filosofiya prava. Yuridicheskaya nauka» M.: Yurlitinform, 2015. 264 s. // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost`. 2016. № 5. S. 168–172.

11. Borzova E.P., Pokrovskij I.F. Zamechatel`naya publikaciya v Kembridzhe unikal`noj knigi. Recenziya na monografiyu S.I. Zaxarceva i V.P. Sal`nikova «Filosofiya. Filosofiya prava. Yuridicheskaya nauka» (M.: Yurliinform, 2015. 264 s.) i ee perevod: (S.I. Zakhartsev, V.P. Salnikov. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018) // Mir politiki i sociologii. 2018. № 2. S. 188–192.

Статья поступила в редакцию 22.05.2023; одобрена после рецензирования 26.05.2023; принята к публикации 26.05.2023.

The article was submitted 22.05.2023; approved after reviewing 26.05.2023; accepted for publication 26.05.2023.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Евразийская адвокатура. 2023. № 3 (62). С. 114.
Eurasian advocacy. 2023;(3(62)):114.

Политика и экономика Евразии

Научная статья
УДК 342.5
doi 10.52068/2304-9839_2023_62_3_114

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В КОНСТРУКТАХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ

ВИНОГРАДОВА Елена Валерьевна
Доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук
119019, г. Москва, ул. Знаменка, д.10, Российская Федерация

Аннотация: Трансформация системы международных отношений актуализирует поиск новых подходов к международным договорам. В статье предпринята попытка анализа возможности проекции философской системы концепт-конструкт на международные акты, в которых стремление Российской Федерации к обеспечению безопасности прослеживается на этапах от концепции до конструктивных форм взаимовыгодных предложений. Делается вывод, что, несмотря на сложность современных международных отношений, вектор их развития детерминирует поиск оптимальных моделей, направленных на обеспечение безопасности стран-участниц международных договоров.

Ключевые слова: международные договоры, система концепт-конструкт, безопасность государства

Для цитирования: Виноградова Е.В. Реализация концепции обеспечения безопасности в конструктах международных договоров // Евразийская адвокатура. 2023. № 3(62). С. 114. https:// doi.org/10.52068/2304-9839_2023_62_3_114

Policy and economy of Eurasia

Original article

IMPLEMENTATION OF THE CONCEPT OF SECURITY IN THE CONSTRUCTS OF INTERNATIONAL TREATIES

VINOGRADOVA Elena Valerievna
Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
119019, Moscow, Znamenka str., 10, Russian Federation

Abstract: The transformation of the system of international relations actualizes the search for new approaches to international treaties. The article attempts to analyze the possibility of projecting the philosophical system of the concept-construct onto international acts, in which the desire of the Russian Federation to ensure security can be traced at the stages from the concept to the constructive forms of mutually beneficial proposals. It is concluded that despite the complexity of modern international relations, the vector of their development determines the search for optimal models aimed at ensuring the security of countries participating in international treaties.

Keywords: international treaties, concept-construct system, state security

For citation: Vinogradova E.V. Implementation of the concept of security in the constructs of international treaties = Eurasian advocacy. 2023;3(62):114. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2023_62_3_114

В статье предпринята попытка анализа правовых мер по обеспечению безопасности в проекции модели концепт-конструкт. Трансформация идеи от концепта до конструкта – процесс, который достаточно хорошо известен социологам и философам. В пространстве права это развитие рассматривалось лишь в единичных исследованиях [2–6], что делает данную статью актуальной с точки зрения предложения новых подходов к существующей проблематике формирования юридических моделей обеспечения безопасности.

Представляя вниманию читателей эволюцию концептуально-конструктивного понимания социально-философского научного знания в плоскости правового осмысления, хотелось бы отметить, что востребованность философских подходов к юридическим исследованиям подчас имеет большой налет софистики, что приводит к вольному

© Виноградова Е.В., 2023

толкованию. Термины, вырванные из контекста, также нуждаются в уточнении, прежде чем будут институализированы в правовых категориях. Это происходит довольно часто, например, категория «социальный конструкт» в дискуссиях социально-правовой направленности используется в интуитивном значении. При этом контекстно социальный конструкт отформатирован социальной феноменологией Бергера и Лукмана [2], постмодернистской критикой социологии и акторно-сетевой теорией Латура [7]. То есть все не так просто, но на площадках ток-шоу «эксперты» социальным конструктом называют нечто вымышленное, придуманное. С одной стороны, действительно, можно определять «государство» (право, справедливость и т. д.) как социальный конструкт, но это не означает иллюзорность «права» и то, что оно исключительно субъективно. Право достаточно сложно. В нем, конечно, присутствуют элементы субъективного, например при определении природы правосознания, правочувствования и т. п., но предполагать его объективность, в частности, в контексте законотворчества, правоприменения и пр. – грешить против истины.

Концепты не рождаются «готовыми» [9], в процесс их конструирования вовлекаются идеи, фиксирующие взгляды на анализируемые объекты. Они создают определенный срез знания, понятийным ядром которого можно считать концепцию, в которой отражены и свойства объекта, и отношение к нему субъекта научного поиска. Концептуализация, объединяя термины, закономерности, теории и модели исследования, преобразует идею в элемент любой науки. Вместе с тем для наук гуманитарного цикла это особенно важно, так как концепт, не имея четкого форматирования, легко размывается. Отсутствие жестких границ зачастую не предполагает возможности сохранения концепта в его изначальном виде. И именно трансформируясь в конструкт, концептуальная идея получает шанс объективного закрепления.

Конструкты, создаваемые разными концептами, например формируясь в результате переводов иностранных текстов или аранжировок музыкальных произведений, имеют ценность, обусловленную первоначальной исходной идеей. Вместе с тем концепт, «раскрываясь» в конструкте, обеспечивает его переход на эмпирический уровень познания. Концепт как первичная функция в математике через производные – конструкты репрезентируется. Модель концепт-конструкт в рамках теоретического знания определяет вкус его риторики, выявляет релевантные сферы применения и способы влияния на иные концептуальные идеи.

Концепт создает фрагменты в социологических, психологических и философских конструктах. В парадигмах постструктуралистской философии, например в номадологии Жиля Делеза, концепт определяется как системосозидающий элемент. Он отражает объективную социальную реальность, пройдя путь от правила, на основе которого формировались суждения, оценки, структурировались эмпирические материалы, до элемента научного знания (или научной теории).

Любой концепт формируется на основе многовековой традиции. Исключением можно считать концепты, которые находятся в начальном периоде становления и потому сохраняют, по мнению современных исследователей, в частности Жиля Делёза, авторскую подпись. В последние годы все чаще системосозидающие элементы модели концепт-конструкт выполняют функции организации научного знания.

Формирование концепта правовых основ отечественной безопасности предопределено анализом внешнеполитического курса России в 90-х гг. XX в., который создавался на основе идей демократической солидарности. Акцент во внешней политике делался на геополитическом встраивании Российской Федерации в общее русло европейского развития [8]. Концептуальным пунктом политической повестки была позиция ядерного разоружения (Лиссабонский протокол к СНВ-1 1992 г.) [17]. После подписания в 1992 г. Кэмп-Дэвидской декларации [18] было объявлено о завершении холодной войны. Россия стала членом международного валютного фонда. Дальнейшее развитие отношений России с другими государствами происходило сквозь призму концепций, предлагаемых США.

Вначале был установлен режим наибольшего благоприятствования в торговле между РФ и США с ежегодной пролонгацией согласия Конгресса [19]. В ходе визита Президента РФ в США была подписана «Вашингтонская хартия российско-американского партнерства и дружбы» [20], основным положением которой декларировался приоритет создания общего пространства в области безопасности, именуемый «от Ванкувера до Востока».

Затем отношения между Россией и США («холодный мир» [21]) усложнялись региональными конфликтами, рост которых во многом был обусловлен расширением НАТО на восток. Россия не была одинока в противостоянии, в заявлении министра иностранных дел А.В. Козырева о непри-

ятии «Брюссельского коммюнике» была подчеркнута солидарность Великобритании и Франции, без США [8]. Спустя год Советом по внешней и оборонной политике были опубликованы доклады с критикой расширения НАТО.

Однако «расширение НАТО на восток» стало реальностью уже в 1994 г. Польша была одной из первых стран, присоединившихся к программе «Партнерство ради мира». Важность отношений по осям Польша–НАТО и Польша–Россия манифестировалась возможностью использования этой восточно-европейской страны, выступавшей неким гарантом безопасности и ненападения между Россией и Альянсом, в качестве инструмента для выстраивания отношений с Россией.

В Боснийском кризисе 1994 г. Россия выступила против решений ЕС, США и против операции НАТО. Политика, названная «малой конфронтацией», выражалась в непринятии расширения Организацией Североатлантического договора (далее по тексту – НАТО, Организация, Альянс) на восток, осуждении операции «Лис в пустыне» и агрессии против Югославии. Россия не смогла укрепить свои позиции в нарастающем противостоянии с Альянсом. Этот конфликт наметил раскол в отношениях России с западными странами. В последние годы в Европе и США постепенно появляются заявления о неправомерности и необоснованности агрессии в отношении Югославии. Однако «точка невозврата», пройденная более двадцати лет назад, не предполагает возможности вернуть ситуацию в исходное состояние. Декларация поддержания гуманитарных ценностей по-прежнему цинично позволяет оправдывать бомбардировки суверенного государства, осуществленные вопреки международным принципам [12].

Следующий дипломатический конфликт был спровоцирован заключением Соглашения о партнерстве в сфере мирного использования атомной энергии между РФ и Ираном [22], который США требовали денонсировать. Проблема крылась в незаинтересованности США в выходе России на ранее закрытые для нее экономические рынки. Компромисс был закреплен в июне 1995 г. Меморандумом межправительственной комиссии Гора–Черномырдина [23], за РФ было сохранено право строительства АЭС в Бушере взаимен на отказ от поставки ядерных технологий и вооружений после 2000 г. Однако данное решение подвергалось критике и в США, и в России. Россия вышла из Меморандума в конце ноября 2000 г.

В оценке ситуации в Чечне США вначале поддерживали действия Российской Федерации, однако потом по результатам проведенного саммита «Группы семи» в Галифаксе мнение было изменено. Результатом стала жесткая критика действий России на саммите ОБСЕ в Стамбуле 1999 г. со стороны ПАСЕ, ЕС, США, включавшая предложение о приостановлении членства Российской Федерации в Совете Европы [24].

Вплоть до 2000 г. в отношениях России с западными партнерами предлагалось принятие концепции многополярного мира. Иногда европейские страны противостояли давлению Альянса. Однако эта концепция была заменена на предлагаемое понимание международных отношений, которые должны были выстраиваться в однополярном формате, что исключило преобразование концепта сотрудничества в конструкт обеспечения международной безопасности.

Провозглашенная в российско-китайской декларации 1997 г. идея многополярного мира [25] предполагала отказ от признания лидерства США. В России был разработаны и приняты концептуальные внешнеполитические документы: «О концепции национальной безопасности в Российской Федерации» [26], «Военная доктрина РФ» [27]. В этих стратегических документах заявлено стремление России к построению мира на основе многополярности, сохранение международно-правовой базы с ведущей ролью Совета Безопасности ООН.

Однако однополярный мир по-прежнему был очень притягателен для стран, чьи амбиции умело подогревались. В 2004 г. Грузия официально представила ООН Индивидуальный план партнерства с НАТО (ИПАП) [10]. ИПАП был ратифицирован НАТО, после чего в 2005 г. решением Президента Грузии был сформирован правительственный комитет для реализации этого плана действий в целях вступить в НАТО в качестве постоянного члена, чего, однако, на данный момент так и не произошло.

Причина попыток привлечения Грузии к членству в НАТО кроется в ее стратегически важном географическом положении: Грузия имеет выход к Черному морю и граничит с Турцией на юге и Россией на севере, в связи с чем вышеназванные факторы расценивались Россией в качестве подготовки к объявлению ей войны. Важно отметить, что во время пятидневной войны в августе 2008 года вопрос о вступлении Грузии в НАТО также поднимался, причем в качестве суверенного вопроса, касающегося права народа Грузии на самоопределение.

На фоне ухудшения взаимоотношений в результате пятидневной войны 2008 года между

Грузией и Россией Совет евро-атлантического партнерства резко осудил признание Россией в качестве независимых государств Абхазии и Южной Осетии, что подтвердил впоследствии Генеральный секретарь Альянса, указывая на факт противоречия императивным резолюциям СБ ООН Россией, включая те, на которые последняя не накладывала вето [28]. Российская Федерация отстаивала позицию соответствия принятых мер (включая признание независимости) «ситуации на местах» и сущностного отсутствия противоречий Уставу ООН, основным международно-правовым нормам, а также Хельсинскому акту СБСЕ. Интересным представляется упоминание российской стороной ситуации в Косово, по сути, зеркальной событиям 2008 г., который, однако, страны НАТО признали в качестве независимого государства. Напряженность, обусловленная предположениями о проведении военных учений НАТО в Грузии сразу после пятидневной войны, обострилась в связи с высылкой дипломатов в Россию по подозрению в шпионаже в 2009 г.

Несмотря на ухудшение отношений, необходимо упомянуть, что сотрудничество Альянса и России в области безопасности и противодействия такому явлению, как транснациональный терроризм, продолжается.

Важным фактором, повлиявшим на восприятие проблемы транснационального терроризма, стали теракты 11.09.2001 в США. Президент Америки, объявив войну транснациональному терроризму, потребовал пресечь деятельность террориста Омара, а также настаивал на выдаче Афганистаном У. бен Ладена для суда, на что получил отказ. Теракты были квалифицированы как нападение на страну Североатлантического альянса, в связи с чем впервые была введена в действие ст. 5 Вашингтонского договора. Однако фактически США отказались от поддержки НАТО и приняли помощь только от Великобритании и частично от ФРГ. ОАЭ, Саудовская Аравия и Пакистан (несмотря на непростое положение) под влиянием Америки разорвали дипломатические отношения с ИЭА. Поддержку США также оказала Россия. На территории Центральной Азии были открыты американские военные базы. Было заключено соглашение о праве международной посадки самолетов Организации НАТО с Таджикистаном и Казахстаном, а также создана военно-воздушная база «Манас» на основе соглашения с Киргизией [15].

В результате было образовано межгосударственное объединение – Глобальная антитеррористическая коалиция. Законодательное закрепление мер по борьбе с терроризмом оформлено принятием в 2001 г. Патриотического закона [14], направленного на укрепление суверенитета США, на базе которого в 2002 г. были созданы министерство внутренней безопасности США и Национальный контртеррористический центр.

Силами коалиции в 2001 г. был освобожден Кандагар. В обход обсуждаемой в 2001 г. на Боннской конференции афганских сторон возможности восстановления монархии в Афганистане США сформировали там временное правительство во главе с Х. Карзаем. СБ ООН, поддержав решения конференции, принял резолюцию № 1386, в соответствии с которой были созданы ISAF (международные силы содействия безопасности), введенные в Кабул. США и НАТО продолжали независимую от ISAF военную операцию в Афганистане. Резолюцией СБ ООН № 1401 была учреждена Миссия ООН по содействию Афганистану. В 2004 г. Афганистан преобразовался в ИРА, принял новую конституцию, а Х. Карзай одержал победу на президентских выборах. В 2003 году ISAF перешел под контроль Совета НАТО. Однако расширение НАТО на территории ИРА создало благоприятную почву для возвращения в Южный Афганистан талибов, которые заняли Муса-Кале, что спровоцировало военные операции ISAF против Талибана.

Кроме указанных ранее, между обеими сторонами существовало множество других способов взаимодействия, базой которых стал заключенный договор 1997 года: обмен военными делегациями, военно-морские операции и операции по борьбе с терроризмом и пиратством.

В 2002 г. был создан Совет Россия–НАТО, основной целью которого, как обозначалось, выступало решение и нормативное урегулирование вопросов безопасности на основе практического функционирования разработанных проектов, в связи с чем планировалась реализация партнерства по таким направлениям, как нераспространение оружия, военное сотрудничество, а также, в связи с событиями 2001 года, борьба с терроризмом (в том числе отдельно закреплялась необходимость взаимодействия по афганской проблеме).

В то же время следует учитывать положения, обозначенные в Концепции внешней политики Российской Федерации от 2016 г. [16], где указана роль НАТО и ЕС в геополитической экспансии с целью торможения процессов формирования общей системы безопасности и сотрудничества, спровоцировавшей охлаждение отношений между Западными странами и Россией. Наравне с

этим, согласно концепции, Россия признает Европу важным экономическим и политическим партнером. РФ также рассматривает возможность отмены визового режима со странами ЕС для углубления и расширения взаимодействия.

В отношении Альянса Концепция фиксирует, что продуктивные взаимоотношения возможны только на паритетной основе и при соблюдении международных договоров. Закреплено негативное отношение к расширению Альянса, росту военной активности в приграничных с РФ зонах и, соответственно, приближению его военной инфраструктуры к границам России.

При рассмотрении возможности сотрудничества РФ с США отмечается особая роль обеих держав в мировом пространстве. Россия осуждает несоблюдение США норм международного права, но в целом рассчитывает на активное открытое и добропорядочное сотрудничество.

Главным регулятором международных отношений Россия признает ООН, в связи с этим важная роль отдается нормативно-правовому базису международно-правового пространства, его разумному применению, правильному толкованию и безоговорочному подчинению.

Концепция определяет блок приоритетных задач для обеспечения национальных интересов страны, к которым относятся: обеспечение безопасности, суверенитета и экономического роста; нивелирование роли экономических санкций и экономическая интеграция РФ в мировое пространство; упрочнение позиций России в качестве одного из центров формирующегося миропорядка; содействие в разрешении конфликтов и поддержании мира исключительно на основе международно-правовых механизмов; преодоление дискриминации РФ на международной арене; рост гуманитарного участия, роли российских СМИ; защита прав граждан и соотечественников, проживающих в других государствах. Самый большой блок посвящен проблемам безопасности.

Концепция утверждает, что в настоящее время происходит формирование полицентричной международной системы с постоянным усложнением международных отношений и процессом глобализации. В связи с этим происходит обострение противоречий на разных уровнях международного сотрудничества, и главной тенденцией становится борьба за формирование основных принципов, на которых будет построена будущая международная система.

Вследствие этого растет роль фактора модернизации вооружения и силы вообще в международном пространстве, что провоцирует эскалацию региональных конфликтов и кризисов. Военно-политические объединения наших дней не способны в полной мере оказать сопротивление современным проблемам, поэтому предполагается соблюдение универсального принципа равной и неделимой безопасности, повышение роли сетевой дипломатии и широкое использование «мягкой силы». Использование информационного пространства в антиобщественных целях, особенно на фоне общего роста миграционных процессов, является недопустимым.

В заключение следует отметить, что неразрешенные кризисы создают потенциальную опасность вооруженных конфликтов между суверенными странами. Действия стран в обход существующих международных соглашений подрывают основы безопасности. При этом единственным возможным способом урегулирования конфликтов являются конструктивные переговоры, основанные на соблюдении актов международно-правового характера, базовыми принципами которых являются равенство и уважение интересов всех участвующих в переговорном процессе сторон. Трансформация концептуальных подходов к обеспечению международной безопасности должна отформатироваться в конструкты международных договоров. Только так можно обеспечить гарантии соблюдения прав и свобод личности, общества, государства.

Список источников

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е.Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995.
2. Виноградова Е.В. Публичная власть в России: конструкт-концепт // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 11.С. 46–59.
3. Виноградова Е.В. Иерархия системы конституционных ценностей от концепта к конструкту // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 2.
4. Виноградова Е.В. Меры международно-правового принуждения. История и реальность // Право и государство: теория и практика. 2022. № 3.
5. Виноградова Е.В. Современная российская государственность. Контрфорс международных санкций и конституционной идентичности // Государство и право. 2022. № 4.
6. Виноградова Е.В. К вопросу о влиянии международных договоров на государственный суверенитет // Образование и право. 2021. № 3.
7. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с фр. С. Зенкина. СПб.: Алетейя, 1998. С. 7.
8. Козырев А.В. Стратегия партнерства // Внешняя политика и безопасность современной России (1991–1998): хрестоматия: в 2 т. Т. 1. Кн. 1 / сост. Т.А. Шаклеина. М.: МОНФ, 1999.

9. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.

10. Мухаметов Р.С. Грузия в политике НАТО // Вестник ЧелГУ. 2012. № 12 (266). С. 21–25.

11. Петренко Е.Л. Правовое регулирование и научные подходы к понятию «Санкция» // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 111. С. 862–873.

12. Пономарева Е.Г. Почему не стало Югославии // Свободная мысль. 2009. № 6 (1601). С. 109–122.

13. Пономарева Е.Г., Фролов А.В. Агрессия НАТО против Югославии: международно-правовые, военно-стратегические и геополитические последствия // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 2 (65). С. 32–56.

14. Романовская О.В. Акт о патриотизме: ограничения права на неприкосновенность частной жизни в США в целях противодействия терроризму // Наука. Общество. Государство. 2017. № 2 (18). С. 10–16.

15. Фененко А.В. Современная история международных отношений. 1991–2018: учеб. пособ. М.: Аспект-Пресс, 2019.

16. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) // Официальный портал Министерства иностранных дел РФ [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/- /asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248.

17. Протокол к Договору между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (Лиссабонский протокол) // Ядерное нераспространение / под общ. ред. В.А. Орлова. Т. 2. М.: ПИР-Центр, 2002. С. 113–118.

18. Кэмп-Дэвидская декларация // РИА Новости: МИА «Россия сегодня». 2017. 1 февраля [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20170201/1486793224.html.

19. Международный договор «Соглашение о торговых отношениях между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки» от 01 июня 1990 № 2982-1 // Бюллетень международных договоров. 1993. № 1.

20. Хартия российско-американского партнерства и дружбы от 17 июня 1992 года // Дипломатический вестник. 1992. № 13–14.

21. «Холодную войну» между РФ и НАТО сменяет «холодный мир» – Рогозин // РИА Новости: МИА «Россия сегодня». 2009. 29 апреля [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20090429/169599327.html.

22. Международное соглашение «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Исламской Республики Иран о сотрудничестве в сооружении на территории Ирана атомной электростанции» от 25 августа 1992 (с изм. и доп. в ред. от 27.02.2005) // Бюллетень международных договоров. 2013. № 12.

23. Комиссия Гора–Черномырдина // Коммерсантъ. 1995. 01 июля [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/112331.

24. Как ПАСЕ воевала с Россией // Коммерсантъ. 2005. 22 марта [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/556554.

25. «Российско-китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка» от 23 апреля 1997 г. // Дипломатический вестник. 1997. № 5.

26. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» от 17 декабря 1997 г. № 1300 (с изм. и доп. в ред. от 10.01.2000 (утратил силу)) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 52. Ст. 5909.

27. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении военной доктрины Российской Федерации» от 21 апреля 2000 года № 706 (с изм. и доп. (утратил силу)) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 17. Ст. 1852

28. Отношения с Россией // Организация Северо-атлантического договора [Электронный ресурс]. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natolive/topics_50090.htm.

References

1. Berger P., Lukman T. Social`noe konstruirovanie real`nosti. Traktat po sociologii znaniya / per. E.D. Rutkevich. M.: Medium, 1995.

2. Vinogradova E.V. Publichnaya vlast` v Rossii: konstrukt-koncept // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost`. 2022. № 11.S. 46–59.

3. Vinogradova E.V. Ierarxiya sistemy` konstitucionny`x cennostej ot koncepta k konstruktu // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. 2023. № 2.

4. Vinogradova E.V. Mery` mezhdunarodno-pravovogo prinuzhdeniya. Istoriya i real`nost` // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2022. № 3.

5. Vinogradova E.V. Sovremennaya rossijskaya gosudarstvennost`. Kontrfors mezhdunarodny`x sankcij i konstitucionnoj identichnosti // Gosudarstvo i pravo. 2022. № 4.

6. Vinogradova E.V. K voprosu o vliyanii mezhdunarodny`x dogovorov na gosudarstvenny`j suverenitet // Obrazovanie i pravo. 2021. № 3.

7. Delyoz Zh., Gvattari F. Chto takoe filosofiya? / per. s fr. S. Zenkina. SPb.: Aletejya, 1998. S. 7.

8. Kozy`rev A.V. Strategiya partnerstva // Vneshnyaya politika i bezopasnost` sovremennoj Rossii (1991–1998): xrestomatiya: v 2 t. T. 1. Kn. 1 / sost. T.A. Shakleina. M.: MONF, 1999.

9. Latur B. Peresborka social`nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu / per. s angl. I. Polonskoj; pod red. S. Gavrilenko. M.: Izd. dom Vy`sshej shkoly` e`konomiki, 2014.

10. Muxametov R.S. Gruziya v politike NATO // Vestnik ChelGU. 2012. № 12 (266). S. 21–25.

11. Petrenko E.L. Pravovoe regulirovanie i nauchny`e podxody` k ponyatiyu «Sankciya» // Politematicheskij setevoj e`lektronny`j nauchny`j zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2015. № 111. S. 862–873.

12. Ponomareva E.G. Pochemu ne stalo Yugoslavii // Svobodnaya my`sl`. 2009. № 6 (1601). S. 109–122.

13. Ponomareva E.G., Frolov A.V. Agressiya NATO protiv Yugoslavii: mezhdunarodno-pravovy`e, voenno-strategicheskie i geopoliticheskie posledstviya // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2019. № 2 (65). S. 32–56.

14. Romanovskaya O.V. Akt o patriotizme: ogranicheniya prava na neprikosnovennost` chastnoj zhizni v SShA v

celyax protivodejstviya terrorizmu // Nauka. Obshhestvo. Gosudarstvo. 2017. № 2 (18). S. 10–16.

15. Fenenko A.V. Sovremennaya istoriya mezhdunarodny`x otnoshenij. 1991–2018: ucheb. posob. M.: Aspekt-Press, 2019.

16. Koncepciya vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (utverzhdena Prezidentom Rossijskoj Federacii V.V. Putiny`m 30 noyabrya 2016 g.) // Oficial`ny`j portal Ministerstva inostranny`x del RF [E`lektronny`j resurs]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/- /asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248.

17. Protokol k Dogovoru mezhdu Soyuzom Sovetskix Socialisticheskix Respublik i Soedinenny`mi Shtatami Ameriki o sokrashhenii i ogranichenii strategicheskix nastupatel`ny`x vooruzhenij (Lissabonskij protokol) // Yadernoe nerasprostranenie / pod obshh. red. V.A. Orlova. T. 2. M.: PIR-Centr, 2002. S. 113–118.

18. Ke`mp-De`vidskaya deklaraciya // RIA Novosti: MIA «Rossiya segodnya». 2017. 1 fevralya [E`lektronny`j resurs]. URL: https://ria.ru/20170201/1486793224.html.

19. Mezhdunarodny`j dogovor «Soglashenie o torgovy`x otnosheniyax mezhdu Soyuzom Sovetskix Socialisticheskix Respublik i Soedinenny`mi Shtatami Ameriki» ot 01 iyunya 1990 № 2982-1 // Byulleten` mezhdunarodny`x dogovorov. 1993. № 1.

20. Xartiya rossijsko-amerikanskogo partnerstva i druzhby` ot 17 iyunya 1992 goda // Diplomaticheskij vestnik. 1992. № 13–14.

21. «Xolodnuyu vojnu» mezhdu RF i NATO smenyaet «xolodny`j mir» – Rogozin // RIA Novosti: MIA «Rossiya segodnya». 2009. 29 aprelya [E`lektronny`j resurs]. URL: https://ria.ru/20090429/169599327.html.

22. Mezhdunarodnoe soglashenie «Soglashenie mezhdu Pravitel`stvom Rossijskoj Federacii i Pravitel`stvom Islamskoj Respubliki Iran o sotrudnichestve v sooruzhenii na territorii Irana atomnoj e`lektrostancii» ot 25 avgusta 1992 (s izm. i dop. v red. ot 27.02.2005) // Byulleten` mezhdunarodny`x dogovorov. 2013. № 12.

23. Komissiya Gora–Chernomy`rdina // Kommersant``. 1995. 01 iyulya [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/112331.

24. Kak PASE voevala s Rossiej // Kommersant``. 2005. 22 marta [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/556554.

25. «Rossijsko-kitajskaya sovmestnaya deklaraciya o mnogopolyarnom mire i formirovanii novogo mezhdunarodnogo poryadka» ot 23 aprelya 1997 g. // Diplomaticheskij vestnik. 1997. № 5.

26. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii «Ob utverzhdenii Koncepcii nacional`noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» ot 17 dekabrya 1997 g. № 1300 (s izm. i dop. v red. ot 10.01.2000 (utratil silu)) // Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii. 1997. № 52. St. 5909.

27. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii «Ob utverzhdenii voennoj doktriny` Rossijskoj Federacii» ot 21 aprelya 2000 goda № 706 (s izm. i dop. (utratil silu)) // Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii. 2000. № 17. St. 1852

28. Otnosheniya s Rossiej // Organizaciya Severoatlanticheskogo dogovora [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natolive/topics_50090.htm.

Статья поступила в редакцию 22.05.2023; одобрена после рецензирования 29.05.2023; принята к публикации 29.05.2023.

The article was submitted 22.05.2023; approved after reviewing 29.05.2023; accepted for publication 29.05.2023.

Евразийская адвокатура. 2023. № 3 (62). С. 121.
Eurasian advocacy. 2023;(3(62)):121.

Политика и экономика Евразии

Научная статья
УДК 342
doi 10.52068/2304-9839_2023_62_3_121

СВЕТСКИЙ ХАРАКТЕР ГОСУДАРСТВА В ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

САДЫКИ Галиб Мухамед-Арифович[1], САНГАДЖИЕВ Бадма Владимирович[2]
[1]Аспирант Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
117638, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1, Российская Федерация
[2]Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного, европейского права и обеспечения международной безопасности, и.о. заведующего кафедрой конституционного и административного права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
117638, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1, Российская Федерация

Аннотация: На сегодняшний день особую актуальность приобретает вопрос о характеристике Российской Федерации в качестве светского государства. Главным образом это связано с недостаточной конкретизацией конституционных положений, которые определяют правовую основу данного вопроса. Осложняется ситуация и внесенными в Основной закон нашей страны в 2020 году изменениями, которые породили определенную дискуссионность в аспекте признания России в качестве истинного светского государства. Как следствие, целью настоящей научной статьи является исследование светского характера государства в правовой доктрине Российской Федерации, а также выявление правовых пробелов в аспекте регламентации элементов проявления светского характера. Научная новизна исследования обусловлена проведением комплексного анализа современного состояния России в качестве светского государства, выявлением проблематики и предложением путей совершенствования действующего законодательства по вопросам темы научной статьи. Значение проведенного исследования в теоретическом и практическом смыслах предопределяется тем, что полученные в ходе исследования выводы и сформулированные предложения могут быть использованы как в научных, так и правоприменительных, законотворческих целях.

Ключевые слова: светское государство, Россия, религия, правовая доктрина, религиозные объединения

Для цитирования: Садыки Г.М-А., Сангаджиев Б.В. Светский характер государства в правовой доктрине Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2023. № 3(62). С. 121. https:// doi.org/10.52068/2304-9839_2023_62_3_121

Policy and economy of Eurasia

Original article

THE SECULAR NATURE OF THE STATE IN THE LEGAL DOCTRINE OF THE RUSSIAN FEDERATION

SADIKI Galib Mukhamed-Zarifovich[1], SANGADZHIEV Badma Vladimirovich[2]
[1]Postgraduate student of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)
117638, Moscow, Azovskaya str., 2, building 1, Russian Federation
[2]Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International, European Law and International Security, Acting Head of the Department of Constitutional and Administrative Law of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)
117638, Moscow, Azovskaya str., 2, building 1, Russian Federation

Abstract: Today, the question of the characterization of the Russian Federation as a secular state is of particular relevance. This is mainly due to the insufficient specification of the constitutional provisions that define the legal basis of this issue. The situation is also complicated by the amendments made to the Basic Law of our country in 2020, which gave rise to a certain controversy in the aspect of recognizing Russia as a true secular state. As a consequence, the purpose of this scientific article is to study the secular nature of the state in the legal doctrine of the Russian Federation, as well as to identify legal gaps in the aspect of regulating elements of the manifestation of such a secular nature. The scientific novelty of the research is due to the comprehensive analysis of the current state of Russia as a secular state, the identification of problems and the proposal of ways to improve the current legislation on the topic of the scientific

© Садыки Г.М.-А., Сангаджиев Б.В., 2023

article. The theoretical and practical significance of the conducted research is predetermined by the fact that the conclusions and formulated proposals can be used for scientific, law enforcement and legislative purposes.

Keywords: secular state, Russia, religion, legal doctrine, religious associations.

For citation: Sadyki G.M-A., Sangadzhiev B.V. The secular nature of the state in the legal doctrine of the Russian Federation = Eurasian advocacy. 2023;3(62):121. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2023_62_3_121

Ныне принято называть Российскую Федерацию светским государством. Главным образом это вытекает из конституционных норм Основного закона нашей страны. Однако практическая реализация таких законоположений имеет определенную специфику, что свойственно не только для российского правопорядка, но и для большинства иных стран. В данной связи в рамках настоящего исследования предопределяется важность проведения анализа в аспекте характеристики элементов проявления светского характера государства в правовой доктрине Российской Федерации.

Так, юридическое содержательное закрепление светского государства произошло только в 1993 году, когда была принята Конституция Российской Федерации [6].

Однако определенные предпосылки к становлению России как светского государства появились еще в 1721 году во время правления Петра I, который учредил Святейший Правительствующий Синод, а также предпринял ряд иных преобразований, позволивших говорить о начале проявления светского характера государства.

Следующим важным этапом в развитии светского государства стали реформы Николая II. Речь идет о провозглашении свободы вероисповедания в рамках Указа «Об укреплении начал веротерпимости». Промежуточным этапом между данным Указом и Конституцией РФ следует признать положения Декрета СНК от 23 января 1918 года «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», которые также сыграли основополагающее значение в дальнейшем юридическом оформлении и признании России в качестве светского государства [3, с. 13–14].

Соответственно, можно говорить о том, что продолжительное время государственное устройство России и церковь были достаточно тесно связаны между собой, наблюдалась их взаимозависимость, которая претерпевала различные изменения в связи с происходящими реформаторскими изменениями в рамках государственности в целом (взаимное влияние государства и церкви усиливалось и ослабевало в разные периоды развития страны).

На сегодняшний день в статье 14 Конституции РФ прямо устанавливается, что наша страна является светским государством. При этом «никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной», а «религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом». Дальнейшая правовая конкретизация светского характера государства выражается и в иных статьях Конституции РФ, а также в рамках самостоятельного Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (далее – ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [7]).

Однако даже с учетом провозглашения таких положений и гарантий в Основном законе нашей страны и специальном нормативном правовом акте в доктринальной среде имеет место быть определенная дискуссия по сути признания России в качестве светского государства. В свою очередь, такая ситуация в большей степени обусловлена недостаточной конкретизацией правового положения церкви и религиозных обществ на сегодняшний день в рамках российской государственности.

Если обратиться к научным трудам по исследуемому вопросу, то можно заметить, что позиции авторов по вопросам признания и определения России в качестве светского государства разделились. При этом определенную лепту в данный вопрос внесла конституционная реформа, проведенная в 2020 году, в результате которой в ст. 67.1 Конституции РФ появилось упоминание о Боге [1, с. 86].

Например, в научном сообществе имеется позиция о том, что включение в текст Конституции РФ такой поправки в рамках ст. 67.1 фактически дискриминирует граждан, которые не исповедуют никакой религии (например, ущемление прав атеистов) [2, с. 98].

А.Б. Агапова считает, что включение в положения Конституции РФ упоминания о Боге свидетельствует исключительно о ценности преемственности и эволюционного, созидательного пути в развитии общества и государства. В свою очередь, такое законоположение не противоречит светскому характеру государства [1, с. 86].

Аналогичная позиция прослеживается и в рамках практики правоприменения. Главным образом речь идет о судебных актах, которые были приняты Конституционным Судом РФ в аспекте толкования ст. 67.1 Конституции РФ.

Так, Конституционный Суд РФ в Заключении от 16 марта 2020 г. № 1-З пришел к выводу о том, что включение в текст Конституции не умаляет тот факт, что Российская Федерация признается в качестве светского государства [5].

С позицией Конституционного Суда РФ можно было бы согласиться, однако в противовес следует отметить, что дискуссионность признания Российской Федерации в качестве светского государства обусловлена наличием ряда правовых пробелов, которые затрудняют квалификацию отношений между государством и церковью. В данной связи нуждаются в конкретизации различные религиозные понятия, определение которых могло бы быть представлено в рамках ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях».

Более того, во избежание неоднозначного толкования ст. 67.1 Конституции РФ, как нам видится, следует в положениях ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» системно изложить права не только православных верующих и приверженцев других конфессий, но и граждан, которые не придерживаются никакой религии – атеистов, антитеистов, агностиков.

Кроме того, недостатком современного правового регулирования светского характера государства является и то, что в ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», по нашему скромному мнению, на сегодняшний день фактически признается особая роль православия. Данные положения подрывают определение России в качестве светского государства в истинном понимании. В данной связи следует выделить позицию О.Е. Кутафина, который считает, что «в истинно светском государстве не существует и не может существовать официальной государственной религии, и ни одно из вероучений не признается обязательным или предпочтительным» [4, с. 156–161]. Вместе с тем из положений ныне действующего законодательства в данной сфере можно выявить приоритет православия, что не отвечает основным принципам светского государства.

Осложняется ситуация и тем, что в нормативных правовых актах, в том числе в ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», отсутствует содержательное разъяснение такой дефиниции, как «секта», как и не представлено в системном виде легально определенных признаков такой категории. Как следствие, большинство религиозных обществ (объединений) на сегодняшний день признаются в качестве сект и получают необоснованный отказ в регистрации. В свою очередь, такой законодательный подход способствует тому, что на практике имеет место быть неравенство среди религиозных объединений, приоритет одних над другими. Такая ситуация не позволяет говорить о том, что Российская Федерация отвечает всем элементам современного светского государства.

Таким образом, проведенное исследование по вопросам светского характера государства в правовой доктрине Российской Федерации позволило прийти к следующим выводам и сформулировать определенные предложения по совершенствованию конституционно-правовых основ в данной сфере.

Так, из исторического анализа российской государственности можно проследить достаточно продолжительное взаимовлияние и взаимозависимость государства и церкви. В свою очередь, это предопределило особый современный характер проявления России в качестве светского государства. Однако, на наш взгляд, законодательный подход к установлению правовой основы свободы совести и религиозных объединений нуждается в редакции. Так, мы предлагаем конкретизировать конституционные нормы, которые устанавливают светский характер российского государства. Предлагаемые изменения и дополнения следует внести в ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», а именно:

1) необходима детализация отдельных религиозных понятий в рамках ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». При этом особое внимание со стороны законодателя должно быть уделено такой дефиниции, как «секта». Представляется, что в нынешних реалиях имеется острая нуждаемость в определении такого термина и систематизации признаков, которые будут свидетельствовать о том, что религиозное объединение может быть квалифицировано в качестве секты. В противном случае можно говорить о том, что религиозное объединение может быть необоснованно признано в качестве секты и, как следствие, получить отказ в регистрации. В свою очередь, это подрывает конституционные положения, установленные в ст. 14 Конституции РФ;

2) предлагаем в положениях ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» в системном виде изложить права не только православных верующих и приверженцев других конфессий, но и граждан, которые не придерживаются никакой религии (речь идет об атеистах, антитеистах, агностиках).

Предлагаемые изменения и дополнения позволят в большей степени реализовать на практике светский характер государства, который провозглашается на сегодняшний день в консти-

туционных положениях Основного закона нашей страны. Кроме того, таким образом удастся конкретизировать отдельные аспекты конституционных норм, которые являются правовой основной для практического воплощения России в качестве светского государства.

Список источников

1. Агапова А.Б. Светское государство в современной России: конституционно-правовой аспект // Инновации. Наука. Образование. 2022. № 67. С. 86–91.
2. Беседина К.Р., Никифорова Е.С. Реализация принципа светского государства в России в контексте внесения поправок в Конституцию РФ // Права человека: история, теория, практика. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2020. С. 95–98.
3. Бургантдинова А.А., Мирзагитова А.Л. Принцип светского характера государства: особенности реализации в современной России // Вопросы науки и образования. 2021. № 9(134). С. 13–17.
4. Государственное право Российской Федерации: учебник / под ред. О.Е. Кутафина. М.: Юрид. лит., 1996.
5. Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2020. № 2.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. № 144.
7. Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.

References

1. Agapova A.B. Svetskoe gosudarstvo v sovremennoj Rossii: konstitucionno-pravovoj aspekt // Innovacii. Nauka. Obrazovanie. 2022. № 67. S. 86–91.
2. Besedina K.R., Nikiforova E.S. Realizaciya principa svetskogo gosudarstva v Rossii v kontekste vneseniya popravok v Konstituciyu RF // Prava cheloveka: istoriya, teoriya, praktika. Kursk: Yugo-Zapadny`j gosudarstvenny`j universitet, 2020. S. 95–98.
3. Burgantdinova A.A., Mirzagitova A.L. Princip svetskogo xaraktera gosudarstva: osobennosti realizacii v sovremennoj Rossii // Voprosy` nauki i obrazovaniya. 2021. № 9(134). S. 13–17.
4. Gosudarstvennoe pravo Rossijskoj Federacii: uchebnik / pod red. O.E. Kutafina. M.: Yurid. lit., 1996.
5. Zaklyuchenie Konstitucionnogo Suda RF ot 16.03.2020 № 1-Z «O sootvetstvii polozheniyam glav 1, 2 i 9 Konstitucii Rossijskoj Federacii ne vstupivshix v silu polozhenij Zakona Rossijskoj Federacii o popravke k Konstitucii Rossijskoj Federacii «O sovershenstvovanii regulirovaniya otdel`ny`x voprosov organizacii i funkcionirovaniya publichnoj vlasti», a takzhe o sootvetstvii Konstitucii Rossijskoj Federacii poryadka vstupleniya v silu stat`i 1 dannogo Zakona v svyazi s zaprosom Prezidenta Rossijskoj Federacii» // Vestnik Konstitucionnogo Suda RF. 2020. № 2.
6. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrenny`mi v xode obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Rossijskaya gazeta. 2020. № 144.
7. Federal`ny`j zakon ot 26.09.1997 № 125-FZ (red. ot 29.12.2022) «O svobode sovesti i o religiozny`x ob``edineniyax» // Sobranie zakonodatel`stva RF. 1997. № 39. St. 4465.

Статья поступила в редакцию 01.05.2023; одобрена после рецензирования 07.05.2023; принята к публикации 07.05.2023.

The article was submitted 01.05.2023; approved after reviewing 07.05.2023; accepted for publication 07.05.2023.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Евразийская адвокатура. 2023. № 3 (62). С. 125.
Eurasian advocacy. 2023;(3(62)):125.

Политика и экономика Евразии

Научная статья
УДК 342.5
doi 10.52068/2304-9839_2023_62_3_125

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАК ОСНОВА ПУБЛИЧНОЙ СЛУЖБЫ

АДОНИНА Светлана Юрьевна
Аспирант кафедры конституционного и административного права Марийского государственного университета
424000, г. Йошкар-Ола, пл. им Ленина, д. 1, Российская Федерация

Аннотация: Цель данной работы заключается в раскрытии взаимосвязи государственной гражданской и муниципальной службы, составляющих основу формирования института публичной службы. Автором исследуется правовая природа публичной власти, проводится анализ современного законодательства, регулирующего вопросы деятельности государственных и муниципальных служащих в Российской Федерации. Делается вывод о необходимости совершенствования законодательства с точки зрения формирования единой системы публичной службы.

Ключевые слова: публичная власть, публичная служба, местное самоуправление, государственное управление, государственная служба, муниципальная служба

Для цитирования: Адонина С.Ю. Государственное и муниципальное управление как основа публичной службы // Евразийская адвокатура. 2023. № 3(62). С. 125. https:// doi.org/10.52068/2304-9839_2023_62_3_125

Policy and economy of Eurasia

Original article

STATE AND MUNICIPAL ADMINISTRATION AS THE BASIS OF PUBLIC SERVICE

ADONINA Svetlana Yur'evna
Postgraduate student of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Mari State University
424000, Yoshkar-Ola, Lenin Square, 1, Russian Federation

Abstract: The author introduces the legal nature of public authority and the analysis of modern legislation regulating the activities of state and municipal employees in the Russian Federation. It is concluded that it is necessary to improve the legislation in terms of the formation of a unified system of public service.

Keywords: public authority, public service, local self-government, public administration, public service, municipal service

For citation: Adonina S.Yu. State and municipal administration as the basis of public service = Eurasian advocacy. 2023;3(62):125. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2023_62_3_125

С введением в Конституцию Российской Федерации понятия единой системы публичной власти, объединившей как государственное, так и муниципальное управление, государственная и муниципальная служба приобрели объединяющее их значение, которое следует формулировать как публичная служба.

Рассуждая о природе публичной власти, следует согласиться с мнением И.В. Упорова, В.А. Коновалова о социально-правовой природе публичной власти. И.В. Упоров считает, что «социально-правовая природа публичной службы характеризуется ее обусловленностью как социального института, позволяющего обеспечивать основные потребности жителей территориально-публичных образований на основе Конституции России и других нормативно-правовых актов федерального, регионального и муниципального уровней» [5, с. 25]. В.А. Коновалов дополняет, что «публичная власть как социально-правовой институт реализует общественное право на государственное управление» [2, с. 87].

Исходя из понятийного содержания термина «публичный» (предназначенный для публики, общественный [6]), под публичной властью следует понимать форму социально-правового инсти-

© Адонина С.Ю., 2023

тута, который на основе правовых норм призван реализовывать конституционные права и обеспечивать основные потребности граждан на территориях публичных образований.

По мнению И.В. Алениной, «публичная власть и публичное управление рассматриваются в узком значении как деятельность специально созданных органов, призванных осуществлять организационно-нормативное обеспечение реализации функций государства и управление обществом» [1, с. 6]. Как государственные, так и муниципальные служащие осуществляют внешнее по отношению к населению управление, при этом муниципальные служащие, реализуя муниципальное управление, при осуществлении ими отдельных государственных полномочий выступают как органы государственного управления. И такое понимание роли местного самоуправления в системе публичной власти требует сближения правового регулирования муниципальной и государственной службы [1, с. 7].

Взаимосвязь государственной гражданской и муниципальной службы установлена статьей 7 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [7] и статьей 5 Федерального закона от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» [8]. Данные законы устанавливают единство таких основных характеристик государственной гражданской и муниципальной службы, как квалификационные требования, ограничения и обязательства, требования к подготовке кадров и профессиональному развитию; предусматривают учет стажа муниципальной службы при исчислении стажа гражданской службы и стажа гражданской службы при исчислении стажа муниципальной службы; соотносительность основных условий оплаты труда и социальных гарантий гражданских служащих и муниципальных служащих, основных условий государственного пенсионного обеспечения граждан, проходивших гражданскую службу, и граждан, проходивших муниципальную службу, и их семей в случае потери кормильца. Законодательно закрепленная общность государственной и муниципальной службы свидетельствует об их единой правовой природе, а в совокупности с основными принципами и задачами по обеспечению прав и свобод человека и гражданина позволяет сделать вывод об их общей функции публичного управления в интересах государства.

На наш взгляд, заслуживает внимания позиция В.В. Нестеренко о том, что закрепленные законодателем основы взаимосвязи государственной гражданской и муниципальной службы не должны ограничиваться существующими нормами права, необходимо формирование единого кадрового пространства с «недопущением приоритета одной службы над другой» [4, с. 18]. В этой связи законодателю следует устранить противоречия в условиях оплаты труда и установлении социальных гарантий для муниципальных служащих, которые нельзя назвать соразмерными и адекватными по сравнению с государственными гражданскими служащими, что нарушает установленный законом принцип соотносительности и не способствует стимулированию наращивания профессиональной компетентности, порождает кадровый дефицит на местах, что значительно затрудняет работу единого механизма публичной власти.

Данная проблема носит комплексный характер и требует системного подхода. Было бы неправильно ограничиться только вопросами денежного содержания и социальных гарантий служащих. Решая проблему единого кадрового пространства, следует пересмотреть подход к принципам формирования кадрового резерва, перейдя от формального к действующему единому кадровому резерву, который бы в действительности содержал профессиональный потенциал публичных служащих различных уровней, способных оперативно решать государственные задачи.

В современном понимании формирования единой системы публичной власти следует обновить подход к законодательному урегулированию профессиональной деятельности государственных и муниципальных служащих, призванных реализовывать государственные задачи и функции в интересах граждан как на всей территории Российской Федерации, так и в отдельных её субъектах и муниципальных образованиях, который бы способствовал созданию единой профессиональной среды публичной службы в Российской Федерации, сделал бы правовое положение публичных служащих более стабильным и системным, отвечающим современным конституционным преобразованиям.

Список источников

1. Аленина И.В. Направления совершенствования муниципальной службы в связи с провозглашением принципа единства системы публичной власти // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2023. № 1. С. 6–9.

2. Коновалов В.А. Публичная служба в Российской Федерации: к вопросу определения содержания и роли в системе государственного аппарата // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2014. № 1. Т. 14. С. 86–88.

3. Михнева С.В., Митячкина Е.С., Хачиров А.В. Правовое обеспечение реформы государственного и муниципального управления в рамках концепции единой публичной власти Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2022. № 4 (167). С. 114–117.

4. Нестеренко В.В. Взаимосвязь государственной гражданской службы и муниципальной службы: основы и перспективы // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2021. № 4. С. 16–19.

5. Упоров И.В. Социально-правовая природа и понятие публичной службы в контексте взаимодействия граждан, общества и государства // Вестник Прикамского социального института. 2022. № 1. С. 22–26.

6. Большой толковый словарь [Электронный ресурс]. URL: http://gramota.ru/slovari/dic?word=публичный&all=x/.

7. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/.

8. Федеральный закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66530/.

References

1. Alenina I.V. Napravleniya sovershenstvovaniya municipal`noj sluzhby` v svyazi s provozglasheniem principa edinstva sistemy` publichnoj vlasti // Municipal`naya sluzhba: pravovy`e voprosy`. 2023. № 1. S. 6–9.

2. Konovalov V.A. Publichnaya sluzhba v Rossijskoj Federacii: k voprosu opredeleniya soderzhaniya i roli v sisteme gosudarstvennogo apparata // Vestnik YuUrGU. Seriya «Pravo». 2014. № 1. T. 14. S. 86–88.

3. Mixneva S.V., Mityachkina E.S., Xachirov A.V. Pravovoe obespechenie reformy` gosudarstvennogo i municipal`nogo upravleniya v ramkax koncepcii edinoj publichnoj vlasti Rossijskoj Federacii // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2022. № 4 (167). S. 114–117.

4. Nesterenko V.V. Vzaimosvyaz` gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhby` i municipal`noj sluzhby`: osnovy` i perspektivy` // Municipal`naya sluzhba: pravovy`e voprosy`. 2021. № 4. S. 16–19.

5. Uporov I.V. Social`no-pravovaya priroda i ponyatie publichnoj sluzhby` v kontekste vzaimodejstviya grazhdan, obshhestva i gosudarstva // Vestnik Prikamskogo social`nogo instituta. 2022. № 1. S. 22–26.

6. Bol`shoj tolkovy`j slovar` [E`lektronny`j resurs]. URL: http://gramota.ru/slovari/dic?word=publichny`j&all=x/.

7. Federal`ny`j zakon ot 27 iyulya 2004 g. № 79-FZ «O gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhbe Rossijskoj Federacii». Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/.

8. Federal`ny`j zakon ot 2 marta 2007 g. № 25-FZ «O municipal`noj sluzhbe v Rossijskoj Federacii». Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66530/.

Статья поступила в редакцию 24.04.2023; одобрена после рецензирования 29.04.2023; принята к публикации 29.04.2023.

The article was submitted 24.04.2023; approved after reviewing 29.04.2023; accepted for publication 29.04.2023.

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Мы рады представить вашему вниманию

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

Деятельность нашего института направлена на разработку актуальных проблем юридической науки в евразийском правовом пространстве. Институт проводит фундаментальные и прикладные исследования в области государственно-правовых наук, международного права, адвокатуры и нотариата, социологии права, политологии, интерэкоправа, изучает закономерности правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности, разрабатывает на этой основе практические рекомендации, принимает участие в разработке законопроектов, содействует повышению профессионального уровня юристов, организует и участвует в проведении научных мероприятий, оказывает консультационные услуги в области права, а также редакционно-издательские услуги.

Приглашаем вас к сотрудничеству!

Контактная информация:

Website: www.eurasniipp.ru E-mail: info@eurasniipp.ru WhatsApp: +7-917-40-61-340

Проведем оценку имущества для любых целей:

- ✓ Недвижимости для оспаривания кадастровой стоимости
- ✓ Ущерба от залива, пожара, действий третьих лиц, после ДТП
- ✓ Бизнеса, ценных бумаг, нематериальных активов
- ✓ Движимого и недвижимого имущества
- ✓ Машин и оборудования

Бесплатная консультация

Срок исполнения от 1 часа

Доставка отчетов курьером

Выполнение с учетом требований законодательства

Проведем профессиональную экспертизу:

Строительно-техническую
Землеустроительную
Инженерно-технологическую
Пожарно-техническую
Автотехническую
Почерковедческую
Подлинности документов
Оценочную
Товароведческую
Бухгалтерскую

Профессионализм экспертов и современные методики проведения исследований в сжатые сроки обеспечивают максимально достоверные результаты!

Входим в ТОП-70 крупнейших компаний России, работающих на рынке оценки. *

*По итогам 2017 года согласно рейкингу Рейтингового агентства RAEX («Эксперт РА»)

Платинум
группа компаний

м. Бауманская,
г. Москва, ул. Бауманская, д. 22, офис 207

ocenka-m.com • info@ocenka-m.com

8 (800) 100-50-01 • 8 (495) 308-15-15